

Д. В. ШАБАЕВ

ПРАВДА О ВЫСЕЛЕНИИ БАЛКАРЦЕВ

Издание второе,
дополненное

Муфсей Аюпов, без
Свейладе Аюповой, без
которой для горских евреев
не было бы, Товуш, светлого
луча в нашей мрачной
действительности, с добрым
пожеланием по
всему правому еврейству не
возрождать в Европе,
Северном Кавказе,
Среднем Востоке автор.

НАЛИЧЕ
«АЛЬБРУС»

1994

Д. Шабеев

15.04.94

Книга «Правда о выселении балкарцев», первое издание которой увидело свет в 1992 году, посвящена трагическим страницам истории балкарского народа: выселению из родных мест в Казахстан и Киргизию, тяжким испытаниям, которые пришлось пережить им в течение тринадцати лет вместе с чеченцами, ингушами, карачаевцами, турками-месхетинцами. Работа написана на основе ранее не публиковавшихся материалов государственных, ведомственных и бывших партийных архивов, архивов КГБ и МВД.

Автор книги — Давид Викторович Шабает в 1949 г окончил Московский государственный историко-архивный институт МВД СССР. В течение 43 лет работал в архивных учреждениях республики, из них 40 лет — начальником архивного отдела МВД КБАССР, начальником Архивного управления при Кабинете Министров Кабардино-Балкарской Республики. Издал более десяти научно-популярных книг и сборников архивных документов по истории Кабардино-Балкарии.

Д. В. Шабает — активный участник Великой Отечественной войны, имеет правительственные награды, заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики.

Ш 0503020900-009
М125(03)-94 Без объявления

ISBN 5-7680-0867-5

© Д. В. Шабает, 1994 г.

ОТ АВТОРА

Долгое время трагедия выселенных народов оставалась запретной темой. По этой причине еще несколько лет назад публикация подобной книги, как эта, была бы невозможна. Ее издание — свидетельство позитивных процессов, происходящих в нашем обществе, строящем правовое государство. Вполне закономерным является требовательное желание граждан знать подлинную историю своей страны, своего народа, какой бы она ни была суровой и трагической.

Эта книга посвящена истории выселения балкарцев, их положению в ссылке, этим жгучим вопросам, той боли, от которой и сегодня сжимается сердце и подкатывает к горлу горячий ком у тысяч и тысяч людей, переживших одну из самых тяжелых трагедий XX столетия.

Насильственное и ничем не оправданное выселение народов Северного Кавказа, калмыков, крымских татар, турок-мехетинцев в годы Великой Отечественной войны — одно из тяжчайших преступлений сталинщины. Через 45 лет, 14 ноября 1989 года, Верховный Совет СССР принял Декларацию о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав. «Сегодня, — говорится в Декларации, — в период революционного обновления советского общества, когда начат процесс демократизации, очищения всех сторон нашей жизни от деформаций и искажений общечеловеческих принципов гуманизма, в стране усиливается стремление знать всю правду о прошлом, чтобы усвоить его уроки во имя будущего...»

Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-мехетинцев, чеченцев...»¹

К сожалению, эти варварские акции не нашли должного отражения в исторической науке. Этих вопросов мало коснулась и наша печать.

Документальные материалы о выселении балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар, турок-

¹ Известия, 1990, 21 сентября.

месхетинцев продолжают оставаться на спецхранении, как будто на дворе не конец XX столетия с широкой демократизацией общества, с гласностью, а все еще те же печальной памяти десятилетия, когда история, ограниченная и урезанная искусственными рамками «Краткого курса истории ВКП(б)», как наука была скомпрометирована самими же историками.

Правда жизни объемна, и выпячивание одной из ее сторон при замалчивании других оборачивается неправдой. Поэтому я старался охватить все основные вопросы выселения балкарцев и его драматические последствия. Но работа не претендует на полное освещение темы. Мне хотелось в силу своих возможностей рассказать о событиях, предшествовавших выселению, и о самом выселении, о роли Берия и его приспешников в этой преступной акции, о судьбе имущества ссыльных, о тяжелой борьбе за выживание на казахстанской и киргизской земле, о трагической участи тысяч безвинных людей, ставших жертвами тоталитарной системы, в которой мы жили много десятилетий.

Настоящая работа не только о ссыльных балкарцах. Трагедия была одна на все выселенные народы. Поэтому в книге приводятся сведения о находившихся в изгнании карачаевцах, чеченцах, ингушах, калмыках, турках-месхетинцах, факты из их тяжелой жизни в Киргизии и Казахстане.

Работа написана на основе документальных материалов, хранящихся в государственных и бывших партийных архивах: Государственном архиве Российской Федерации, Центральном государственном архиве Республики Казахстан, Государственном архиве политической документации Республики Кыргызстан, Центральном государственном архиве КБР, Центре документации новейшей истории КБР. В ней использованы воспоминания, а также сведения, почерпнутые автором из бесед З. Д. Кумеховым — первым секретарем Кабардино-Балкарского областного комитета партии в годы Великой Отечественной войны и И. Л. Ульбашевым, работавшим в годы войны председателем Президиума Верховного Совета КБАССР, а после возвращения балкарцев — секретарем Кабардино-Балкарского обкома КПСС.

Выражаю глубокую благодарность всем, кто оказал мне помощь в работе над книгой, особенно моим коллегам — архивистам.

ПРЕЛЮДИЯ К ВЫСЕЛЕНИЮ

В 1943 году, после изгнания фашистских захватчиков с юга нашей страны, народные комиссариаты внутренних дел и государственной безопасности автономных республик Северного Кавказа направили Л. П. Берия, народному комиссару внутренних дел СССР, генеральному комиссару госбезопасности, отчеты о работе. В них содержались сведения о военно-политическом положении национальных республик, информация о борьбе чекистов с вражеской агентурой, антисоветскими элементами, с бандитскими группами в период военных действий на Северном Кавказе. На основе этой информации Лаврентий Берия, сгустив краски, подготовил и представил председателю Государственного Комитета Обороны СССР И. В. Сталину доклад, в котором объявил карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев изменниками и предлагал наказать их — переселить в восточные районы страны. Проведение этой беспрецедентной операции он брал на себя и свое ведомство, у которого был немалый опыт в осуществлении репрессивных мер, правда, в отношении отдельных лиц и групп. Но Берия был уверен в успехе крупномасштабной акции по переселению народов, если она будет одобрена Сталиным. Великому вождю стоило сказать одно слово «нет», и вся последующая история многих народов Северного Кавказа и калмыков потекла бы по тому естественному руслу, по которому она должна была протекать. Но Сталин этого слова не сказал. Он согласился с выводами Берия так же, как согла-

шался с ним и его предшественниками в оценке деятельности крупных партийных, государственных и военных деятелей, умерщвленных грязными руками палачей-исполнителей злой воли Ягоды, Ежова, Берия. Согласился с предложением Берия и тем самым обрек тысячи безвинных людей на позор, лишения, смерть. Берия разработал чудовищный план переселения сотен тысяч людей Северного Кавказа в районы Казахстана, Средней Азии и в другие районы страны. Маховик репрессивной машины стал раскручиваться.

2 ноября 1943 года в «телячьих» вагонах со станции Джегута в Казахстан и Киргизию были вывезены карачаевцы. Часть карачаевцев была выселена в Таджикскую ССР, Иркутскую область, на Дальний Север. Карачаевская автономная область была ликвидирована, значительная ее часть под названием Клухорский район включена в состав Грузинской ССР. Карачаевск — центр области — был переименован в город Клухори.

24 сентября 1944 года Президиум Верховного Совета Грузинской ССР издал Указ, по которому все карачаевские селения были переименованы и получили грузинские названия.

27 декабря 1943 года была ликвидирована Калмыцкая АССР. Более 90 тысяч калмыков были выселены в Сибирь, в Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую, Кемеровскую и Омскую области, небольшая часть — в Казахстан и даже на Сахалин. Территорию республики расчленили на три части и включили в состав Ростовской, Астраханской и Сталинградской областей. Бывшая столица Элиста была переименована в город Степной.

В январе 1944 года в Народном комиссариате внутренних дел СССР по инициативе Берия стал

разрабатываться план выселения балкарцев. А через две недели в начале февраля 1944 года первому секретарю Кабардино-Балкарского областного комитета партии Зуберу Кумехову из Москвы позвонил генерал-полковник Кобулов, первый заместитель Берия. Он сообщил, что в правительстве рассматривался вопрос о переселении некоторых народов Северного Кавказа за участие в бандитизме. «Наркому внутренних дел Бзиава и наркому госбезопасности Филатову,— сказал Кобулов,— дано указание срочно подготовить обширную справку о политико-экономическом положении Кабардино-Балкарии. Подпишите ее втроем и вышлите Лаврентию Павловичу Берия. Справка должна содержать конкретные предложения, о которых Филатов и Бзиава информированы».

Для чего нужна была такая справка Берия, если еще в 1943 году у него уже была информация о политико-экономическом положении национальных республик Северного Кавказа и вопрос о переселении народов им практически уже был решен? Трудно ответить на этот вопрос. Вероятно, Берия хотелось остаться «чистым» в деле с переселением, сделать инициаторами его, хотя и задним числом, местные власти.

Через несколько дней со справкой, подготовленной в недрах наркоматов внутренних дел и государственной безопасности Кабардино-Балкарской АССР, К. П. Бзиава и С. И. Филатов прибыли в обком партии к Кумехову.

«Члену Государственного Комитета Оборона СССР, Народному Комиссару Внутренних дел СССР, Генеральному комиссару госбезопасности Берия Л. П.»,— прочитал первый секретарь начало справки. Далее в ней были даны сведения о численности населения Кабардино-Балкарской АССР

в разрезе районов, о размерах земли, о состоянии животноводства. В основном справка содержала сведения по Балкарии. Большое место в ней отводилось борьбе чекистов с бандитскими группами. Заканчивалась она следующими словами: «Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым решить вопрос о возможном переселении балкарцев за пределы КБАССР»¹. Под справкой стояли подписи Бзиавы и Филатова. Первая подпись должна была быть Кумехова. Прочитав справку, секретарь обкома задумался. Он брал на себя большую ответственность. Пауза затянулась.

«Зубер Докшокович,— прервал ее Филатов,— вопрос о переселении балкарцев в Москве уже решен. Наши подписи фактически значения не имеют. Но наше отношение к бандитизму Лаврентий Павлович Берия должен знать. Мы с Бзиавой справку подписали. В случае, если на ней не поставит свою подпись первый секретарь обкома партии, не выглядит ли это политической близорукостью?»

Кумехов понимал, что его подпись не может повлиять на решение, принятое в Москве. Он понимал и то, что спорить с Берия или Кобуловым, по чьей инициативе составлялась справка, было бессмысленно. Он придвинул к себе справку и поставил подпись. Это было 23 февраля 1944 года.

Много лет спустя я спросил Зубера Докшоковича:

— Что же вас вынудило подписать эту справку?

— Мне уже задавали этот вопрос,— сказал Кумехов,— и я могу на него ответить. Подписать этот документ меня вынудили обстоятельства. А они были в то время очень сложные. Допустим, я

¹ Центр документации новейшей истории КБР, ф. 1, оп. 1, д. 679, л. 5.

не подписал бы эту справку. Усугубилось бы в таком случае положение Кабардино-Балкарии? Уверен, что да, усугубилось бы. Берия был не только жестоким и властолюбивым человеком. Он был очень мстительным и ни перед чем бы не остановился, чтобы наказать и народы Кабардино-Балкарии, и меня, как первого секретаря обкома партии, если б я не подписал эту злополучную справку. Признаться, в то время я мало думал о своей участи. Знал, что от должности освободят, так как областная партийная организация допустила ряд серьезных ошибок в предоккупационный период. Меня беспокоила судьба Кабардино-Балкарской АССР: могли выселить и кабардинцев, и балкарцев, а Кабардино-Балкарскую АССР ликвидировать и вместо нее образовать административную область, как поступили позже с Чечено-Ингушской АССР, которую после выселения чеченцев и ингушей ликвидировали и образовали Грозненскую область. Через некоторое время после выселения балкарцев,— продолжал Кумехов,— нарком госбезопасности Филатов сообщил мне, что вопрос о выселении кабардинцев и о ликвидации Кабардино-Балкарской Автономной Республики Берия рассматривался. Через Кобулова он выяснял мнение по этому вопросу Бзиавы и Филатова. Наркомы высказались против выселения кабардинцев.

— А балкарцев надо было выселять?

— Нет,— твердо ответил Кумехов. А после непродолжительной паузы сказал: — Некоторые считают, что я подписал этот документ потому, что я кабардинец. А если бы, мол, я был балкарец, никогда б его не подписал. Я уверен, что в то время ни один человек, будучи на моем месте, к какой бы национальности он ни принадлежал, не посмел бы отказаться подписать этот документ, состряпанный

по указке Берия. Спросите у руководящих балкарских товарищей: взял бы кто из них на себя такую смелость?

Через несколько дней я решил обратиться к одному из авторитетных и уважаемых руководящих работников Кабардино-Балкарии, секретарю областного комитета партии, балкарцу по национальности, И. Л. Ульбашеву. До оккупации республики немецко-фашистскими захватчиками и перед выселением балкарцев он являлся председателем Президиума Верховного Совета КБАССР.

— Как вы относитесь,— спросил я Исмаила Локмановича,— к справке, которая за подписью секретаря обкома ВКП(б) Кумехова, наркома государственной безопасности Филатова и наркома внутренних дел Бзиавы была направлена Лаврентию Берия?

Оказывается, Исмаил Локманович об этой справке ничего не знал.

— Любопытный документ,— проговорил он, когда я ознакомил его с содержанием справки.

— Исмаил Локманович,— сказал я,— отношение к этой справке любого человека отрицательное. И это вполне понятно. Но будучи в тех условиях, в которых находился Кумехов, когда Берия и Кобулов требовали от первого секретаря обкома партии подписать этот документ, как вы считаете, на месте Кумехова другой человек, будь он кабардинец или балкарец, подписал бы его или отказался ставить под ним свою подпись?

— Ну вопросик у вас,— развел руками Исмаил Локманович. — Разве сегодня это кому-то важно знать? Дела давно минувших дней. — Выдержав паузу, сказал: — Боль балкарского народа не скоро пройдет. Главное: народ не терял веру в

справедливость. Вместе с другими народами балкарцы самоотверженно воевали на фронтах войны, не покладая рук трудились, находясь тринадцать лет в Средней Азии и Казахстане. И эта вера позволила им выжить и вернуться на родную землю. А что сказать о справке, которую направили Берия? Вы по этому вопросу говорили с Кумеховым?

— Да, говорил. Зубер Докшочкович считает, что в тех условиях на его месте любой бы человек подписал этот документ. Как вы считаете, не есть ли это попытка оправдать себя?

— Для того чтобы обвинять Кумехова или не обвинять, надо хорошо знать те условия, в которых он работал. Нельзя к этому вопросу подходить с сегодняшних позиций. Давайте представим себе такой вариант: Кумехов не подписал эту справку. Чтобы случилось? На второй день Кобулов позвонил бы Филатову и Бзиае и приказал арестовать Кумехова, как врага народа, допустившего прорыв фашистских захватчиков в район Приэльбрусья. Как вы знаете, Кумехов был членом Военного совета 37-й армии и первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома партии. Вот и свалили бы на него вину за неудачи нашего командования. И с ним поступили бы так же, как поступали с теми, кого Берия объявлял врагами народа. А на должность первого секретаря нашли бы другую кандидатуру. Я знаю, о чем вы хотите спросить: балкарец, будучи первым секретарем обкома партии, подписал бы этот документ? Я вам отвечу. Во-первых, вопрос о выселении был в центре решен еще за несколько месяцев до отправления справки. Во-вторых, этот документ не мог сыграть какой-либо роли в судьбе балкарского народа. Поэтому его мог подписать на месте Кумехова и балкарец. А то, что в нем раздуты масштабы бандитизма, так

это на совести наркомов Филатова и Бзиава.

После паузы он спросил:

— Вы хотите что-то написать о том смутном и трагическом времени?

— Пока собираю материал: архивные документы, воспоминания.

— И наш разговор вы используете?

— Если вы разрешите.

— Используйте,— сказал Исмаил Локманович. — К сожалению, о ссылке балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, калмыков ничего не написано. Пишите правду, какой бы горькой она ни была, пусть даже кому-то она не понравится. Люди должны знать правду о выселении. У вас такая должность,— улыбнулся он,— что все архивы беспрепятственно откроют вам свои хранилища.

Беседа эта состоялась весной 1958 года. В то время я работал начальником архивного отдела МВД КБАССР.

Поправив на столе какие-то бумаги, Ульбашев сказал слова, которые я в своих записках подчеркнул: «Балкарцы пережили страшную трагедию. Но было бы бедой, если б кто-то из них, не зная всех обстоятельств, связанных с выселением, попытался нагнетать атмосферу недоверия к соседним народам. Вина за выселение, страдания балкарцев ложится прежде всего на Берия. Он инициатор выселения. А помогли ему в этом черном деле его подручные, их иначе не назовешь, это наркомы Филатов и Бзиава».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЧЕКИСТАХ

Чекисты Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны вели самоотверженную борьбу против фашистских захватчиков и бандитских

отрядов. Рассказывая об этой борьбе, мне хочется поведать читателю и о той роли, которую сыграли они в выселении балкарцев.

Еще в 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, органы НКВД и НКГБ Кабардино-Балкарской АССР усилили работу по выявлению вражеской агентуры и антисоветских элементов. Чекисты честно и добросовестно выполняли свой долг перед Родиной, проявляя высокую бдительность и соблюдая законность, вели себя мужественно и отважно.

Работа чекистов значительно усложнилась, когда немецко-фашистские войска летом 1942 года ворвались на Северный Кавказ, а к ноябрю оккупировали всю территорию Кабардино-Балкарской АССР. Органы внутренних дел и государственной безопасности формировали и забрасывали в тыл врага разведывательные и оперативные группы, с помощью советских патриотов устанавливали места дислокации противника, добывали разведывательные данные для командования советских войск.

Большую помощь оказали чекисты Тырныаузскому вольфрамо-молибденовому комбинату в эвакуации специалистов комбината и их семей в августе 1942 года, когда в Приэльбрусье уже шли бои с гитлеровскими егерями из дивизии «Эдельвейс». 1 500 тырныаузцев совершили легендарный переход через перевал Бечо на высоте 3 375 метров.

Чекисты выполняли организационную работу по строительству оборонительных сооружений, эвакуации ценного оборудования и сырья предприятий и колхозного скота в тыл.

Работники НКВД и НКГБ вели борьбу с вражескими десантами, принимали непосредственное участие в боевых операциях против гитлеровцев на

территории республики. В составе Особой группы 37-й армии чекисты вели бои в районе Приэльбрусья. Вот что написано в книге «Чекисты Кабардино-Балкарии» о боях в Баксанском ущелье: «В ноябрьские дни сорок второго, когда 392-я стрелковая дивизия, оборонявшая Баксанское ущелье, оказалась отрезанной от основных наших сил и по приказу командования Закавказского фронта выходила через перевал Донгуз-Орун в Грузию, отряды НКВД прикрывали ее отход... 13 ноября саперами дивизии и чекистами были взорваны шахты, канатная дорога, обогатительная фабрика, цеха Тырныаузского комбината, чтобы ими не воспользовались гитлеровцы»¹.

В период временной оккупации территории Кабардино-Балкарии немецко-фашистскими захватчиками чекисты сражались в партизанских отрядах.

Немало чекистов пало в ожесточенных боях с гитлеровцами и бандитскими отрядами. Среди них: Ч. П. Зихов, М. М. Будовой, Н. Х. Нартоков, А. А. Гусейнов, А. Х. Балкаров, С. А. Демчук. При выполнении особого задания погибли Х. А. Асанов, П. Н. Собакаръ, М. М. Мечукаев, Я. А. Жанатаев.

Группа работников НКВД была награждена орденами и медалями. В этой группе были и балкарцы. Асанов Хасан Абдулаевич, заместитель народного комиссара внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР был награжден орденом Отечественной войны II степени (посмертно), орденом Красной Звезды — Мечукаев Мурадин Муратович (посмертно), медалью «За отвагу» — Искендеровы: Ханафи Ибрагимович (посмертно) и его сестра Лиза Ибрагимовна, Нух Алиевич и Якуб Алиевич Жанатаевы (посмертно), и другие.

¹ Чекисты Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. С. 95.

Еще летом 1942 года в документе с грифом «совершенно секретно», направленном немецко-фашистскому командованию на Северном Кавказе, Гитлер откровенно выразил свое отношение к народам этого края. «На Кавказе,— читаем в документе,— как нигде в другом месте России, адаты, мусульманские законы, шариат еще крепко держат в руках большую часть горского населения в повиновении. И это нам во многом облегчает задуманную акцию. Горцы по натуре очень наивны и легкомысленны. С ними работать легче, чем с другими национальностями. Нам нужно хорошо вооружить местных бандитов, передать им важные объекты до прихода германских войск, которые они и сохраняют для нас. Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем захватить Баку и установить на Кавказе оккупационный режим, ввести в горы необходимые гарнизоны, и, когда в горах наступит относительное спокойствие, всех горцев уничтожить»².

Такую участь готовило немецко-фашистское командование кавказским народам. Для осуществления своих преступных планов оно использовало антисоветские элементы, разжигало национализм, играло на религиозных чувствах коренного населения.

Хаджи Козе Хотеков именовался при оккупантах «кади Кабардино-Балкарии». В ноябре 1942 года в кабардинских и балкарских селениях и в Нальчике появились отпечатанные в типографии листовки за его подписью. Это было «Воззвание к мусульманам». «Всемогущий аллах милосерден,— писал кади,— и послал нам освободителя в лице

² Попутько П., Христинин Ю. Именем ВЧК. Ставропольское книжное издательство. 1982. С. 280.

фюрера великого германского народа Адольфа Гитлера, спасшего вольнолюбивый народ Кабардино-Балкарии от цепей рабства и безбожия»³ Этот новоиспеченный кади призывал мусульман к священной войне против Советской власти. Воззвание заканчивалось словами: «...возьмемся за труд и вознесем наши молитвы к Всемогущему Аллаху за полное очищение вселенной от нечисти безбожия и безверия, за окончательный разгром большевизма, за нашего фюрера Адольфа Гитлера»⁴.

Ему вторила в своем «Воззвании к кабардинскому и балкарскому народу» группа из так называемого «национального правительства Кабардино-Балкарии», сформированного гитлеровским командованием в Нальчике из изменников Родины, таких, как Д. Тавкешев, К. Бештоков, С. Шадов, белоэмигрант П. Шакманов и другие. В «Воззвании...» говорилось: «Братья кабардинцы и балкарцы! Гитлеровская армия под водительством фюрера великого германского народа Адольфа Гитлера изгнала из пределов нашей прекрасной родины — Кабардино-Балкарии большевистские банды и освободила нас от господства жидо-большевищ. Мрачные времена большевистского террора канули в вечность и больше никогда не вернутся. Приняв из рук германского командования этот великий и священный дар — свою свободу, кабардинский и балкарский народ стал отныне сам себе хозяином»⁵.

В то время, когда в селениях Кабардино-Балкарии распространялись эти листовки с воззваниями приспешников фашистского командования, гитле-

³ ЦГА КБР, ф. 290, оп. 2, д. 5, л. 1.

⁴ Там же, оп. 1, д. 5, л. 1.

⁵ Там же, л. 2.

ровцы в этих же селениях расстреливали мирных жителей, устанавливали кровавый режим на оккупированной территории. И это в воззваниях предателей называлось «священным даром — свободой».

Немалые надежды возлагало фашистское командование в достижении скорой победы на Северном Кавказе на бандитские группы. Но ставка гитлеровцев на бандитов, скажем прямо, провалилась.

Еще в 1942 году в системе Главного управления имперской безопасности (РСХА) был создан разведывательный орган «Цеппелин». Его основной задачей являлось внедрение гитлеровской агентуры в национальные районы СССР для создания националистических, антисоветских движений. Для осуществления своих планов «Цеппелин» в 1942 году с помощью министерства «по делам оккупированных восточных территорий» образовал в Берлине «национальные комитеты», в том числе северокавказский. «Цеппелин» готовил диверсионные группы из предателей, изменников родины. Эти группы проходили тщательную подготовку в разведывательных школах в городах Бердянске и Зандберге. Перед заброской в советский тыл их переодевали в форму командиров и солдат Красной Армии. При себе они имели оружие, взрывчатку, рацию, фиктивные документы, большие суммы советских денег. С аэродрома крымского города Саки, а позже с аэродрома вблизи румынского города Бузау, в ночное время на юго-восток уходил одиночный военный самолет без опознавательных знаков и сбрасывал диверсантов в районы Северного Кавказа. В 1943—1944 годах на территорию Кабардино-Балкарии было заброшено в общей сложности 12 диверсионных групп, состоявших из 97 человек, в основном из лиц местных националь-

фюрера великого германского народа Адольфа Гитлера, спасшего вольнолюбивый народ Кабардино-Балкарии от цепей рабства и безбожия»³ Этот новоиспеченный кади призывал мусульман к священной войне против Советской власти. Воззвание заканчивалось словами: «...возьмемся за труд и вознесем наши молитвы к Всемогушему Аллаху за полное очищение вселенной от нечисти безбожия и безверия, за окончательный разгром большевизма, за нашего фюрера Адольфа Гитлера»⁴.

Ему вторила в своем «Воззвании к кабардинскому и балкарскому народу» группа из так называемого «национального правительства Кабардино-Балкарии», сформированного гитлеровским командованием в Нальчике из изменников Родины, таких, как Д. Тавкешев, К. Бештоков, С. Шадов, белоэмигрант П. Шакманов и другие. В «Воззвании...» говорилось: «Братья кабардинцы и балкарцы! Гитлеровская армия под водительством фюрера великого германского народа Адольфа Гитлера изгнала из пределов нашей прекрасной родины — Кабардино-Балкарии большевистские банды и освободила нас от господства жидо-большеви́ков. Мрачные времена большевистского террора канули в вечность и больше никогда не вернуться. Приняв из рук германского командования этот великий и священный дар — свою свободу, кабардинский и балкарский народ стал отныне сам себе хозяином»⁵.

В то время, когда в селениях Кабардино-Балкарии распространялись эти листовки с воззваниями приспешников фашистского командования, гитле-

³ ЦГА КБР, ф. 290, оп. 2, д. 5, л. 1.

⁴ Там же, оп. 1, д. 5, л. 1.

⁵ Там же, л. 2.

ровцы в этих же селениях расстреливали мирных жителей, устанавливали кровавый режим на оккупированной территории. И это в воззваниях предателей называлось «священным даром — свободой».

Немалые надежды возлагало фашистское командование в достижении скорой победы на Северном Кавказе на бандитские группы. Но ставка гитлеровцев на бандитов, скажем прямо, провалилась.

Еще в 1942 году в системе Главного управления имперской безопасности (РСХА) был создан разведывательный орган «Цеппелин». Его основной задачей являлось внедрение гитлеровской агентуры в национальные районы СССР для создания националистических, антисоветских движений. Для осуществления своих планов «Цеппелин» в 1942 году с помощью министерства «по делам оккупированных восточных территорий» образовал в Берлине «национальные комитеты», в том числе северокавказский. «Цеппелин» готовил диверсионные группы из предателей, изменников родины. Эти группы проходили тщательную подготовку в разведывательных школах в городах Бердянске и Зандберге. Перед заброской в советский тыл их переодевали в форму командиров и солдат Красной Армии. При себе они имели оружие, взрывчатку, рацию, фиктивные документы, большие суммы советских денег. С аэродрома крымского города Саки, а позже с аэродрома вблизи румынского города Бузау, в ночное время на юго-восток уходил одиночный военный самолет без опознавательных знаков и сбрасывал диверсантов в районы Северного Кавказа. В 1943—1944 годах на территорию Кабардино-Балкарии было заброшено в общей сложности 12 диверсионных групп, состоявших из 97 человек, в основном из лиц местных националь-

ностей. Ни одна из этих групп не смогла осуществить задания разведывательного органа «Цепелин». Опираясь на помощь населения, чекисты своевременно обнаружили парашютистов и обезвредили их.

Не оставлял без внимания районы Северного Кавказа и гитлеровский диверсионный отдел «Абвер II». По его заданию, читаем в книге «Чекисты Кабардино-Балкарии», «к ноябрю 1942 года на территории Черекского района предателями было организовано и сконцентрировано бандитское формирование. Характерно политическое лицо его руководителей. Занкишиев (Хутай) еще в 1929 году был осужден на 10 лет за политический бандитизм. Табаксоев осужден в 1940 году за растрату, однако на следующий год, убив надзирателя, бежал из мест заключения. Скрывавший свое истинное лицо Жангуразов занимал до призыва в Красную Армию ответственный пост, но, попав на фронт, перешел на сторону врага, окончил в Германии разведшколу и, получив чин офицера, был заброшен с диверсионными целями в Кабардино-Балкарию. Именно он собирал здесь в банду врагов Советской власти, неустойчивых элементов, дезертиров и военнопленных, согласившихся сотрудничать с фашистами. Направляли действия банды Занкишиева — Жангуразова командование вражеских войск, обосновавшееся в городе Нальчике, через изменившего Родине бывшего полковника Михрадзе, и полевой штаб в селении Жемтала.

После изгнания немецко-фашистских захватчиков из Кабардино-Балкарии 169-й полк войск НКВД и личный состав органов госбезопасности и милиции приступили к ликвидации бандитских групп, которые оказывали ожесточенное вооруженное сопротивление. К концу февраля бандфор-

мирование Занкишиева—Жангуразова практически было ликвидировано, в руки чекистов попали 157 бандитов, большое количество оружия.

Советские патриоты обращались к сотrudникам НКГБ и НКВД со сведениями о скрывавшихся дезертирах и полицейских, одиночках-грабителях и бандитских группах, предлагали свою помощь. Только по Эльбрусскому району местные старики, пользующиеся авторитетом у односельчан, в феврале 1943 года убедили вернуться домой 88 членов банд. Нередки были случаи, когда сами трудящиеся доставляли задержанных бандитов в районные отделы госбезопасности и милиции.

Родина проявляла гуманность к добровольно сдавшимся рядовым членам банд. Им сохранялась жизнь»⁶.

КТО СКРЫВАЛСЯ В ГОРАХ?

В 1942—1943 годах в горах Балкарии находились не только группы бандитов, но и группы (назовем их так) дезертиров из Красной Армии. Бандиты вели вооруженную борьбу против Советской власти, нападали на регулярные воинские части, помогали немецко-фашистским захватчикам устанавливать в Балкарии кровавый «порядок». Дезертиры, среди которых были лица разных национальностей, бежали из своих воинских подразделений, изменили присяге, ушли подальше в горы, надеясь отсидеться в глухих, почти недоступных местах, а после окончания войны вылезти из своих нор и щелей и вернуться домой. Это были трусы, нарушившие не только воинскую присягу, но и изменившие Родине. Но они не вели вооруженную борьбу про-

⁶ Чекисты Кабардино-Балкарии. С. 211—212.

тив Советской власти. Это были не бандиты. Но органы НКВД и НКГБ не делали различия между бандитскими группами и группами дезертиров. Все они получили одно наименование: бандитские формирования. Таким образом количество бандитов в горах Балкарии в документах НКВД и НКГБ КБАССР искусственно было завышено. Прояви в свое время руководство этих наркоматов объективность, принципиальность и добросовестность, не смешай оно тех, кто действительно вел вооруженную борьбу против Советской власти, с теми, кто дезертировал из армии и скрывался в горах, не применяя оружия против советских войск и местного населения, то в документах, направленных Берия, количество бандитов уменьшилось бы намного. Но этого, к сожалению, не случилось.

Кто же входил в бандитские формирования, как громко называли в документах НКВД и НКГБ группы бандитов? Как могло случиться, что в горах Балкарии, где в годы гражданской войны весь народ поголовно, от мала до велика, поднялся на борьбу против деникинцев, несмотря на виселицы, расстрелы, дикий террор белогвардейцев, не сложил оружия, в неравных боях теряя лучших своих сынов, с остервенением защищал Советскую власть, веря в ее окончательную победу, считая ее своей, народной властью, как могло случиться, что в этих же горах через каких-нибудь двадцать лет появились люди, поднявшие оружие против Советской власти?

Основным костяком бандитских групп явились бывшие белогвардейцы, отпрыски тауби, богатых скотоводов, эксплуатировавших крестьян, т. е. те, у кого были основания быть недовольными Советской властью: благодаря этой власти они лишились земли, имущества, скота и привилегий.

Это были явные враги новой власти. До поры до времени они скрывали свое истинное лицо, но надеялись, что фортуна повернется к ним и наступят новые времена, когда им удастся вернуть все, что отняла у них Советская власть. Когда гитлеровцы ворвались на Северный Кавказ, они активизировали свою антисоветскую деятельность.

В бандах находились и крестьяне. Их следует разделить на две группы. К первой следует отнести тех, кто в годы коллективизации принудительно, помимо своей воли, был загнан в коллективные хозяйства, а некоторые безосновательно раскулачены. В основном это были середняки. В гражданскую войну они воевали против белогвардейцев на стороне Советской власти. После окончательной победы над врагом они получили землю и стали работать на ней с удесятеренной энергией.

Большинство балкарских крестьян были зажиточными. Зажиточность приходит от трудолюбия. С детских лет балкарцы познавали тяжелый труд животноводов и земледельцев в условиях суровых гор.

В 20-е годы страну кормили середняки — настоящие труженики. Худо ли бедно ли они обеспечивали сельскохозяйственной продукцией себя, своевременно отдавали государству то, что было положено, излишки везли на рынок. Но с коллективизацией жизнь усложнилась. Средняк-собственник не хотел менять свой уклад жизни на тот, который ему предлагали в коллективном хозяйстве. Он лишался земли, которую получил из рук Советской власти, его скот и сельскохозяйственный инвентарь обобществлялись. Поэтому большинство балкарских крестьян не желало вступать в колхозы.

В Кабардино-Балкарском областном комитете ВКП(б) был разработан план коллективизации сельского хозяйства в области. По этому плану коллективизация в Балкарии должна была завершиться к концу второй пятилетки, т. е. к 1937 году. Уполномоченные обкома партии ездили по селениям и на сельских сходах агитировали крестьян вступать в колхозы, доказывая преимущества коллективного хозяйства перед единоличным хозяйством. Они выступали от имени Коммунистической партии и подчеркивали, что тот, кто не желает вступать в колхоз, идет против генеральной линии партии в сельском хозяйстве, является кулаком, а кулак — враг Советской власти. «Кулаков ждет холодная Сибирь», — подчеркивали в своих выступлениях на сельских сходах обкомовские эмиссары.

С мнением большинства крестьян областной комитет ВКП(б) не считался. Ему важно было в установленный срок, а лучше раньше этого срока доложить в Москву о завершении сплошной коллективизации в Кабардино-Балкарской автономной области.

Боясь репрессий, высылки в Сибирь с ярлыком «кулак», многие балкарские крестьяне-середняки с тяжелым сердцем подавали заявления о приеме в члены колхоза. Коллективизация в Балкарии, как и в Кабарде, несмотря на принятые жесткие меры и угрозы против тех, кто не желал вступать в колхозы, проходила с большими трудностями. Насилие и принуждение вызывали бурные выступления крестьянских масс против коллективизации. Но эти выступления были подавлены военной силой, их активные участники арестованы и осуждены. Эти события происходили в основном в 1929—1932 годах. Репрессии властей оставили глубокий след в сознании и душах крестьян. Применение си-

лы против участников крестьянских выступлений они считали неоправданной жестокостью. У определенной части крестьян вера в Советскую власть была подорвана. Но партаппарату, применяя репрессивные меры, удалось добиться завершения коллективизации сельского хозяйства в Балкарии на три года раньше намеченного срока, к середине 1934 года.

Когда началась Великая Отечественная война и механизированные части гитлеровцев хлынули на юг нашей страны, антисоветские элементы решили, что пробил их час, и приступили к организации в Балкарии бандитских групп. Некоторые из тех крестьян, которые в свое время выступали против коллективизации и считали себя потерпевшими, уходили в банды, наивно полагая, что с помощью немецко-фашистских захватчиков добьются подлинной свободы.

Ко второй группе крестьян, оказавшихся в бандитских группах, относились крестьяне, поддавшиеся шантажу явных бандитов. Вот что рассказал мне житель селения Белая Речка, один из таких бывших бандитов, попросивший не называть его фамилии. «Я с матерью, женой и двумя малолетними дочками жил в селении Белая Речка. Однажды поздно вечером, это было в сентябре 1942 года, в окно кто-то постучал. Я вышел во двор и при свете луны увидел под старой грушей двух мужчин. Один из них был мой односельчанин Хасан, другого я видел впервые. Хасан подошел ко мне вплотную, поздоровался, а потом потребовал, чтобы я завтра вечером спустился к реке, где он меня будет ждать. «Дело есть,— сказал он. — Возьми с собой теплую одежду и не забудь прихватить ружье. И не вздумай кому-нибудь проболтаться, что я приходил к тебе». Я знал, что Хасан еще до войны от-

сидел пять лет, а в июле 1942 года из селения исчез. О нем ходили разные слухи. Я был уверен, что он находится в банде. Хасану я ответил, чтобы он меня не ждал и что никуда не собираюсь идти. Хасан зло выругался и предупредил, что если я не приду в назначенное место, то больше никогда не увижу своих детей. И вместе со своим спутником тихо исчез. Я долго думал, как мне поступить. Жене наказал детей из дома никуда не выпускать. На свидание к Хасану я не пошел. Но через несколько дней вечером во дворе загорелся сарай. Сбежались соседи, и с трудом удалось справиться с огнем. Половина сарая сгорела. Через пару дней соседский мальчик передал мне записку. Из ее содержания я понял, что она от Хасана. В ней было написано: «Если не хочешь, чтобы твой дом сгорел вместе с матерью, женой и детьми, завтра вечером приходи в условленное место». Подписи не было. У меня возникла мысль — пойти к участковому милиционеру и все рассказать. А чем бы мне помочь участковый? Да ничем. Немцы уже были в Баксане. Гитлеровцы бомбили Нальчик. До меня ли было участковому? Надо было спасать свою семью. И я, как ни тяжело было, пошел в банду. Но на моей совести нет ни одного убийства. Ни разу я не поднял свое ружье на человека. В феврале 1943 года меня арестовали. Отсидел семь лет.

Были ли в банде еще такие, как я, попавшие в нее по принуждению? Да, были. Они тоже боялись за свои семьи, за своих детей».

Таким образом, основным ядром бандитских групп являлись бывшие белогвардейцы, отпрыски крупных скотоводов и землевладельцев и их приспешники. В бандах находились и крестьяне. Одни из них в годы коллективизации безосновательно были объявлены кулаками, лишились скота и иму-

щества, были недовольны преступными перегибами властей в колхозном строительстве, другие были обмануты бандитскими главарями, третьи примкнули к бандитам под угрозой, боясь за судьбу своих семей.

Постепенно большинство крестьян, находившихся в бандах, начинало понимать безысходность своего положения, что они ведут борьбу против собственного народа, против собственных семей. Многие готовы были бежать из банд, да боялись, с одной стороны, мести бандитских главарей, с другой — советского суда. Брожению среди них способствовала агитация, которую проводили работники советских и партийных органов республики, проникавшие в бандитские группы. Сохранились документы-обращения. Они не требуют комментариев.

18 июня 1943 года к бандитам, находившимся на территории Черекского района, обратились с письмом руководители Кабардино-Балкарской АССР. Письмо начиналось словами: «Товарищи трудящиеся Черекского района!» Такое обращение должно было объяснить бандитам, пусть не всем, но многим из них, что они еще не потерянные для республики люди, что их ждут в родных селениях и семьях. «Именем ваших братьев-трудящихся балкарцев, кабардинцев и русских,— говорилось в письме,— мы обращаемся сегодня к вам, товарищи. С тех пор, как героическими усилиями наших отцов была завоевана власть Советов, все мы жили и трудились в братской семье. Вместе с русскими и кабардинцами десятки бесстрашных сынов Балкарии пролили немало крови за святое братство советских народов.

Вспомните бессмертные имена Хаджимурата Асанова, Калабекова и многих других. Как священный дар мы верно хранили им память.

В тяжелые дни борьбы против наших вековых угнетателей, в дни творческой созидательной работы мы всегда приходили друг другу на помощь. Так создавалось богатство наших колхозов. Так вырастали сотни школ для наших детей. Так отстраивались десятки фабрик и заводов на нашей земле.

Посмотрите вокруг, товарищи! Сколько среди нас людей, поднятых со дна нищеты и невежества Советской властью. Сколько среди нас людей, воспитанных в советской школе. Сколько среди нас выросло государственных и общественных деятелей за годы Советской власти.

А вы, седобородые балкарцы, будьте правдивыми свидетелями: много ли у вас было таких людей 25 лет тому назад? Много ли у вас было школ, больниц, хлеба 25 лет тому назад?

Но вот настали тяжелые дни для нашей родины. Немецкие фашисты и их союзники навязали нам жестокую войну. Немцы решили захватить наши богатства и нашу землю, поработить всех нас, советских людей.

Правда, немецкие фашисты скрывают от масс действительные цели войны, рекламируют себя как «освободителей» и «покровителей» мусульманства. Но неужели среди нас остались люди, которые верят лживой демагогии гитлеровских брехунов? О гитлеровцах нельзя судить по тому, что они о себе говорят. О них надо судить по их кровавым делам, пожарам и пепелищам, которые они оставляют за собой. Около двух месяцев они оскверняли своим присутствием территорию нашей республики.

Что они принесли народам Кабардино-Балкарии?

Мы горько сожалеем, что вы об этом не можете спросить жителей освобожденной Кабардино-Бал-

карии. Нет селения, которое бы не было бессовестно ограблено немцами и их румынскими холоуями.

Фашистских оккупантов проклинают тысячи женщин, над непорочной честью которых надругались фашистские насильники. В каждом селении сотни старых матерей оплакивают гибель своих сынов и дочерей от рук фашистских убийц.

Многие из вас хорошо помнят нашу любимую и красивую столицу — город Нальчик, его прекрасные школы, больницы, клубы, театры, многоэтажные жилые дома. Богатство родной столицы мы создавали честным коллективным трудом в течение многих лет. Не узнать теперь Нальчик. Фашистские бандиты превратили его в груды развалин. При своем паническом бегстве они взорвали и подожгли все, что было создано здесь за десятки лет. В окрестностях города обнаружены тысячи изуродованных трупов невинных советских людей. Разве так поступают действительные «освободители» и покровители мусульманства.

Никогда в истории пламенное сердце кабардинца и балкарца не горело такой жгучей ненавистью к врагу, как в эти дни.

Смерть или победа над кровавым фашизмом — вот путь, который избрали все честные советские люди.

Товарищи черекцы! Неужели вы избрали другой путь — путь покорного рабства у немцев?

Красная Армия прогнала немецких оккупантов с территории нашей республики. Может быть, кто-либо из вас надеется на помощь немецких оккупантов в дальнейшем. Но в этом случае вы глубоко заблуждаетесь.

Это письмо мы вам пишем в дни громких побед Красной Армии на всех участках огромного советско-германского фронта. Под ударами Красной

Армии фашистские оккупанты поспешно бегут на запад, оставляя за собой технику и сотни тысяч трупов солдат и офицеров.

В течение нескольких дней наши войска на Северном Кавказе освободили всю территорию Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, заняли города Нальчик, Прохладный, Пятигорск, Минеральные Воды, Черкесск, Петровское и многие другие города.

Остатки разбитых фашистских армий откатываются к Ростову. Развернув успешное наступление в районе Сталинграда, наши войска окружили 22 немецких дивизии (более 200 тысяч солдат и офицеров), которые на сегодняшний день почти полностью истреблены.

Кроме того, перешли в наступление части Красной Армии в среднем течении Дона, в районе Воронежа, Ленинграда. Всюду враг несет колоссальные потери в технике и живой силе.

Удесятерили удар по врагу и наши союзники в Европе и Америке.

Народы Советского Союза более чем когда-либо уверены в эти дни в скорой, окончательной победе над фашистской Германией и ее вассалами.

Товарищи! Мы считаем, что ваше место среди миллионов советских людей, завоевывающих и жаждущих победы над кровавыми фашистскими палачами. На этот путь мы зовем вас. На этот путь зовут вас ваши братья и сыновья, сражающиеся в рядах героической Красной Армии. На этот путь зовет вас слава храброго сына Балкарии Героя Советского Союза Байсултанова. На этот путь зовет вас память погибших от рук фашистских оккупантов людей, пепелища наших сел и городов.

Мы уверены, что среди вас много честных людей, обманутых небольшой кучкой изменников и

предателей. Предатели вроде Занкишиева и Табаксоева подло обманывают вас. Это люди с уголовным прошлым, осужденные советским судом. Боясь за свои продажные и жульнические шкуры, они сделали вас слепым орудием для своих корыстных целей и проливают вашу кровь. Они же являются главными виновниками бессмысленного кровопролития в ноябре 1942 года. Пора вам отвернуться от этих продажных шкур и бандитов.

Мы призываем вас прекратить всякое сопротивление Советским властям. В этом случае мы вам гарантируем полную свободу и безопасность.

В противном случае органы Советской власти вопреки своему желанию вынуждены будут принять вооруженные меры. Вы понесете лишние жертвы, свои имена покроете позором в памяти будущих поколений.

Помните, что органы Советской власти имеют более чем достаточно сил для того, чтобы быстро и жестоко покорить сопротивляющихся Советской власти. Если мы этого не сделали до сих пор, то только потому, что не желаем идти на лишние жертвы с вашей стороны. Подумайте еще и еще раз!

От вашего выбора будет зависеть ваша судьба и судьба ваших семей.

**Секретарь Кабардино-Балкарского
обкома ВКП(б)
Председатель Совнаркома КБАССР
Председатель Президиума Верховного
Совета КБАССР**

**З. Кумехов
Ахохов**

Ульбашев»¹.

К бандитам, находившимся на территории Эльбрусского района, 18 июня 1943 года обратились руководящие работники района. «Колхозники Эль-

¹ ЦГА КБР, ф. 292, оп. 1, д. 32, л. 1—5.

брусского района, ушедшие и скрывающиеся в горах! — так начинается это обращение. — Немецкие заправилы, приспешники кровавого Гитлера, — читаем далее в нем, — отступая под натиском героических частей Красной Армии, через своих агентов-шпионов и врагов Соввласти распространили провокационные слухи о зверствах и бесчинствах, которые якобы творит Красная Армия, очищая от немецких оккупантов временно оккупированные ими территории, уничтожая население и имущество оставшихся на оккупированной немцами территории граждан.

Все это ложь, присущая немецким заправилам и их агентуре.

Шпионы и провокаторы распускали слухи о скором возвращении в наши родные края немецких оккупантов. Однако все это является сплошной ложью. Красная Армия беспощадно громит и уничтожает немецких поработителей, отбрасывая их все дальше и дальше на запад. Теперь уже им никогда не бывать на территории нашей республики и недалек тот час, когда гитлеровская Германия будет окончательно разбита и разгромлена.

Некоторые колхозники поддались на провокацию немецких агентов и шпионов, нарушили свой мирный, благородный колхозный труд, бросили на произвол судьбы свои семьи и ушли в лес, горы, скрываясь и ведя нечеловеческий, бандитский образ жизни. Ваши жены, дети, братья и сестры и старики переносят за вас моральное страдание и носят позорное пятно, наложенное вами.

Мы знаем, что большинство из вас осознали свои ошибки и не хотят оставаться и носить позорное звание бандита, хотят идти домой и честно продолжать свой мирный труд, но враги Советской власти, шпионы, провокаторы всеми мерами пы-

таются препятствовать вашему возвращению к мирному труду, запугивая вас предстоящими арестами и расправами.

Не верьте этим заклятым врагам, они хотят погубить вас и ваши семьи.

Сегодня ваши родные — отцы, матери, жены, сестры и братья справедливо требуют от вас немедленного возвращения домой.

Мы, представители партийных, советских органов, идя навстречу желаниям и просьбам ваших родственников, от имени органов Советской власти гарантируем вам безнаказанность и свободный труд. Никто из вас, кто осознал свои ошибки и добровольно явится домой, сдав свое оружие, наказан не будет, всем будет предоставлена возможность честно трудиться и жить вместе со своими семьями.

Одновременно предупреждаем, что все те, которые откажутся добровольно явиться домой в ближайшие дни, они будут объявлены врагами народа, изменниками Родины и будут физически уничтожены, семьи их будут высланы, а имущество конфисковано.

Поймите, что мы не можем мириться с тем, чтобы незначительная кучка бандитов, скрывающихся в лесах, горах, мешала бы спокойному и мирному труду колхозников.

В последний раз призываем к немедленной добровольной явке вместе с оружием.

Не ставьте под угрозу себя и своих родных.

Секретарь Эльбрусского РК ВКП(б)

Н а с т а е в

Председатель Эльбрусского РИКа

Э н е е в

Представитель Кабардино-

Балкарского обкома ВКП(б)

К а ц и е в

Начальник Эльбрусского РО НКВД

Ш и ш к и н

Зам. наркома внутренних дел КБАССР

Х а м б а з а р о в а.

18 июня 1943 года, селение Гунделен².

² ЦГА КБР, ф. 292, оп. 1, д. 32, л. 6.

В июне 1943 года с письмом к бандитам обратилась большая группа их родственников. «Нашим сбежавшим по своей ошибке родственникам, отцам, братьям, мужьям!» Так начинается это обращение. Вот его полный текст.

«Нет на свете не ошибающихся. Но люди, желающие жить, сознают ошибки и исправляют их. Тот, кто не сознает свою ошибку, углубляет вину и этим самым рискует жизнью. Вы ошиблись. Куда вы уйдете от власти? Оторвавшись от своей семьи, родителей, друзей, общества, села, терпя нужду и невзгоды, что вы хотите? Ваши одежда и тела ободраны в лесах и скалах, вы боитесь **каждого** шороха, вы заставляете себя называть скверными именами, на вас смотрят с ненавистью, вы своими действиями наносите раны на наши сердца, почему вы это делаете? Почему вы сами себя черните? Почему свой родной аул Гунделен скверните?

Власть вас просит. Оставьте свои скитания. Вернитесь в свой очаг. Еще не поздно. Есть возможность сгладить вину. Вернитесь, не мучайте больше ни нас, ни себя. Советская власть — это наша власть, народная власть. Она умеет и в силах и наказывать и прощать. Вас, допустивших ошибку, доверяясь обманным словам наших врагов, не считает врагами. Вернитесь, слушайтесь нас. Мы не желаем вам зла. В эту неделю вернитесь к себе домой. Этим вы избегаете и ареста и суда. Вам представляется работа. А от труда мы никогда не бежали. Но если вы не вернетесь в этот срок, власть вас не простит, будет считать своими врагами. Если вы не послушаетесь этому слову нашему, то мы, ваши отцы, матери, братья, сестры, ваши семьи, будем вас проклинять на века.

В момент, когда наша страна ведет жестокую войну со своим кровавым врагом, Советская власть

даже мягко относится к такому позорному явлению.

В таком случае, не веря нашим словам, докати-тесь до того положения и будете стараться спасти свою душу, что вы этим добьетесь? Разве вам это не позор? Это вам не совестно разве? Тогда вы не уйдете от нашего родительского проклятия, от кары бога и власти.

Не обрекайте себя и нас, негодными делами не занимайтесь. Следуйте нашему совету, покоритесь власти. Если у вас осталось сколько-нибудь человечности, совести, то надеемся, что вы исполните эту нашу просьбу. Что вы останетесь без наказания, то это факт. Не будьте злостными. Выберите себе мирный путь.

Мы просим органы Советской власти простить нашим братьям, сыновьям и мужьям, добровольно возвратившимся домой и осознавшим свои ошибки. Если кто-либо из них нас не послушает и не вернется домой к семье, то мы требуем и просим органы Советской власти сурового их наказания.

Ваши родители»³.

Эти обращения сыграли важную роль в разложении бандитских групп. Они открывали глаза находившимся в них крестьянам на истинное положение вещей, разоблачали главарей банд, предавших свой народ. Многие из тех, кто обманным путем и не по своей воле попал в отряды, кто раскался в том, что поддался уговорам, агитации и шантажу, кто дезертировал из армии и скрывался в горах и лесах, многие из них покидали свои убежища и сдавались подразделениям войск НКВД.

Надо сказать, что отдельные работники государственной безопасности и внутренних дел в предвоен-

ные годы и в годы войны в погоне за цифрой (чем больше, тем лучше), не утруждая себя тщательной проверкой имевшихся в их распоряжении сведений, порой проявляя халатность и недобросовестность, превышая данную им власть, лишь только по одному подозрению в нелояльности к Советской власти скоропалительно решали судьбы совершенно безвинных людей. Все это приводило к тому, что в официальных документах искусственно завышалось количество бандитов и изменников. Через десятилетия мы узнаем, что многие из них никогда не были врагами Советской власти. Ныне они реабилитированы. Посмертно. Но с кого сегодня спросить за их мученическую смерть в лагерях ГУЛАГа, за их поруганную честь, за мытарства, страдания и унижения их детей? Одной из таких жертв беззаконий и произвола был Азрет Гонаевич Мокаев. К сожалению, это имя мало кому известно. Что это: белое пятно в истории Кабардино-Балкарии или провал в нашей памяти?

Участник гражданской войны Азрет Гонаевич Мокаев в 1931 году был избран председателем колхоза «Средняя Балкария» в родном селении Куспарты. В 1937 году он стал депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР. Через год по рекомендации обкома партии его избирают председателем Президиума Верховного Совета КБАССР. Но недолго возглавлял Мокаев законодательный орган республики. Человек, преданный интересам народа, принципиальный, он не мог мириться с произволом НКВД, с преступными постановлениями «тройки». Он твердо стал на защиту безвинных людей. В одном из документов НКВД за подписью наркома Крылова читаем, что Азретом Мокаевым «составлен список на 14 человек осужденных, семьям которых он всячески помогает в

ходатайствах по их освобождению. В беседе с сотрудником НКВД Мокаев прямо поставил вопрос о необходимости принятия мер к освобождению или пересмотру дел 14 осужденных военным трибуналом»⁴.

Азрет Мокаев пришелся НКВД не ко двору. Он был обвинен в «контрреволюционной буржуазно-националистической деятельности» и по представлению наркома Крылова в обком партии снят с должности председателя Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР, причем без ведома самого Верховного Совета. Это был антиконституционный акт. Так руководство НКВД руками партийного аппарата расправилось с негодным президентом. 1 ноября 1941 года Мокаев был арестован. Семнадцать месяцев находился он без суда в заключении. В апреле 1943 года по постановлению особого совещания НКВД СССР он был сослан в Узбекистан, в один из лагерей ГУЛАГа. В ноябре того же года Мокаев умер. Через пятнадцать лет, в 1958 году, он посмертно был реабилитирован, а уголовное дело на него «производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Да, состава преступления в его действиях не было. В них была тревога за жизнь безвинных людей, любовь к простым труженикам земли, которой он остался верен до самого смертного часа.

⁴ Центр документации новейшей истории КБР, ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 8.

ЗЛОДЕЯНИЯ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В БАЛКАРИИ

Таких, как Азрет Мокаев, незаконно обвиненных в антисоветской пропаганде и брошенных в бериевские застенки, было немало. За счет безвинных жертв росло количество «врагов народа», «изменников» и «бандитов», краски сгущались и таким образом руководством НКВД и НКГБ республики действительность искажалась. Для чего? Может быть, для того, чтобы прикрыть свои просчеты и ошибки, допущенные в работе среди населения, свое неумение своевременно обнаружить и изолировать антисоветские элементы, явившиеся зародышем бандитских групп?

Извращая положение в Балкарии, Филатов и Бзиава пытались доказать, что пламя бандитизма было настолько мощное, что силами только одних чекистов его невозможно погасить. Руководители НКВД и НКГБ, оправдываясь перед Берия, приносили в жертву целый народ. В справке они утверждали: «Приход немецко-фашистских войск в Балкарию большинством населения встречен доброжелательно»¹. Это была ложь! Зачем же гитлеровским захватчикам надо было убивать и грабить балкарцев, если их большинство встречало оккупантов «доброжелательно»? А о зверствах гитлеровцев в Балкарии, об ущербе, нанесенном оккупантами балкарскому населению, как и всему населению Кабардино-Балкарии, в справке нет ни единого слова, хотя эти факты хорошо были известны наркомам Бзиаве и Филатову. Об этих фактах сохранились документальные свидетельства.

¹ Центр документации новейшей истории КБР, ф. 1, оп. 1, д. 679, л. 3.

Это акты Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов на территории Кабардино-Балкарской АССР. Одним из членов этой комиссии являлся народный комиссар государственной безопасности КБАССР С. И. Филатов.

«Немецкие оккупанты,— говорится в одном из актов комиссии,— осуществляя свои заранее разработанные планы, выполняя приказы гитлеровского военного командования, превратили города и селения Кабардино-Балкарской АССР в развалины, разорили предприятия, учреждения, общественное хозяйство, уничтожили культурные и исторические ценности. Все эти злодеяния немецко-фашистских захватчиков выполнялись с одной целью — уничтожить советское государство, лишить советских людей всех плодов многолетнего труда, крова, национальной культуры, превратить кабардино-балкарский народ, как и другие народы Советского Союза, в немецких рабов.

По приказу командующего германской армией фельдмаршала Клейста, не считаясь ни с какими законами человеческой морали,— говорится далее в акте,— с законами и обычаями горских национальностей, немецко-фашистские солдаты и офицеры глумились, истязали и убивали мирных жителей, ни в чем не повинных советских граждан. По его приказу офицеры и солдаты произвели массовый расстрел советских граждан в городах и селениях Кабардино-Балкарии.

На подступах к Нальчику в противотанковом рву найдено более 600 трупов — жертв немецко-фашистского террора. Ров был наполнен трупами кабардинцев, балкарцев, русских, украинцев, евреев. Среди них — много женщин, стариков, детей. Лица многих из них опознать невозможно. У большинст-

ва не было ушей, пальцев, вырваны жилы, перебиты ноги и руки, разбиты черепа. Дети закапывались живыми. Здесь было 49 трупов только из одного балкарского селения Нижний Чегем Чегемского района, много расстрелянных граждан, проживавших в гор. Нальчике и других населенных пунктах Кабардино-Балкарии. Среди убитых лежало 11 членов балкарской семьи колхозников Хуламхановых, жителей с. Хасанья»². У старика Гитче Булодовича Хуламханова фашистские палачи отрезали ухо, вырвали усы, прикладами перебили ноги, руки, ребра.

Жестокость гитлеровцев не знала границ. Девятнадцатилетнюю балкарку Зулихат Шекерову фашисты пытали несколько часов, а потом выкололи ей глаз и застрелили. Колхознику из селения Гунделен Сейну Энееву гитлеровские палачи отрезали нос и пробили череп. Со спины Амина Малкондуева они срезали кожу.

Вот что рассказывала о гибели своего отца Жанбота Беппаева и двух сестер жительница селения Нижний Чегем балкарка Марьян Беппаева: «Как только немецко-фашистские войска стали подходить к селению Нижний Чегем, мы всей семьей вышли из селения и пошли в горы. Мой отец был вооружен, начал стрелять с горы по немцам. Убил двух немецких солдат. Мы 12 дней находились в горах»³. Продукты кончились. Тайно вернулись в селение. Здесь отец и его две дочери Фатимат и Фаризат были схвачены и на другой день отправлены в Нальчик. Долго измывались гитлеровские палачи над двумя балкарскими девушками.

² Центр документации новейшей истории КБР, ф. 1, оп. 1, д. 526, л. 2.

³ ЦГА КБР, ф. 292, оп. 1, д. 30, л. 3.

ми. Вместе с отцом их расстреляли в противотанковом рву.

Передо мною акт о зверствах немецко-фашистских оккупантов в балкарском селении Кашкатау. Десятилетия отделяют нас от событий, зафиксированных в нем. Но и сегодня нельзя читать спокойно этот документ, обличающий гитлеровских палачей, их жестокость, человеконенавистническое отношение к советским людям, в том числе и к балкарцам: «12 декабря 1942 г. в местности поселка Мухол, Средней Балкарии Черекского района, в момент оккупации их немецко-фашистскими захватчиками, по указанию немецкой военной власти было организовано массовое истязание и расстрел советских людей: Жабоева Камо Бияслановича, 37 лет, председателя сельсовета с. Н. Хулам Хуламо-Безенгиевского района; Настаева Хажисмаила Хажумаровича, 33 лет, работника райотделения милиции, жителя с. Кашкатау; Чеченова Касима Чочаевича, 38 лет, работника райкома партии, жителя с. Кашкатау; Бозиева Хажисмаила Конаковича, 26 лет, работника райотделения милиции, жителя с. Кашкатау. Немецко-фашистские палачи, перед тем как расстрелять поименованных граждан, подвергли их средневековым истязаниям и пыткам. Связанными водили по поселку Мухол, избивая плетью, затем привязывали к хвостам лошадей и тащили по улицам поселка, а после расстреляли у известковой ямы, запретив населению предавать трупы погребению. Только после изгнания немцев и их пособников-бандитов трупы граждан Настаева Х. Х., Жабоева К. Б., Чеченова К. Ч. Бозиева Х. К. были опознаны родственниками, доставлены в Кашкатау и похоронены на кладбище.

Вышеуказанный факт массового истребления немецко-фашистскими палачами советских людей

подтверждают свидетели: Бозиева Шайдат Хажуевна, Локьяева Меретхен Эльмурзаевна и родственники невинно погибших советских людей.

15 декабря 1942 года по указанию немецкого коменданта с. Кашкатау были подвергнуты истязанию и пыткам, а впоследствии и расстрелу фашистским гестапо граждане с. Кашкатау: Аппаев Муха Саламгериевич, Хоханаев Кубати Батраевич, Тетуев Азамат Битукович, Тетуева-Черкесова Мария Хасиновна, Токумаев Мурадин Жамботович, Токумаева-Кравцова Александра.

Поименованные советские граждане были связаны, а затем под конвоем конной немецкой охраны под ударами плетью гнались до с. Зарагиж, местонахождения немецкого гестапо, и брошены в тюрьму. Жена Токумаева Мурадина Токумаева-Кравцова Александра находилась в состоянии беременности последних месяцев, жена Тетуева Азамата — Тетуева-Черкесова была брошена в тюрьму в момент принесения пищи заключенным. Продержав без пищи, подвергая избиениям и пыткам, немецко-фашистские палачи 19 декабря отправили всех поименованных граждан в гор. Нальчик в гестапо.

После изгнания немцев из с. Кашкатау и с территории Кабардино-Балкарской республики 16 января 1943 г. при раскопках противотанкового рва, места захоронения умерщвленных немецко-фашистскими палачами, многие из советских людей были опознаны родственниками и присутствовавшими при раскопках гражданами.

Так были опознаны: Аппаев Муха Саламгериевич, 29 лет, военнослужащий, житель с. Кашкатау; Хоханаев Кубати Батраевич, 36 лет, работник райсовета Осоавиахима, житель с. Кашкатау; Тетуев Азамат Битукович, 34 лет, начальник райконторы

связи, житель с. Кашкатау; Тетуева-Черкесова Мария Хасиновна, 30 лет, счетовод Кашкатауского райпромкомбината; Токумаев Мурадин Жамботович, 34 лет, секретарь райкома ВКП(б), житель с. Кашкатау; Токумаева-Кравцова Александра, 23 лет, учительница неполной средней школы с. Ср. Балкария, жительница с. Кашкатау.

Трупы указанных людей имели следы пыток. Так, у гр-на Тетуева был отрезан язык, у гр-ки Токумаевой была вырвана мышца левой руки, и все имели следы огнестрельных ран в голову, в висок и затылочную часть»⁴.

Эти и другие факты злодеяний гитлеровцев в балкарских селениях не нашли отражения в документах НКВД и НКГБ, направленных в Москву Л. П. Берия. Ничего не говорится в справке и об ущербе, который был нанесен оккупантами колхозам Кабардино-Балкарии. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР в своем постановлении отмечала: «Рассмотрев 18 685 актов и обобщенные данные об учете ущерба и злодеяний, Чрезвычайная государственная комиссия устанавливает, что в период временной оккупации Кабардино-Балкарской АССР немецко-фашистские захватчики причинили гражданам, колхозам, государственным предприятиям, общественным организациям и учреждениям ущерб, выражающийся в сумме 2 268 361 863 руб., в том числе ущерб колхозам республики в сумме

⁴ ЦГА КБР, ф. 292, оп. 1, д. 35, л. 1—5.

1 428 110 600 руб., промышленным предприятиям, общественным организациям и учреждениям ущерб, выражающийся в сумме 193 569 154 руб., гражданам в сумме 646 682 109 руб., убили и замучили 4 241 советского гражданина, из них: 2 188 мирных граждан — мужчин, женщин и детей и 2 053 советских военнопленных, разграбили и уничтожили принадлежащих гражданам 199 657 кубических метров зданий, 29 646,5 кубических метра надворных построек, 4 411 голов крупного рогатого скота, 2 530 свиней, 11 566 коз и овец, 242 576 голов домашней птицы, 1 062 пчело-семьи, 4 569 фруктовых древонасаждений, 41 465 центнеров зерна, 6 119,9 центнера муки, 21 912,3 центнера картофеля и других овощей, 7 938,24 центнера прочих продуктов, 313 штук ценных золотых и серебряных вещей»⁵

По архивным документам нами установлено, что за короткий период оккупации гитлеровцы нанесли громадный ущерб балкарским колхозам, как и другим колхозам Кабардино-Балкарской АССР. Они разграбили и уничтожили большое количество скота, запасов семян, кормов, продуктов и материалов. В районах, в основном с балкарским населением, ущерб колхозам выражался: в Чегемском — в сумме более 18 миллионов рублей, в Черекском — 37 миллионов рублей.

По документальным материалам удалось установить в денежном выражении сумму ущерба, нанесенного гитлеровцами жителям некоторых балкарских селений. Так, жителям селения Средняя Балкария был нанесен ущерб на сумму 18 467 713 рублей⁶, жителям селения Верхняя Бал-

⁵ ЦГА КБР, ф. 292, оп. 1, д. 3, л. 1/3.

⁶ Там же, д. 247, л. 9.

кария — на сумму 6 434 209 рублей⁷, селения Кашкатау — 2 101 430 рублей⁸.

Такова правда об отношении немецко-фашистских захватчиков к балкарскому народу. Обо всех этих фактах, повторяюсь, не могло не знать руководство НКВД и НКГБ республики, составляя справку для Берия, но не приняло их во внимание и умышленно, не без нажима со стороны Кобулова и в угоду Берия, оперировало лишь негативными фактами, да и то сгустив их и изложив так, чтобы они порочили весь балкарский народ.

ВСТРЕЧИ С БЕРИЯ

23 февраля 1944 года, в XXVI годовщину Красной Армии, из Чечено-Ингушетии были выселены чеченцы и ингуши. Но Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» и выселении двух народов М. И. Калининным был подписан позже, 7 марта 1944 года. По этому Указу в составе Ставропольского края был образован Грозненский округ с центром в городе Грозном. Остальная территория ликвидированной республики была включена в состав Северо-Осетинской АССР и Дагестанской АССР.

22 марта 1944 года Президиум Верховного Совета Союза ССР принял Указ «Об образовании Грозненской области с центром в городе Грозном и ликвидации в связи с этим Грозненского и Кизлярского округов Ставропольского края»¹.

⁷ Там же, л. 10.

⁸ Там же, оп. 1, д. 213, л. 109.

¹ ЦГА КБР, ф. 717, оп. 2, д. 1, л. 10.

29 февраля 1944 года Берия, сообщая Сталину о выселении чеченцев и ингушей, преподносил этот позорный акт как победу в крупном сражении. «В проведении операции,— читаем в донесении,— принимали участие 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ, «Смерш» и до 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутые из различных областей, значительная часть которых до этого участвовала в операциях по выселению карачаевцев и калмыков и, кроме того, будет участвовать в предстоящей операции по выселению балкарцев... В результате проведенных трех операций выселены в восточные районы СССР 650 тыс. чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев»².

24 февраля с совещания передовиков сельского хозяйства, которое проходило в Нальчике, срочно к телефону был вызван первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Зубер Кумехов. Звонок был из столицы Северной Осетии. Генерал-полковник Б. З. Кобулов сообщил Кумехову, что Берия вызывает его в Орджоникидзе. По какому вопросу — не сказал. Кумехов знал, что 23 февраля из своей республики были выселены чеченцы и ингуши. Интуитивно чувствуя, что его вызывают по аналогичному вопросу, он взял с собой в Орджоникидзе депутата Верховного Совета СССР, заведующего отделом обкома партии Чомая Уянаева, балкарца по национальности. К Берия были вызваны и два наркома Кабардино-Балкарии — государственной безопасности С. Филатов и внутренних дел К. Бзиава.

Правительственный поезд, в котором находился Берия, стоял на железнодорожной станции в тупике. Его охраняли автоматчики. Кумехов и Уянаев

² Кабардино-Балкарская правда, 1990, 10 июля.

были приняты в вагоне Кобулова. Генерал-полковник сообщил, что Берия прибыл из Грозного, где переругался с руководством Чечено-Ингушетии и «сейчас не в настроении». Просил явиться завтра. Кумехов и Уянаев возвратились в гостиницу «Националь», где они остановились. Здесь же находились Филатов и Бзиава. На другой день Кумехов был принят Берия. Но Уянаева в его вагон не пропустили. В салон Кумехова ввел Кобулов. Берия поздоровался холодно. Кроме него в салоне находились генерал Серов, его заместитель, Филатов и Бзиава. Берия был не в духе. Он разразился бранью в адрес Кабардино-Балкарии, ее народов и руководителей, не сумевших удержать район Приэльбрусья и сдавших его немцам.

Кумехов видел Берия впервые. Он никогда не думал, что этот всеильный человек такого маленького роста. На Берия был френч стального цвета, галифе заправлены в хромовые сапоги. Говорил гнусавя, с грузинским акцентом. Кукольно ступая на тонких ногах по длинному ковру салона и не выбирая выражений, он громко отчитывал первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии и стоявших рядом с ним навтыжку двух наркомов, сквозь пенсне буравя их колючими глазами. Затем он потребовал доложить о политико-экономическом положении Кабардино-Балкарии.

Кумехов кратко и обстоятельно доложил. Берия не перебивал его. В конце бросил: «Плохо работаете, Кумехов. И ваши наркомы плохо работают. Не смогли своевременно обезвредить тех, кто стал пособником врага. Прошляпили. Крови бонтесь. Отсюда все ваши просчеты. 2 марта приеду к вам. Посмотрим, в каком состоянии находится ваша республика». Пристально посмотрел на Кумехова и сказал: «А восьмого марта все жители Кабардино-

Балкарни балкарской национальности будут переселены в Казахстан и Среднюю Азию. На вечное поселение. Это решение правительства. План мероприятий по переселению у Филатова и Бзиава. Ознакомьтесь с ним. Все вопросы с железной дорогой решены. Военские части для осуществления мероприятий придут вовремя. Никаких эксцессов не должно быть. До последней минуты операцию держать в строжайшей тайне. У меня все. Если нет вопросов, можете быть свободны».

Кумехов возвращался домой ошеломленный. Его всю дорогу от Орджоникидзе до Нальчика не покидала мысль: «Неужели Сталин дал согласие на переселение балкарцев?» Первым желанием по возвращении домой было позвонить в Москву, дозвониться к Калинин или Молотову, если удастся, к Сталину, не допустить трагедии целого народа, убедить, что это бесчеловечно. Бандиты бандитами, но при чем здесь тысячи безвинных людей? Поразмыслив, пришел к выводу, что его звонки ничего изменить не могут. Выселили же карачаевцев, чеченцев, ингушей.

Ночью у Кумехова был сердечный приступ. До утра в его квартире дежурил врач.

2 марта 1944 года на станцию Нальчик рано утром прибыл правительственный поезд. Приезд Берия держался в строжайшей тайне. Территория станции была оцеплена автоматчиками. Берия прибыл в сопровождении своих заместителей — генералов А. Кобулова и И. Серова и начальника канцелярии НКВД СССР С. Мамулова. Его встречали Кумехов, Филатов и Бзиава. Кумехов пригласил высокого гостя в автомашину. Берия отказался. В одном из вагонов поезда раздвинулись широкие двери и на платформу выкатились две легковые машины: черный продолговатый бронированный

автомобиль и юркий американский «виллис». Берия пригласил Кумехова в черную машину, сам занял место рядом с шофером. Слева от Кумехова на заднем сидении находился генерал Серов, справа — Кобулов. В этот день Берия ознакомился с разрушенным Нальчиком, проехал в курортную зону «Долинск», побывал на Баксанской гидроэлектростанции, где успешно было восстановлено гидротехническое сооружение и пущена первая турбина. О своих впечатлениях не проронил ни слова. Вечером возвратился в Нальчик и отбыл на правительственном поезде в Москву. Прощаясь с Кумеховым, Филатовым и Бзиава, сказал: «Операция должна пройти четко, без сучка и задоринки. Уложиться в установленное время. Желаю успеха».

Как уже было сказано, вопрос о выселении балкарцев рассматривался в НКВД СССР еще в январе 1944 года. Был разработан план выселения и направлен в Государственный Комитет Обороны, где он был рассмотрен 5 марта. Но еще 26 февраля, не дожидаясь решения ГКО, Берия, твердо уверенный, что его план будет принят и утвержден председателем Государственного Комитета Обороны СССР Сталиным и членами ГКО, скоропалительно подписывает приказ НКВД СССР № 00186 «О мероприятиях по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения». Вот его текст: «Для организации необходимых подготовительных мероприятий и проведения операции по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения приказываю:

1. Возложить руководство подготовительными мероприятиями и проведение операции по выселению балкарцев на генерал-майора Пияшева.

2. Назначить заместителями тов. Пияшева:

а) наркома внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР полковника госбезопасности Бзиаву;

б) наркома госбезопасности Кабардино-Балкарской АССР полковника г. б. Филатова;

в) генерал-майора Сладкевича.

3. Организовать следующие пять оперативных секторов: а) первый оперативный сектор — Эльбрусский в составе Эльбрусского района, место дислокации сел. Нижний Баксан; б) второй оперативный сектор — Чегемский в составе Чегемского района, место дислокации сел. Нижний Чегем; в) третий оперативный сектор — Хуламо-Безенгиевский в составе Хуламо-Безенгиевского района, место дислокации сел. Кашкатау; г) четвертый оперативный сектор — Черекский в составе Черекского района, место дислокации — сел. Куспарты; д) пятый оперативный сектор — Нальчикский в составе г. Нальчика, сел. Ташлы-Тала Лескенского района, сел. Хабаз и Кичмалка Нагорного района, место дислокации г. Нальчик.

4. Назначить: а) начальником первого оперативного сектора — генерал-майора Петрова, его заместителями по оперативной работе — майора г. б. Афанасенко и по войскам — полковника Дроженко; б) начальником второго оперативного сектора — генерал-майора Прошина, его заместителями: по оперативной работе — подполковника г. б. Парцхаладзе и по войскам — полковника Шевцова; в) начальником третьего оперативного сектора подполковника г. б. Шестакова, его заместителями: по оперативной работе — подполковника Краснова и по войскам — подполковника Каменева; г) начальником четвертого оперативного сектора — комиссара г. б. Клепова, его заместителями: по оперативной работе — подполковника г. б. Хапова, по войскам — полковника Алексева; д) начальником

пятого оперативного сектора — подполковника г. б. Золотова, его заместителями: по оперативной работе — полковника милиции Егорова и по войскам — полковника Харькова.

5. Выделить для проведения операции следующие соединения и части войск НКВД: Московская стрелковая дивизия (без 1-го полка), 23-я стрелковая бригада, 263-й стрелковый полк, 266-й стрелковый полк, 3-й мотострелковый полк, 136-й стрелковый полк, 170-й стрелковый полк, Московское военно-техническое училище, Школа усовершенствования политсостава, отдельный батальон промышленных войск — общей численностью 17 тыс. человек.

6. Для обеспечения необходимых оперативных мероприятий выделить 4 000 оперативных работников НКВД—НКГБ.

7. Определить срок сосредоточения войск и оперативного состава по участкам 5 марта 1944 года.

8. Начальникам оперативных секторов и их заместителям по войскам подобрать из числа оперработников и командиров в находящихся в их распоряжении частей войск НКВД начальников участков и их заместителей по войскам и представить их кандидатуры на утверждение тов. Пияшеву.

9. Для обеспечения конвоирования выселенных выделить 244-й полк конвойных войск НКВД. Определить срок сосредоточения полка в г. Нальчике 1 марта 1944 года.

10. Для обеспечения перевозок по железнодорожному транспорту назначить уполномоченным НКВД СССР начальника 3-го управления НКГБ СССР комиссара г. б. 3-го ранга тов. Мильштейна.

11. Организацию необходимых мероприятий, связанных с использованием автотранспорта, воз-

ложить на начальника автотранспортной службы 1-й Московской стрелковой дивизии майора Ильинского.

12. Организацию охраны выселенных на станции погрузки и обеспечение их конвоирования до места расселения возложить на начальника управления конвойных войск НКВД СССР генерал-майора Бочкова.

13. Возложить обеспечение бесперебойной связи руководства операции с оперсекторами и участками на начальника связи 1-й Московской стрелковой дивизии Федюнькина.

14. Возложить снабжение войск и оперативного состава на заместителя начальника отдела управления военного снабжения НКВД СССР подполковника интендантской службы Бродского.

15. Начальникам оперативных секторов немедленно приступить к проведению необходимых практических мероприятий по проведению операции в соответствии с Инструкцией НКВД СССР от 29 января 1944 года. Начальникам оперативных секторов на основании имеющихся в НКВД и НКГБ Кабардино-Балкарской АССР материалов наметить лиц, подлежащих изъятию, и материалы на них представить на утверждение тов. Пияшеву.

Изъятие антисоветского элемента, подлежащего аресту, произвести с началом операции по выселению, после оцепления населенных пунктов.

16. Установить днем начала операции по выселению балкарцев 10 марта 1944 года.

17. О ходе выполнения настоящего приказа генерал-майору Пияшеву ежедневно доносить телеграфом в НКВД СССР, начиная с 5 марта текущего года.

Нарком внутренних дел Союза ССР Генеральный комиссар госбезопасности Берия Л. П.»³.

Всего для выселения балкарцев направлялось огромное количество войск — 21 тысяча солдат и офицеров, не считая 244-го полка конвойных войск НКВД, под охраной которого эшелоны с балкарцами должны были направляться в Казахстан и Киргизию.

Дату проведения операции Берия позже изменил: генералу Пияшеву, руководителю всех мероприятий по выселению, было дано указание приступить к осуществлению операции не 10-го, а 8 марта.

Спустя восемь дней после подписания Берия приказа «О мероприятиях по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения», 5 марта 1944 года Государственный Комитет Обороны СССР принял позорное постановление № 5309 с/с, по которому Народному комиссариату внутренних дел СССР предлагалось выселить 40 тысяч балкарцев: 25 тысяч — в Киргизскую ССР, 15 тысяч — в Казахскую ССР⁴. Судьба балкарского народа была предрешена. Ни один из членов Государственного Комитета Обороны не усомнился в законности вопиющего акта против целого народа.

ЖЕСТОКИЙ МАРТ 44-го

В Кабардино-Балкарской АССР балкарцы проживали компактно в основном в четырех районах: Черекском, Эльбрусском, Хуламо-Безенгиевском и Чегемском.

³ Государственный архив Российской Федерации, ф. 9401, оп. 2, д. 37, л. 21—22 об.

⁴ Кабардино-Балкарская правда, 1990, 20 июля.

ложить на начальника автотранспортной службы 1-й Московской стрелковой дивизии майора Ильинского.

12. Организацию охраны выселенных на станции погрузки и обеспечение их конвоирования до места расселения возложить на начальника управления конвойных войск НКВД СССР генерал-майора Бочкова.

13. Возложить обеспечение бесперебойной связи руководства операции с оперсекторами и участками на начальника связи 1-й Московской стрелковой дивизии Федюнькина.

14. Возложить снабжение войск и оперативного состава на заместителя начальника отдела управления военного снабжения НКВД СССР подполковника интендантской службы Бродского.

15. Начальникам оперативных секторов немедленно приступить к проведению необходимых практических мероприятий по проведению операции в соответствии с Инструкцией НКВД СССР от 29 января 1944 года. Начальникам оперативных секторов на основании имеющихся в НКВД и НКГБ Кабардино-Балкарской АССР материалов наметить лиц, подлежащих изъятию, и материалы на них представить на утверждение тов. Пияшеву.

Изъятие антисоветского элемента, подлежащего аресту, произвести с началом операции по выселению, после оцепления населенных пунктов.

16. Установить днем начала операции по выселению балкарцев 10 марта 1944 года.

17. О ходе выполнения настоящего приказа генерал-майору Пияшеву ежедневно доносить телеграфом в НКВД СССР, начиная с 5 марта текущего года.

Нарком внутренних дел Союза ССР Генеральный комиссар госбезопасности Берия Л. П.»³.

Всего для выселения балкарцев направлялось огромное количество войск — 21 тысяча солдат и офицеров, не считая 244-го полка конвойных войск НКВД, под охраной которого эшелоны с балкарцами должны были направляться в Казахстан и Киргизию.

Дату проведения операции Берия позже изменил: генералу Пияшеву, руководителю всех мероприятий по выселению, было дано указание приступить к осуществлению операции не 10-го, а 8 марта.

Спустя восемь дней после подписания Берия приказа «О мероприятиях по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения», 5 марта 1944 года Государственный Комитет Обороны СССР принял позорное постановление № 5309 с/с, по которому Народному комиссариату внутренних дел СССР предлагалось выселить 40 тысяч балкарцев: 25 тысяч — в Киргизскую ССР, 15 тысяч — в Казахскую ССР⁴. Судьба балкарского народа была предрешена. Ни один из членов Государственного Комитета Обороны не усомнился в законности вопиющего акта против целого народа.

ЖЕСТОКИЙ МАРТ 44-го

В Кабардино-Балкарской АССР балкарцы проживали компактно в основном в четырех районах: Черекском, Эльбрусском, Хуламо-Безенгиевском и Чегемском.

³ Государственный архив Российской Федерации, ф. 9401, оп. 2, д. 37, л. 21—22 об.

⁴ Кабардино-Балкарская правда, 1990, 20 июля.

7 марта 1944 года к 17 часам в Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) в экстренном порядке были вызваны первые секретари райкомов партии: Черекского — Жанакант Залиханов, Эльбрусского — Сохта Настаев, Хуламо-Безенгиевского — Магомет Аттоев, Чегемского — Муса Бабаев.

В кабинете первого секретаря обкома ВКП(б) Зубера Кумехова находились члены бюро областного комитета партии, заместитель народного комиссара внутренних дел СССР генерал И. Серов, нарком государственной безопасности Кабардино-Балкарской АССР С. Филатов, народный комиссар внутренних дел КБАССР К. Бзиава, несколько генералов.

Обстановка была мрачной. Никто из приглашенных секретарей райкомов не знал причину экстренного вызова в обком партии. Увидев в кабинете Кумехова военных с генеральскими погонами, все они почувствовали, что эта встреча ничего хорошего не предвещает.

Кумехов был бледен. Глухим, отрешенным голосом он представил генерала Серова. Заместитель Берия, не дожидаясь, когда первый секретарь обкома партии предоставит ему слово, не поднимаясь со своего кресла и не повышая голоса, словно речь шла о чем-то будничном и обыденном, оглядев собравшихся, коротко бросил: «По решению Государственного Комитета Обороны СССР балкарский народ выселяется на новые места жительства — в Среднюю Азию. Операция по выселению начнется завтра, 8 марта, в 6 часов утра. Воинские части, участвующие в операции, прибыли и готовы выполнить возложенную на них задачу. Прошу принять меры к недопущению каких-либо эксцессов».

В кабинете воцарилась тишина. Секретари райкомов были обескуражены. Самый молодой из них,

двадцатисемилетний Жанакаит Залиханов, почувствовал, как к лицу приливает кровь, хотел встать и крикнуть: «За что?» Но этого он не сделал. «Разрешите вопрос?» — выдавил он из себя. Генерал Серов кивнул. Залиханов поднялся и громко спросил: «А как быть с коммунистами?»

Генерал Серов взглянул на Кумехова, считая, что на этот вопрос ответит первый секретарь обкома партии, но тот сидел, не шелохнувшись. Тогда генерал повернулся к Залиханову и спокойно сказал: «Есть русская пословица: когда лес рубят, щепки летят. Вы и есть щепки своего народа. — Он поднялся со своего места. — Если нет больше вопросов, все свободны».

Вопросов не было. Через двенадцать часов воинские подразделения возьмут в кольцо балкарские населенные пункты, к каждому дому вооруженные солдаты подъедут на грузовых автомашинах и начнется первая страница трагедии балкарского народа. Трагедии, растянувшейся на долгих тринадцать лет.

Из областного комитета партии секретари райкомов спешно выехали в свои районы. Чем они могли помочь своему уже обреченному на выселение народу? Ничем. Войска уже занимали исходные позиции.

8 марта — красный листок в календаре, праздник трудящихся женщин всего мира, праздник весны и обновления природы. В истории балкарского народа 8 марта — день траура и скорби, день поминовения тысяч безвременно скончавшихся детей, стариков, женщин на длинном пути в ссылку и там, на чужбине, от голода, холода, эпидемий.

8 марта 1944 года по заранее разработанному плану в каждом населенном пункте, где проживали балкарцы, были введены подразделения войск

НКВД. Солдаты с автоматами входили в дома жителей, давали ошеломленным людям двадцать-тридцать минут на сборы и требовали грузиться на урчавшие у ворот «студебеккеры». В этот же день их привозили на станцию Нальчик и грузили в товарные вагоны. Под охраной военных состав за составом уходил на восток. Вагоны были переполнены. Никто не знал, куда их везут. Тысячи безвинных людей, по злой воле Берия согнанных с родной земли, были брошены в тяжкий и долгий путь, над которым, как знак беды, клубясь, ключьями висел и тянулся смрадный черный шлейф паровозного дыма.

Великий балкарский поэт Кайсын Кулиев все тягостные годы ссылки был рядом со своим народом. Через много лет в поэме «Завещание», вспоминая трагический для балкарцев день 8 марта, он писал:

«Восьмое марта, где ты, праздник чудный.

Когда приносят женщинам цветы?

Балкарские селения безлюдны...

О что страшнее этой пустоты!

Пришел не праздник — день пришел бессонный.

Балкарским детям не забыть вовек

Холодные и смрадные вагоны

И мартовский — в слезах кровавых — снег».

(Перевод С. Липкина)

Карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши и балкарцы перевозились в места ссылки в товарных вагонах. В отделе перевозок НКВД СССР заблаговременно были произведены расчеты, определено количество вагонов, нужных для перевозки ссыль-

ных. Каждый железнодорожный состав, перевозивший карачаевцев и калмыков, состоял из 56 товарных вагонов. Раньше они использовались для перевозки скота. Скученность в них была большая — в один вагон помещали 40 человек. Находясь в антисанитарных условиях, люди болели. Было немало смертных случаев. Но ни жизнь, ни смерть ссыльных работников НКВД и НКГБ не беспокоили. Руководство этих наркоматов думало о другом: как сэкономить побольше железнодорожных составов на перевозках спецпереселенцев. В 3-м управлении НКГБ СССР пришли к выводу, что при перевозке чеченцев, ингушей и балкарцев составы можно увеличить с 56 вагонов до 65, а в каждый вагон помещать не 40 человек, как это делали раньше, когда перевозили карачаевцев и калмыков, а 45. Начальник 3-го управления НКГБ СССР Мильштейн в справке на имя Б. Кобулова сообщал, что «уплотнение погрузки спецконтингента с 40 человек до 45 человек в вагоне, при наличии 40—50 % детей в составе спецконтингента, вполне целесообразно»¹ Эта «целесообразность» стоила немало жизней чеченцев, ингушей и балкарцев. Их перевозили в тех же вагонах, в которых перевозили карачаевцев и калмыков. Теперь в этих вагонах скученность была еще большая. В воздухе стоял тошнотворный запах. Перед посадкой вагоны санитарной обработке не подвергались. Страшным бичом стали вши, от которых трудно было избавиться. Ужасная антисанитария привела к болезням, а лечить было некому, не было и лекарств. По вагонам стал ходить тиф. Мильштейн вынужден был признать, что «к недостаткам перевозок спецконтингентов следует отнести невозможность проведения санобработки

¹ Московские новости, 1990, 14 октября.

их, в результате чего в дороге имели место случаи заболевания тифом»². На стоянках поезда из многих вагонов выносили окоченевшие трупы и наспех предавали их земле, не оставляя на могильных бугорках никаких памятных знаков. Сколько таких безымянных могил осталось на длинном пути в ссылку, никто и никогда не узнает.

Заместитель начальника 3-го управления НКГБ СССР Волков и начальник отдела перевозок НКВД СССР Аркадьев подготовили и представили Б. Кобулову, заместителю наркома внутренних дел СССР, «Справку о ходе перевозок балкарцев по состоянию на 6 часов 17 марта 1944 г.». В ней говорилось: «Погружено 14 эшелонов, находятся в движении 14 эшелонов (Оренбургская железная дорога — 9 эшелонов, Ташкент — 5 эшелонов). Всего погружено в эшелоны 37 713 человек. Переселенцы направляются: во Фрунзенскую область — 5 446 человек, Иссык-Кульскую — 2 702 человека, Семипалатинскую — 2 742 человека, Алма-Атинскую — 5 541 человек, Южно-Казахстанскую — 5 278 человек, Омскую — 5 521 человек, Акмолинскую — 5 219 человек, Джалал-Абадскую — 2 650 человек, Павлодарскую — 2 614 человек»³. Ссылные балкарцы были направлены и в другие области Казахстана и Киргизии, а эшелон, шедший в Омскую область, изменил маршрут и оказался на севере Казахстана.

11 марта 1944 года Берия сообщил Сталину: «Балкарцев выселено 37 103 человека»⁴. А через три дня, 14 марта, Берия доложил на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) об успешном проведении опера-

² Московские новости, 1990, 14 октября.

³ Там же.

⁴ Кабардино-Балкарская правда, 1990, 10 июля.

ции. В тот же день секретарь ЦК Г. М. Маленков позвонил первому секретарю Кабардино-Балкарского обкома партии З. Д. Кумехову и сообщил об освобождении его от должности.

Вот что вспоминает о тяжких днях выселения Сакинат Адиковна Наршаова. «Ранние лучи солнца особо ярко светили, словно обогревали напоследок село Куспарты. Ничего злого они не предвещали. Но радость весеннего утра оказалась обманчивой.

По узкой извилистой дороге ущелья в село двигалась большая колонна «студебеккеров», в которых находились вооруженные солдаты. Они мгновенно окружили село.

Люди растерялись, не зная, в чем дело. Когда объявили, что всех без исключения балкарцев будут выселять, никто не хотел этому верить. Насильственно изгоняют с родной земли, где жили предки?! Да не страшный ли это сон?!

Началось невероятное: крики, стоны, слезы женщин, будто среди белого дня случилось затмение солнца. Я была не из этого села, находилась там в командировке. Весь актив из балкарских товарищей накануне был разослан в отдаленные населенные пункты. Как потом выяснилось, чтобы никто не мог заподозрить, что предстоит выселение. Поэтому я выехала вместе с выселяемыми в чем была, так как мне не разрешили заехать на квартиру и взять что-либо из вещей. Двигалась как в бреду. Все, что видела и слышала, не укладывалось в сознаний.

Белобородые старики, опираясь на палки, обливаясь горькими слезами, что редко допускают мужчины, собирали горсти родной земли в тряпочки и прятали в карманы. Обнимали свои сакли, камни, деревья. Женщины старались в первую очередь захватить с собой кебин (предметы, предназначенные

для похорон). Годами нажитое имущество, скот, все добро оставалось здесь.

Когда был дан сигнал к отправке, началась погрузка на машины. Трудно было различить крик, плач женщин, детей, лай собак, мычание коров — все перемешалось: то была картина, от которой дыбом вставали волосы. И сейчас звенит у меня в ушах крик одной женщины, у которой в доме была умирающая. Не могла она оставить ее, некому будет похоронить. «Убейте на месте, но не покину ее!» — крикнула несчастная и тут же потеряла сознание.

Привезли нас на станцию Нальчик и погрузили, как скотину, в телячьи вагоны. Вместе с другими товарищами в вагоне был первый секретарь райкома комсомола Ульбашев Магомед. Очень воспитанный, всеми уважаемый симпатичный парень. В пути он сумел найти общий язык с охранявшими нас солдатами, и на некоторых остановках ему удавалось принести чистой воды, поддержать детей и стариков.

Во время погрузки на станции Нальчик многие члены семей попали в разные эшелоны, поэтому при встречах в пути все выскакивали из вагонов, выкрикивая имена близких, детей. Я тоже искала мать с детьми-сиротами, но редко кому удавалось услышать голоса родных. Близко нас не подпускали и немедленно отправляли составы.

Мы не знали, куда нас везут. Наконец пересекли две республики: Казахстан и Узбекистан. Под утро, на семнадцатый день, эшелон остановился в тупике города Джалал-Абада Киргизской ССР. От истощения и усталости люди не сразу могли встать на ноги и выйти из вагонов»⁵.

⁵ Кабардино-Балкарская правда, 1991, 8 марта.

УКАЗ О ВЫСЕЛЕНИИ

Восьмое марта — черный листок в календаре балкарского народа. В этот день балкарцы были выселены с родной земли. На основании какого же законодательного акта или правительственного постановления, о котором упомянул в разговоре с Кумеховым Берия, шло это выселение? Ни законодательный орган страны — Верховный Совет СССР в лице его Президиума, ни Советское правительство не принимали никакого официального документа о выселении балкарского народа. Это был акт беззакония со стороны Берия, с согласия Сталина, развернувшего беспрецедентную акцию, обернувшуюся для десятков тысяч людей настоящей трагедией. Президиум Верховного Совета СССР только 8 апреля 1944 года, спустя месяц после выселения балкарцев, издал Указ о переселении. Спустя месяц! Почему с таким опозданием? Ведь акция уже была завершена, балкарцы уже находились в Казахстане и Киргизии! Какую же юридическую силу имел этот Указ, если действия, вытекающие из него, уже совершились? Что это: издевательство над здравым смыслом или попытка задним числом придать действиям Берия законность? Трудно сейчас, спустя десятилетия, ответить на этот вопрос. Вот текст этого Указа. На нем нет грифа «секретно». В верхнем правом углу стоит: «Без публикации». Но возьмем на себя смелость и опубликуем его.

«Указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР

В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Кабардино-

Балкарской АССР многие балкарцы изменили Родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь в качестве проводников на кавказских перевалах, а после изгнания Красной Армией с Кавказа войск противника вступали в организованные немцами банды для борьбы против Советской власти,— Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Всех балкарцев, проживающих на территории Кабардино-Балкарской АССР, переселить в другие районы СССР

Совету Народных Комиссаров СССР наделить балкарцев в новых местах поселений землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Земли, освободившиеся после выселения балкарцев, заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР

3. Кабардино-Балкарскую АССР переименовать в Кабардинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

4. Включить в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР юго-западную часть Эльбурского и Нагорного районов Кабардинской АССР, изменив, в связи с этим, границу между РСФСР и Грузинской ССР на этом участке следующим образом: от перевала Бурун-Таш, что у северных склонов горы Эльбрус, линию границы повести на восток по реке Малка до высоты 2 877, далее на юго-восток по реке Ислам-Чай через высоту 3 242 у перевала Кыртык-Ауш, на юго-восток по реке

Кыртык, западнее поселка Верхний Баксан и на юг по реке Адыр-Су до перевала Местия.

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР**

М. Калинин

**Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР**

А. Горкий

Москва, Кремль.

8 апреля 1944 г.»¹.

Таким образом, балкарцы лишались своей государственности и автономии, изгонялись с родной земли и выселялись за тридевять земель. Часть их территории, на которой они веками жили, трудились, создавали свою самобытную культуру, одним росчерком пера передавалась другой республике, тем самым не оставляя в сердцах изгнанников даже надежды на возвращение.

Для передачи исконно балкарской земли, которая по Указу Калинина включалась в состав Грузии, Совет Народных Комиссаров Кабардинской АССР и областной комитет ВКП(б) выделили своих представителей. СНК Грузинской ССР и ЦК Коммунистической партии Грузии для приема этой территории определили своих уполномоченных. 28 апреля 1944 года они собрались в Нальчике и подписали акт. Вот текст этого документа: «Мы, нижеподписавшиеся, представители Кабардинской АССР в составе представителя Совнаркома Кабардинской АССР и обкома ВКП(б) т. Борсокова Х. Х. с участием Начальника Управления ЛМЗ при СНК Кабардинской АССР тов. Чурсина И. И. и начальника Управления Землеустройства НКЗ Кабардинской АССР тов. Андреева Л. П., с одной стороны, и Грузинской ССР в лице представителя

¹ Государственный архив Российской Федерации, ф. 7523, оп. 4, д. 220, л. 63.

СНК и ЦК КП(б) Грузии тов. Челидзе С. М. и председателя Земосванетского исполкома райсовета депутатов трудящихся Парджиани С. М.—с другой стороны, составили настоящий акт в том, что первые сдали, а председатель Земосванетского исполкома райсовета депутатов трудящихся тов. Парджиани принял в натуре земельную территорию от Кабардинской АССР в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 8-го апреля 1944 года, в описанных в Указе границах, изображенных на прилагаемом к настоящему акту чертеже: юго-западную часть Эльбрусского и Нагорного районов Кабардинской АССР, от перевала Бурун-Таш, что у северных склонов горы Эльбрус, линию границы повести на восток по реке Малке до высоты 2 877, далее на юго-восток по реке Ислам-Чай через высоту 3 242 у перевала Кыртык-Ауш, на юго-восток по реке Кыртык, западнее поселка Верхний Баксан и на юг по реке Адыр-Су до перевала Местия.

Вместе с территорией передаются все имеющиеся на ней государственные, общественные и индивидуальные строения и сооружения, райлесхоз со всем лесным массивом, находящийся на указанной территории.

Настоящий акт составлен в 2 экземплярах.

Представители
Кабардинской АССР
Борсоков,
Чурсин,
Андреев

Представители
Грузинской ССР
Челидзе,
С. Парджиани»².

Руководители Грузии не ограничились включением в состав своей республики величественного Эльбруса и прилегавших к нему живописных районов ликвидированной Балкарии, той ее территории,

² ЦГА КБР, ф. 717, оп. 2, д. 1, л. 23.

которая была передана Грузинской ССР Указом Президиума Верховного Совета СССР. Они незаконно отодвинули границу Грузии и захватили селение Верхний Баксан и земли в его районе. В связи с такой недружелюбной акцией, Президиум Верховного Совета Кабардинской АССР обратился в Президиум Верховного Совета Грузии с просьбой придерживаться границы между двумя соседними республиками, определенной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года. Но руководство Грузии на это письмо не ответило. Тогда Председатель Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР Ч. Кудаев обратился по этому вопросу в Верховный Совет РСФСР. Он писал: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года о переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР, в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР включена юго-западная часть Эльбрусского и Нагорного районов Кабардинской АССР, и, в связи с этим, граница между Грузинской ССР и Кабардинской АССР определена в этой части территории в следующем направлении: от перевала Бурун-Таш, что у северных склонов горы Эльбрус, на восток по реке Малке до высоты 2 877, далее на юго-восток по реке Ислам-Чай через высоту 3 242 у перевала Кыртык-Ауш на юго-восток по реке Кыртык, западнее поселка Верхний Баксан и на юг по реке Адыр-Су до перевала Местия.

Между тем, несмотря на то, что передача в натуре Грузинской ССР отошедший от Кабардинской АССР территории в пределах указанных границ произведена специальной комиссией с участием представителей Грузинской ССР (акт от 28 апре-

ля 1944 года) и никаких споров не вызвала, в настоящее время граница между Грузинской ССР и Кабардинской АССР получила иное направление, а именно: по реке Кыртык и далее восточнее поселка Верхний Баксан (Укчумель) и на юг по реке Адыр-Су до перевала Местия. В результате этого селение Верхний Баксан (Укчумель) оказалось включенным в состав территории Грузинской ССР и заселено сванами.

Наше письмо Президиуму Верховного Совета Грузинской ССР с просьбой о восстановлении направления границы в соответствии с Указом от 8 апреля 1944 года осталось без ответа.

Президиум Верховного Совета Кабардинской АССР просит Вашего содействия в части возвращения Кабардинской АССР селения Верхний Баксан (Укчумель) и о восстановлении направления границы в этом районе согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г.

Приложение: копия акта о передаче Грузинской ССР территории по Указу от 8 апреля 1944 года.

**Председатель Президиума
Верховного Совета КАССР
Секретарь Президиума
Верховного Совета КАССР**

Ч. Кудаяев

Д. Пыхтин»³.

К сожалению, ответа и на это письмо не было получено. Селение Верхний Баксан и земли в его районе так и остались в составе Грузии вплоть до возвращения балкарцев на родину.

В связи с выселением балкарского народа и переименованием Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР в административно-территориальное деление республики были внесены изменения. Президиум Верховного Совета РСФСР

³ ЦГА КБР, ф. 717, оп. 1, д. 1, л. 22.

29 мая 1944 года принял Указ: «Утвердить представление Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР о перенесении районных центров: Нагорного района — из селения Каменноостское в селение Сармаково, Урванского района — из селения Старый Черек в рабочий поселок Докшукино и Чегемского района — из селения Нижний Чегем в селение Чегем I, сохранив за районами прежние наименования.

Переименовать Хуламо-Безенгиевский район в Советский район и районный центр Советского района селение Кашкатау в селение Советское. Ликвидировать Черекский район Кабардинской АССР

Территорию ликвидируемого Черекского района, расположенную на правом берегу реки Черек, включить в состав Лескенского района, и территорию, расположенную на левом берегу реки Черек, включить в состав Советского района»⁴.

Через несколько дней Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ «О частичном изменении границ отдельных районов и переименовании некоторых сельских Советов Кабардинской АССР»⁵. По этому Указу селение Хасанья Советского района было переименовано в селение Пригородное, селение Яникой Чегемского района — в селение Ново-Каменка, селение Лашкута и селение Былым Эльбрусского района — в селение Заречное и селение Угольное; селения Жемтала и Зарагиж Урванского района и селения Аушигер и Герпегеж Нальчикского района были переданы в состав Советского района, селения Белая Речка и Пригородное из Советского района перешли в состав Наль-

⁴ ЦГА КБР, ф. 717, оп. 2, д. 1, л. 2.

⁵ Там же, д. 1, л. 3.

чикского района. В состав Нагорного района были переданы из Нальчикского района селения Лечинкай, Чегем I, Чегем II и Шалушка. Селение Заюково Баксанского района вошло в состав Эльбрусского района, а селение Александровское Нальчикского района — в состав города Нальчика.

Таким образом, с географической карты исчез ряд балкарских названий населенных пунктов: Кашкатау, Хасанья, Яникой, Лашкута, Былым. Они получили безликие названия: Советское, Пригородное, Ново-Каменка, Заречное, Угольное.

Сегодня, спустя десятилетия после принятия Указа, просмотрев многие архивные документы того времени, вчитываясь в текст Указа, приходится удивляться, с какой легкостью подписал этот жестокий приговор (иначе его не назовешь) балкарскому народу уважаемый Михаил Иванович Калинин. А может, не было легкости? Может, была слабость?

Калинин хорошо знал Кабардино-Балкарию. 16 апреля 1922 года он подписал постановление ВЦИК об образовании Кабардино-Балкарской автономной области. Неоднократно приезжал в наш край, знакомился с его историей, уважительно говорил о трудолюбивых кабардинцах и балкарцах. Знал, с каким героизмом они сражались с деникинцами в годы гражданской войны, отстаивали Советскую власть, с каким самоотверженным трудом участвовали в строительстве новой жизни. 3 января 1934 года Калинин подписал постановление Президиума ЦИК о награждении Кабардино-Балкарской автономной области орденом Ленина за достигнутые успехи в развитии экономики. Почему же десять лет спустя он объявляет балкарцев бандитами и отправляет их в ссылку? Здесь следует сказать, что, возглавляя высший орган власти страны, Ка-

линин в то время фактически был лишен реальной власти. Поднять свой голос протеста против репрессивного аппарата, которым руководил член Государственного Комитета Обороны СССР, народный комиссар внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности Берия, у Председателя Президиума Верховного Совета СССР, скажем прямо, не хватило силы воли да и небезопасно было конфликтовать с человеком, у которого власти было больше, чем у президента, чья жена, арестованная Берия, находилась в ссылке.

Надо полагать, что Указ Президиума Верховного Совета СССР за подписью полусломленного Калининa хотя и был принят спустя месяц после выселения балкарцев, нужен был для того, чтобы создать видимость законности вопиющего беззакония.

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

После выселения балкарского народа в Казахстан и Киргизию в Президиум Верховного Совета Кабардинской АССР, Совет Народных Комиссаров, областной комитет ВКП(б) стали поступать от отдельных балкарцев письменные запросы. Суть их разъясняет письмо председателя Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР Х. Ахохова от 19 августа 1944 года, направленное секретарю Президиума Верховного Совета СССР А. Горкину. Х. Ахохов писал: «В Президиум Верховного Совета Кабардинской АССР поступают заявления от балкарцев, переселенных из Кабардинской АССР в другие местности Советского Союза, с просьбой сообщить им, могут ли они быть включенными в списки участников обороны Кавказа и будут ли им вручаться медали «За оборону Кавказа».

Заявления поступили от лиц, которые работали на строительстве оборонительных сооружений и не находились на территории, оккупированной немцами, а также от лиц, находившихся в партизанских отрядах, в том числе от награжденных медалями «Партизану Отечественной войны».

Просим сообщить, какие решения при рассмотрении указанных заявлений может принимать Президиум Верховного Совета Кабардинской АССР»¹.

Письменного ответа на это письмо не было. А по телефону из канцелярии Президиума Верховного Совета СССР сообщили, что в примечании к пункту 2 «Положения о порядке вручения медали «За оборону Кавказа» содержится указание, что лица, оставшиеся на оккупированной территории, медалью «За оборону Кавказа» не награждаются. К этим лицам следует отнести и балкарцев, т. к. они «изменили Родине», как сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года.

Таким образом, балкарцы, принимавшие участие в строительстве оборонительных сооружений, и те из них, кто добровольно записался в партизанские отряды и с оружием в руках вел борьбу против немецко-фашистских захватчиков, были приравнены к бандитам и считались «изменниками Родины». Спрашивается: где логика?

Вернемся к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года. В нем высший орган страны обвинил «многих балкарцев», как именовался в Указе балкарский народ, в тяжких преступлениях. В адрес бандитов можно отнести эти обвинения, но не в адрес целого народа. История не знает народов-бандитов: их не было ни в

¹ ЦГА КБР, ф. 717, оп. 2, д. 1, л. 33.

рабовладельческом государстве, ни при феодализме, ни в капиталистическом обществе. Откуда же им было взяться в стране, которую мы называли первой в мире страной социализма? Да и в чем провинились перед Советской властью тысячи женщин, детей, стариков, воины-балкарцы, плечом к плечу с русскими и украинцами, грузинами и казахами, белорусами и евреями, армянами и кабардинцами, калмыками, чеченцами, ингушами, карачаевцами защищавшие от фашистских захватчиков свою родную страну, не щадя ни крови, ни самой жизни во имя победы над врагом?

На многих фронтах Великой Отечественной войны сражались воины-балкарцы. Двух Героев Советского Союза дал Родине малочисленный балкарский народ: Алима Юсуфовича Байсултанова и Мухажира Магометгериевича Уммаева. В наградном листе Байсултанова читаем: «277 раз поднимал в воздух на разгром врага свой самолет тов. Байсултанов, и где бы ни появлялся он, то ли над Ханко и Таллином, то ли над Ленинградом,— везде фашисты чувствуют на своей спине мощь беспощадного удара отважного летчика Байсултанова... За время Великой Отечественной войны тов. Байсултанов в 45 воздушных боях уничтожил 19 самолетов противника, из них самостоятельно 4, в группе с товарищами 13 и два на земле на штурмовке вражеского аэродрома.

64 раза вылетал на штурмовку войск и техники противника, и после каждой проведенной им штурмовки противник недосчитывал большого количества своих солдат и техники.

Вылетая 27 раз на разведку, он всегда приносил ценные сведения о противнике...»².

² Государственный военно-морской архив Российской Федерации, ф. 3, оп. 2421, д. 1, л. 60.

Звание Героя Советского Союза Алимун Байсултанову было присвоено Указом Верховного Совета СССР от 23 октября 1943 года.

Рота Мухажира Уммаева под ураганным огнем противника первой ворвалась в Одессу и, подавив огневые точки врага, обеспечила успех операции полка. В этом бою Уммаев проявил мужество и героизм, лично уничтожил до двух десятков гитлеровцев. Командование представило его к званию Героя Советского Союза. Но в высших инстанциях, ознакомившись с представлением, в котором указывалась национальность Мухажира, решили, что балкарцу Уммаеву достаточно и ордена Александра Невского. Даже там, на фронте, не обошлось без дискриминации. Шел апрель 1944 года. Балкарцы уже были выселены, о чем не могло не знать высшее военное командование. Через сорок пять лет справедливость восторжествовала. Из Центрального архива Министерства обороны СССР было поднято представление Мухажира Уммаева к званию Героя Советского Союза. Президент СССР Указом от 5 мая 1990 года посмертно присвоил ему это высокое звание.

Много воинов-балкарцев было награждено орденами и медалями СССР

От Сталинграда до Берлина и Праги на серых обелисках, вставших над братскими могилами советских воинов, рядом с именами сынов и дочерей многих народов нашей страны можно встретить и балкарские имена.

Активный участник гражданской войны в Кабардино-Балкарии Магомет Османов, прозванный в народе Темирбашем, что по-русски — Железная Голова, ушел на фронт осенью 1941 года. В ожесточенном бою под Ростовом летом сорок второго был ранен и попал в плен. Бежал. В горах Югосла-

вии вместе с партизанами продолжал бить гитлеровцев. Когда советские войска пришли на помощь народам Югославии, Османов вновь оказался в рядах советских воинов. В мае 1945 года, в поверженном Берлине, на стене рейхстага он оставил автограф: «Я дошел до Берлина. Сын Балкарии Магомет Османов».

Балкарцы, как и все советские люди, самоотверженно трудились в тылу. Они давали фронту мясо, хлеб, теплые вещи, вносили личные сбережения в фонд обороны страны, на строительство танковых колонн «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии» и «Смерть немецким захватчикам», с большим патриотическим подъемом подписывались на Второй государственный заем, отправляли на фронт подарки, проявляли заботу об инвалидах войны и семьях фронтовиков.

Все народы нашей многонациональной Родины вносили свой достойный вклад в дело Великой Победы. Есть в нем и труд балкарского народа.

ЛЮБОПЫТНАЯ «ИНСТРУКЦИЯ»

Каждая балкарская семья перед выселением имела собственный дом, надворные постройки, хозяйство. Испокон веков балкарцы считались хорошими животноводами. И не было такой семьи, которая не содержала бы скот: корову, овец, а многие имели быков, лошадей, коз, ослов. При выселении брать с собой разрешалось одежду, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, зерно и продовольствие,— всего не более 500 кг на семью.

Когда дома балкарцев в течение нескольких часов обезлюдели, в них остались тысячи голов скота, большое количество имущества, нажитого за многие годы упорного и кропотливого труда. На терри-

торин ликвидированных колхозов остался колхозный скот, осталось большое количество сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственный инвентарь, имущество колхозов. Как же распорядились власти всем этим добром? Совет Народных Комиссаров СССР создал комиссию, которая руководила и организовывала всю работу по приему и учету скота, сельскохозяйственной продукции и имущества спецпереселенцев. В республиках, где прошло выселение репрессированных народов, были созданы Республиканские комиссии во главе с председателями Советов Народных Комиссаров, в районах — районные комиссии.

В Кабардино-Балкарской АССР комиссию возглавлял Х. Ахохов, председатель Совнаркома. Ее членами являлись: уполномоченный Народного комиссариата мясо-молочной промышленности СССР по Кабардино-Балкарской АССР Богомолов, уполномоченный Народного комиссариата земледелия СССР по КБАССР Ивановский, уполномоченный Народного комиссариата совхозов СССР по Кабардино-Балкарской АССР Никифоров и другие ответственные работники.

Для непосредственного осуществления мероприятий по приему скота и имущества переселенцев в населенных пунктах были образованы местные комиссии, состав которых утверждался районной комиссией. Местные комиссии создавались и для приема имущества колхозов. Мне удалось разыскать официальный документ, регламентирующий деятельность этих комиссий. Он назывался «Инструкция о порядке приема скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества от спецпереселенцев». Документ представляет определенный интерес, и я решил опубликовать его полностью. Вот его текст.

«1. Районная комиссия во главе с председателем, назначаемым комиссией Совнаркома республики, организует и руководит по району приемом скота, сельскохозяйственных продуктов и другого имущества, оставляемого спецпереселенцами, а также имущества и документов государственных, кооперативных и общественных организаций.

2. Для приема скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества по населенным пунктам создаются местные комиссии во главе с председателем, назначаемым районной комиссией.

При наличии в одном населенном пункте нескольких колхозов, местные комиссии создаются по каждому колхозу, с предоставлением председателю комиссии прав председателя колхоза.

3. Районным и местным комиссиям предоставляется право использовать для работы по сбору, учету, приемке и охране скота, сельхозпродуктов и имущества, а также по уходу за скотом, оставшееся население данного района, колхоза или населенного пункта.

Вся рабочая сила, направляемая в районы, в том числе и из воинских организаций, а также колхозники, прибывающие из других районов, поступают в распоряжение районных и местных комиссий и работают под их руководством.

4. Местная комиссия принимает по актам скот, сельскохозяйственную продукцию и имущество спецпереселенцев (колхозов, колхозников, единоличников, рабочих и служащих) и несет полную ответственность за сохранность скота, сельскохозяйственных продуктов, имущества и документов впредь до передачи их хозяйствам и другим организациям по указанию комиссии Совнаркома республики или по ее поручению районной комиссией.

Акты на принимаемое имущество по колхозам и отдельным хозяйствам составляются комиссией в трех экземплярах по прилагаемой форме. Один экземпляр акта на принятое имущество, через органы НКВД, направляется в места расселения спецпереселенцев, второй экземпляр передается органам Наркомфина республики и третий экземпляр хранится в делах районной комиссии.

На принятый продуктивный скот председателями местных комиссий составляется гуртовая ведомость в двух экземплярах, с указанием количества голов скота по видам его, упитанности и живому весу.

5. Спецпереселенцы с собой берут принадлежащее им имущество (одежду, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, зерно и продовольствие) всего не более 500 кг на семью.

Все остальное имущество, сельскохозяйственные продукты и скот принимаются на месте комиссией. Крупный рогатый скот, лошади, ослы, овцы, козы, пчелы и птица принимаются уполномоченными Наркомзема республики. Зерно и другую продукцию сельского хозяйства принимает уполномоченный Наркомзага республики. Дома, сельхозпостройки, сельхозмашины, инвентарь, посевы и всякое другое имущество и ценности принимают представители органов местной власти.

6. Принятый от спецпереселенцев скот, птица, зерно и другие виды сельскохозяйственных продуктов должны быть обращены в первую очередь на покрытие государственных поставок и недоимок прошлых лет.

Государственные поставки мяса по порученным обязательствам за 1944 год покрываются полностью, а по молоку, шерсти, брынзе и др. продукции за 1-й квартал 1944 года с выпиской зачетных

квитанций в трех экземплярах, из которых первый экземпляр направляется через органы НКВД в места расселения спецпереселенцев.

Вся остальная часть скота и зерна подлежит возмещению спецпереселенцам натурой в новых местах расселения.

7. На принятый от спецпереселенцев, сверх подлежащего зачислению в погашение государственных обязательств, крупный рогатый скот, овец, свиней и птицу районными уполномоченными Наркомзема республики, а на зерно, в том числе и семенное, районными уполномоченными Наркомзага республики выписываются именные обменные квитанции.

На принятых лошадей и другой рабочий скот районными уполномоченными Наркомзема республики выписываются именные обменные квитанции.

В случае невозможности установления владельца скота, зерна и птицы выписывается общая обменная квитанция с указанием района, сельсовета, колхоза или населенного пункта, в котором принят скот, зерно и птица.

Обменные квитанции составляются в трех экземплярах, первый экземпляр квитанции через органы НКВД направляется в места расселения спецпереселенцев для возмещения им натурой скота, зерна, принятого в порядке обмена.

8. Скот, подлежащий зачислению в погашение государственных обязательств по поставкам 1944 года и недоимок прошлых лет, принимается Наркоммясомолпромом СССР по заготовительным ценам, а остальной скот принимается в порядке обмена.

Остальная сельскохозяйственная продукция, кроме зерна, подлежащего возмещению натурой, — шерсть, кожи, картофель, овощи, после погашения

государственных обязательств, принимается органами Наркомзага СССР по закупочным ценам.

9. Все суммы за принятую продукцию и скот колхоза зачисляются на текущий счет колхоза в Государственном банке, а стоимость принятой продукции в счет натуроплаты сдается заготовительными организациями в доход бюджета.

10. Распорядителем средств колхоза на счетах в Госбанке и Сельхозбанке является председатель местной комиссии, который из имеющихся и поступивших средств на счете колхозов погашает в первую очередь все обязательства колхоза перед органами Наркомфина по налогам и сборам, задолженности Сельхозбанку по долгосрочным ссудам и задолженности Госбанку по краткосрочным ссудам, а также по всем беспорным претензиям, предъявленным колхозу учреждениями и лицами, независимо от наступления сроков погашения платежей.

11. Сельскохозяйственные постройки, сельхозмашины и инвентарь, подсобные предприятия с имеющимся оборудованием и озимые посевы, принятые местными комиссиями по колхозу, оцениваются по балансовой стоимости.

12. Остаток средств на счетах колхозов, после производства всех расчетов, перечисляется в Нальчик на особый счет Наркомзема республики в Госбанке.

13. Оплата труда работников, привлекаемых комиссиями к работам в колхозах по уходу за скотом, приемке и охране имущества, производится председателями местных комиссий за счет средств, имеющихся на текущих счетах колхозов.

Размер оплаты труда мобилизованным для указанной работы, в том числе и колхозникам, устанавливается в пределах от 15 до 20 руб. в день, в зависимости от вида и качества работы.

14. Председателям местных комиссий предоставляется право выделить для продажи по государственным розничным ценам, привлеченным для сбора, приема и охраны имущества и обслуживания скота колхозникам, рабочим и служащим — молоко, мясо, овощи и хлеб в размерах, необходимых для питания их на месте работы.

15. Районные местные комиссии выделяют в распоряжение уполномоченных Наркомзема республики помещения и необходимое количество кормов для поддержки скота и обеспечения его в пути, а также необходимое количество лошадей и транспорта для сопровождения скота до пунктов назначения.

В распоряжение уполномоченных Наркомзага республики выделяются соответствующие помещения для хранения и необходимое количество транспорта и рабочей силы для перевозки сельскохозяйственных продуктов на действующие и временно открываемые заготовительные пункты.

16. Все недвижимое имущество спецпереселенцев, а также бытовой, хозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода, учтенные и взятые под охрану местными комиссиями, используются и реализуются только по распоряжению местных органов государственной власти, а суммы, вырученные от реализации, поступают в государственный бюджет.

17. Председатели районных и местных комиссий, а также соответствующие уполномоченные Наркоматов несут персональную ответственность за проведение полного и своевременного учета, сбора, приема, сохранности и оформления соответствующими документами принятого скота, сельскохозяйственных продуктов и другого имущества спецпереселенцев, а также имущества государст-

венных, кооперативных и общественных учреждений и организаций районов и населенных пунктов.

18. Местные комиссии каждые пять дней представляют по установленной форме отчетность о проделанной работе районным комиссиям, а последние в свою очередь в те же сроки представляют отчетность комиссии Совнаркома республики.

Заключительные отчеты по принятому от спецпереселенцев скоту, сельскохозяйственным продуктам и другому имуществу представляются местными комиссиями районным комиссиям, а последними составляется отчет по району по прилагаемой форме в разрезе колхозов и представляются в установленный срок комиссии Совнаркома республики»¹.

К этой «Инструкции...» прилагались формы акта о количестве скота, сельхозпродуктов и другого имущества, принятых от граждан, акта местной комиссии и форма отчета районной комиссии. Что же должны были содержать эти акты? В акте на имущество одной семьи указывалось наличие дома, надворных построек, перечислялись конкретные предметы с их оценочной стоимостью (кровати, столы, стулья, швейные машины, котлы, кувшины, ковры, кошмы, ткани, одежда и др.). Указывалось наличие и количество скота: коров, молодняка крупного рогатого скота до одного года, лошадей, ослов, овец, коз (в килограммах), птиц и пчелосемей; наличие сельскохозяйственной продукции (тоже в весе), кожевенного сырья, которое подразделялось на крупное и мелкое, овчины и шерсти.

На скот и имущество жителей одного селения составлялся отдельный акт. Такой же акт должен был составляться и на имущество каждого колхоза.

¹ ЦГА КБР, ф. 692, оп. 1, д. 412, л. 5 и об.

Районная комиссия по сведениям местных комиссий составляла «Отчет о приеме скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества от спецпереселенцев» (колхозов, колхозников, рабочих и служащих по всем селениям района).

Следует сказать, что комиссии работали с отступлениями от требований «Инструкции...» Ни колхозы, ни жители селений не передавали комиссиям свое имущество, хотя такая процедура и была предусмотрена «Инструкцией...»

КУДА ИСЧЕЗЛО ИМУЩЕСТВО СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ?

Еще не остыли рельсы, по которым товарные составы увозили балкарцев в ссылку, как местные комиссии ринулись в дома спецпереселенцев.

9 марта 1944 года, на следующий день после изгнания балкарцев с родных мест, всем председателям районных и местных комиссий от имени председателя Комиссии Совета Народных Комиссаров СССР и Совнаркома Кабардино-Балкарской АССР было направлено письмо, в котором говорилось: «В порядке уточнения Инструкции комиссии Совнаркома республики сообщаем вам следующее:

1. Весь продуктивный скот — крупный рогатый, овцы, свиньи, птица, оставшийся от спецпереселенцев, принимается уполномоченными Наркоммясомолпрома СССР (Заготскот), и приемка его оформляется соответствующими зачетными и обменными квитанциями.

2. Весь рабочий скот, лошади, волы, ослы, мулы принимаются уполномоченными Наркомзема СССР, и прием их оформляется соответствующими обменными квитанциями.

3. Сельхозпродукты: зерно, мука, картофель, шерсть, кожи принимаются уполномоченными Наркомзага СССР с оформлением соответствующими документами.

4. Весь племенной скот, за исключением лошадей, принимается уполномоченным Наркомсовхоза СССР с выдачей обменных квитанций.

Разъясняем, что приемка скота от местных комиссий уполномоченными соответствующих наркоматов оформляется приемо-сдаточными актами и гуртовой ведомостью. Продуктивный и рабочий скот может быть направлен из района по месту назначения лишь по письменному указанию председателя Республиканской комиссии тов. Ахохова и уполномоченных соответствующих наркоматов, входящих в Республиканскую комиссию (продуктивный скот — уполномоченным Наркоммясомолпрома СССР тов. Богомолковым, рабочий скот — уполномоченным Наркомзема СССР тов. Ивановским, племенной скот — уполномоченным Наркомсовхозов тов. Ничифоровым).

Весь скот, непригодный к воспроизводству, должен быть немедленно отбракован уполномоченным Наркоммясомолпрома с участием представителя Наркомзема и ветеринарного работника и направлен по нарядам уполномоченного Наркоммясомолпрома на убой.

Обращаем внимание председателей районных и местных комиссий на необходимость полного учета, сбора и оформления документами принятого скота и сельхозпродуктов, а также их сбережение, не допуская разбазаривания, хищения и решительно пресекая случаи мародерства.

В целях лучшего сохранения скота и сельхозпродуктов в ваш район направляется 100 бойцов

из запасной воинской части, поступающих в Ваше распоряжение.

Обязываем председателей районных и местных комиссий закончить приемку, сбор и оформление документами скота и сельхозпродуктов в ближайшие пять дней и не позднее 15 марта 1944 года лично председателю районной комиссии прибыть в г. Нальчик для доклада о проделанной работе, имея на руках письменный отчет по установленной форме.

**Председатель Комиссии
Совнаркома Союза
Председатель
Республиканской комиссии**

**Г р и ц е н к о
А х о х о в**

09.03.44 г.»¹.

Всю работу по сбору и учету скота и имущества спецпереселенцев проводили в селениях местные комиссии и мобилизованные для этой цели рабочие, колхозники из других селений, студенты. Работа была сложной. В селении Нижний Чегем, например, эту работу выполняла местная комиссия в составе четырех человек и 65 колхозников из колхоза «Заветы Ленина» Прохладненского района. Члены комиссии прибыли в селение за день до выселения балкарцев, а колхозники из Прохладненского района, «которые должны были принимать скот спецпереселенцев, прибыли через сутки после вывоза спецпереселенцев, в результате чего скот на кошах в течение двух суток оставался без присмотра. Комиссия приняла скот, сельскохозяйственную продукцию и имущество как колхоза, так и колхозников, рабочих и служащих обезличенно, так как установить точно принадлежность их не удалось»²,—

¹ ЦГА КБР, ф. 698, оп. 1, д. 412, л. 8 и об.

² Там же, д. 428, л. 2.

говорилося в отчете о работе местной комиссии селения Нижний Чегем ее председателя М. Ульянова. Местная комиссия селения Актопрак в составленном ею акте указывала, «что после спецпереселения граждан с. Актопрак установить принадлежность и количество скота, сельскохозяйственных продуктов и другого имущества, принадлежащего индивидуально каждому спецпереселенцу, не удалось, а поэтому составили настоящий общий акт о количестве скота, сельхозпродуктов и другого имущества, собранного в селении Актопрак»³.

Члены местных комиссий и мобилизованные рабочие обходили колхозные фермы и постройки, брали на учет колхозный скот, инвентарь, сельскохозяйственную продукцию. С тяжелым сердцем открывали учетчики калитки в обезлюдевшие дворы колхозников. Во многих домах домашняя утварь, шкафы, комоды, массивные сундуки с одеждой, столы, полки с посудой — все стояло нетронутое. Казалось — хозяева только что вышли из дома и вот-вот вернутся. Многие переселенцы были уверены, что их выселяют временно, и не брали с собой зимнюю одежду, постель, ковры, швейные машинки. Но были и такие дома, в которых учетчики видели поломанную мебель, вспоротые подушки и перины, разбитую посуду. Хозяева считали, что их выселяют навсегда, и в гневе рушили все, что было нажито долгими годами кропотливого труда.

Учетчики ходили по домам колхозников, выносили из комнат вещи, которые считали ценными, переписывали их и отвозили в помещения, которые местными комиссиями были отведены под склады. Крупный рогатый скот, овец и коз, принадлежавших спецпереселенцам, комиссии сгоняли на кол-

³ ЦГА КБР, ф. 698, оп. 1, д. 430, л. 20.

хозяйные животноводческие фермы и вместе со скотом ликвидированных колхозов сдавали уполномоченным Народного комиссариата мясной и молочной промышленности. Рабочий скот (лошади, ослы, мулы) комиссии передавали уполномоченным Народного комиссариата земледелия, а весь племенной скот — уполномоченным Народного комиссариата совхозов. Сельскохозяйственная продукция колхозников и колхозов — зерно, картофель, шерсть, кожи и др. — была принята уполномоченными Народного комиссариата заготовок. Жилые дома, а также сельскохозяйственные машины, инвентарь и другие ценности принимали местные органы власти. Весь скот и имущество находились под охраной воинских подразделений.

Предметы домашнего обихода и утварь спецпереселенцев, а также имущество ликвидированных колхозов комиссии по разрешению Народного комиссариата финансов имели право реализовывать учреждениям и частным лицам.

Местные и районные комиссии фактически занимались незаконной конфискацией имущества выселенных балкарцев. Но конфискацию в любой цивилизованной стране производят только по решению судебных органов. А по приговору какого суда был осужден балкарский народ, а его имущество конфисковывалось? Не было ни суда, ни приговора. О конфискации имущества ничего не говорилось и в Указе Калинина. Эти действия следует рассматривать как вопиющий акт беззакония сталинского режима.

Как было сказано выше, в актах местных и районных комиссий указывалась оценочная стоимость каждого строения и каждого предмета. Народный комиссариат торговли КБАССР по согласованию с Народным комиссариатом финансов подготовил и

через Республиканскую комиссию разослал районным и местным комиссиям «Список имущества с указанием средних цен, которыми следует руководствоваться при оценке имущества в сельских местностях, оставшегося от спецпереселенцев». Вот стоимость некоторых предметов (в рублях):

кровать фасонная с никелем, полутораспальная на сетке	— 500
кровать простая железная на досках	— 85
кровать детская на сетке	— 150
шифоньер фанерованный	— 400
буфет фанерованный	— 400
стол обеденный квадратный	— 160
стулья венские	— 25
табуретки	— 10
подушки перовые	— 50
кошмы шерстяные цветные	— 250
одеяла шерстяные	— 150
бурки	— 100
графины стеклянные	— 10
кастрюли	— 50
керосинки	— 50
примуса	— 50
лампы керосиновые	— 10
машины швейные ручные	— 350
патефоны	— 900
печи железные	— 25
топоры	— 5
самовары	— 175
тарелки	— 2
сундуки деревянные	— 50
часы-ходики	— 50 ⁴ .

⁴ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 412, л. 13 и об.

Этот список был подписан в марте 1944 года. Читаю его и не могу поверить, что в то тяжелое военное время, когда цены на промышленные товары были очень высокие, вещи спецпереселенцев могли стоить так дешево.

Местные комиссии, как было сказано выше, приступили к сбору имущества балкарцев сразу же после их выселения. Уже 10 марта председатель местной комиссии селения Чалмас Моисеев представил председателю Эльбрусской районной комиссии Левитину сведения о количестве скота, собранного в селении.

Местная комиссия селения Верхний Чебет 31 марта 1944 года в докладной записке Черекской районной комиссии сообщала, что «комиссия по сбору скота и имущества, оставшегося от колхоза «Верхний Чебет» и спецпереселенцев селения Верхний Чебет, приступила к работе 8 марта с. г. и в основном свою работу по сбору скота и имущества закончила 13 марта, причем на собранное имущество и скот у колхоза и колхозников составлены акты согласно инструкции, а скот и имущество сданы соответствующим организациям»⁵.

Большое количество скота оставили в родных селениях выселенные балкарцы. Вот некоторые сведения по селениям Эльбрусского района. В селении Гунделен местная комиссия взяла на учет 1867 голов крупного рогатого скота (по документам колхоза имени Андреева на январь 1944 года в селении числилось 2 015 голов), овец и коз числилось 1 449, а в наличии оказалось 931, из 223 голов лошадей комиссии удалось учесть лишь 161. В селении Лашкута по бухгалтерским документам

⁵ Там же, д. 439, л. 2.

колхоза имени Виноградова крупного рогатого скота числилось 497 голов, учетчики собрали 472, из 447 овец и коз учетчикам не удалось собрать ни одной, из 89 лошадей они обнаружили 85. В селеении Былым по документам колхоза имени Этезова крупного рогатого скота числилось 652 головы, было учтено 610, овец и коз — 1 373, учтено 910. В селении Нижний Баксан по документам колхоза имени Кирова числилось 675 голов крупного рогатого скота, в наличии оказалось 558, из 1 068 овец и коз учетчикам удалось собрать 896, лошадей по документам числилось 103, в наличии оказалось 85. В селении Чалмас по бухгалтерским материалам колхоза «Чалмас» имелось 455 голов крупного рогатого скота, местная комиссия учла 393, овец и коз — 1 274, было учтено 1 008, лошадей — 69, в наличии оказалось 62. В селении Верхний Баксан по документам колхоза «Верхний Баксан» крупного рогатого скота числилось на январь 1944 года 583 головы, в наличии оказалось 484, овец и коз — 1 284, было обнаружено 1 120, лошадей — 120, было учтено — 35.

В отчете Республиканской комиссии по приему и учету скота, сельскохозяйственной продукции и имущества спецпереселенцев, направленном председателю комиссии Совета Народных Комиссаров Союза ССР Гриценко, сообщалось: «Приемка скота представителями наркоматов началась 12 марта и в основном была закончена к 10 апреля.

В связи с неполучением указаний, кому должен быть передан скот, и необходимостью быстрого его выгона из высокогорных колхозов, принятый представителями наркоматов скот передавался колхозам соседних предгорных районов на временную передержку, под сохранные расписки. Большинство колхозов на пути следования скота организовало

подкормку его, что помогло провести перегон по ущельям без потерь.

В связи с поздним прибытием уполномоченных Наркомсовхозов по районам и представителей совхозов — приемщиков скота, племенной скот в большинстве колхозов был принят Наркоммясомолпромом, затем сдан на передержку колхозам, после чего принимался представителями Наркомсовхозов, что внесло излишние осложнения с оформлением документации по отбору племенного скота.

Весь скот, принятый от спецпереселенцев, был передан на передержку в колхозы: из Эльбрусского района в Баксанский, из Чегемского — в Зольский, Кубинский и Прохладненский, из Черекского — в Урванский, из Хуламо-Безенгиевского — в Нальчикский, из Нагорного — в Нагорный и из Лескенского — в Лескенский.

По заключенной отчетности районных комиссий из подлежащих приемке 19 573 голов крупного рогатого скота принято: Наркоммясомолпромом — 16 451 голова, Наркомсовхоза — 1 239 голов, недостача — 1 936 голов.

Недостача крупного рогатого скота объясняется тем, что после изъятия спецпереселенцев оперативными воинскими частями скот в течение трех дней оставался безнадзорным, так как выделенные для приемки скота люди воинскими частями в момент переселения к приемке скота допущены не были, вследствие чего часть скота разбрелась по горам, а часть была расхищена.

Овец и коз числилось на 1 января 1944 г. 39 649 голов, принято Наркоммясомолпромом 27 799 голов и Наркомсовхозом — 1 044 головы, недостает 10 806 голов. Недостача овцепоголовья объясняется тем, что переселяемые колхозники для

обеспечения себя в пути питанием много овец порезали.

Лошадей на 1 января 1944 г. по учету числилось 2 432 головы, комиссиями собрано 1 750 голов и принято Наркомземом 1 750 голов, недостает 682 лошади. Недостача лошадей объясняется тем, что много лошадей было угнано воинскими организациями, а также соседними колхозами, в которых до сих пор обнаружить угнанных лошадей не удалось.

Волов на 1 января 1944 г. числилось 1 667 голов, Наркомземом принято 1 606 голов.

Ослов числилось 2 780 голов, принято Наркомземом 2 001 голова.

Районными комиссиями учтено кукурузы 10 265 центнеров, принято Наркомзагом 10 069 центнеров, прочих зерновых собрано 446 центнеров, принято Наркомзагом 170 центнеров. Картофеля учтено комиссиями 16 759 центнеров, принято Наркомзагом 12 759 центнеров. Учет и приемка картофеля не закончены, также картофель находится на горах, и для его переброски требуется большое количество рабочей силы и транспорта, а так как транспорт для немедленной его вывозки отсутствовал, ямы, чтобы не перепортить картофель, не вскрывались.

Шерсти районными комиссиями собрано 1 250 центнеров. Наркомзагом принято 1 171 центнер. Кож собрано 16 151 шт., в том числе 1 127 крупных»⁶.

В условиях, когда скот был рассредоточен по пустующим дворам спецпереселенцев, находился на колхозных фермах и в кошах, когда часть его разбредлась в горной местности, трудно было собрать

⁶ ЦГА КБР, ф. 526, оп. 1, д. 8, л. 11 об.— 12 об.

всех коров, быков, волов, овец, коз, лошадей, ослов и должным образом произвести их учет и сдать уполномоченным. Для всей этой работы и для сбора имущества спецпереселенцев и ликвидированных колхозов местные комиссии не имели достаточного количества рабочей силы.

По документальным материалам нами установлено, что часть скота была забита переселенцами на мясо при выселении. Так, в селении Куспарты, отмечается в акте местной комиссии от 9 марта 1944 года, «при переселении командованием было разрешено каждой семье спецпереселенцев забить по одной голове овец и коз. Таким образом, комиссией установлено, что спецпереселенцами было забито 287 голов овец и коз на питание в пути следования — 10 суток. Кроме этого, комиссией было обнаружено свежих необработанных кож крупного рогатого скота 17, из них 8 коровьих, молодняка 9. Вышеуказанные кожи сданы заготовительным организациям»⁷

Местная комиссия селения Верхний Чебет Черекского района в акте от 15 апреля 1944 года указывала, что «в момент сбора имущества, ценностей и скота, оставшегося от спецпереселенцев, обнаружены во дворах колхозников свежие кожи крупного рогатого скота и овчин и свежие внутренности животных в количестве: крупного рогатого скота — 22 штуки, овчин, овец и коз — 16 штук. На основании чего комиссия пришла к заключению, что спецпереселенцы в момент их выселения с разрешения воинских частей прирезали указанное количество скота, а мясо забрали с собой»⁸.

⁷ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 443, л. 18.

⁸ Там же, д. 439, л. 32.

Имели место случаи угона скота бандитами. Так, 12 марта 1944 года начальник Черекского районного отделения НКВД капитан Паранич сообщил секретарю областного комитета ВКП(б) Царяпину из селения Куспарты: «По неполным данным с периода июля месяца 1943 года по февраль месяц 1944 года из колхозов Черекского района бандитами угнано:

1. крупного рогатого скота —	27 голов,
рабочих коров	— 16 голов,
из них быков	— 11 голов;
2. овец	— 228 голов,
3. лошадей	— 9 голов» ⁹

Забивали скот и при организации питания членов местных комиссий и учетчиков, а также солдат воинских гарнизонов, охранявших скот и имущество спецпереселенцев.

К сожалению, некоторые военнослужащие из воинских подразделений, на которых была возложена задача по охране имущества и скота спецпереселенцев, с ведома своих командиров занимались расхищением скота, в основном лошадей. Предвидя такие случаи, председатель Чегемской районной комиссии В. Погребняк 5 апреля 1944 года направил члену комиссии Данилову, который находился в горах, записку. «Сегодня — писал он, — гарнизоны будут сниматься. Проследите, чтобы все лошади, крупный скот и имущество были возвращены». Но зная, что ни обком партии, ни Совет Народных Комиссаров не смогут воздействовать на военные гарнизоны, если те попытаются что-то присвоить, В. Погребняк далее писал: «Если будут

⁹ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 438, л. 21.

какие недоразумения, срочно позвоните мне, но лучше всего вместе с гарнизоном решите на месте»¹⁰.

А что могли решить на месте члены местных и районных комиссий? Только составить акт, как это сделала, например, местная комиссия селения Былым. В акте от 10 марта 1944 года она писала: «Мы, нижеподписавшиеся, местная комиссия в составе председателя комиссии Головкина Н. С., членов комиссии Шевцова П. Д. и Гладких Н. В. составили настоящий акт о нижеследующем: гарнизоном по окончании операции при выезде из с. Былым по распоряжению начальника гарнизона тов. Лихачева (капитан) были взяты три племенных жеребца, каковых оседланных увели с собой:

Как установлено опросом оставшихся местных жителей с. Былым, подтверждается, что уведенные племенные жеребцы, 3 головы, действительно принадлежавшие колхозу имени Этезова селения Былым»¹¹.

В акте местной комиссии селения Кашкатау говорится, что из селения Кашкатау военнослужащими воинской части, командиром которой являлся полковник Каменев, при выезде из селения «уведены лошади с балкарскими седлами в количестве десяти (10) голов, принадлежавшие колхозу «Красная Балкария». Приметы лошадей: 3 — карие и 7 — рыжих»¹².

В селении Шики Хуламо-Безенгиевского района военнослужащие увели с собой 21 лошадь¹³.

Хищение принимало разные формы. Предста-

¹⁰ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 431, л. 5.

¹¹ Там же, д. 436, л. 39.

¹² Там же, д. 424, л. 6.

¹³ Там же, д. 442, л. 34.

вителю Каббалксоюза Балану местная комиссия селения Мухол для служебных поездок с разрешения Черекской районной комиссии передала во временное пользование коня, который до выселения балкарцев принадлежал колхозу имени Асанова. Балан заявил, что «жеребец сбежал», и коня не возвратил ¹⁴.

Судьба скота и имущества выселенных балкарцев должна была решаться в соответствии с положениями «Инструкции о порядке приема скота, сельскохозяйственной продукции и другого имущества от спецпереселенцев».

В пункте 6 «Инструкции...» указывалось, что «принятый от спецпереселенцев скот, птица, зерно и другие виды сельскохозяйственных продуктов должны быть обращены в первую очередь на покрытие государственных поставок и недоимок прошлых лет». Причем «государственные поставки мяса по порученным обязательствам за 1944 год покрываются полностью, а по молоку, шерсти, брынзе и др. продукции — за 1 квартал 1944 года». Как же можно было выполнить годовой план госпоставок по мясу, если с начала года прошло лишь два месяца? За такой короткий срок справиться с годовым планом было невозможно. У балкарцев забрали весь личный и колхозный скот и сельскохозяйственную продукцию: часть — в счет госпоставок за 1944 год и недоимок, а остальную часть — с расчетом выдать ее в местах расселения спецпереселенцев. О том, как этот скот и сельхозпродукция выдавались в местах нового поселения балкарцев, мы еще расскажем.

А насчет недоимок прошлых лет следует сказать, что Кабардино-Балкария их не имела. В тя-

¹⁴ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 435, л. 24.

желые годы военного лихолетья — 1941, 1942, 1943-го — колхозное крестьянство республики трудилось с удесятеренной энергией, выполняло не только государственные поставки, но давало сельскохозяйственную продукцию сверх плана. Вот что сообщал в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» секретарь Черекского райкома партии Ж. Залиханов: «Значительных успехов добились наши колхозы в выполнении планов развития животноводства. План по крупному рогатому скоту район выполнил на 135,5 %, по лошадям — на 109 %, по овцам и козам — на 124 %. Кроме этого, 300 голов крупного рогатого скота выдано семьям фронтовиков. В колхозе им. Кирова план развития поголовья крупного рогатого скота выполнен на 110 %, овец и коз — на 141 %. Колхоз «Средняя Балкария» план развития общественного животноводства выполнил на 147 % и т. д.

Помощь колхозов фронту является непрерывной и все возрастающей. Колхозы досрочно выполнили все обязательства перед государством. План мясopоставок выполнен на 648 %, молока — на 105 %, яиц — на 112 %, кожи — на 118 % и т. д.

Колхозы полностью выполнили все государственные платежи»¹⁵.

Поэтому скот и сельскохозяйственная продукция, оставшиеся от выселенных балкарцев, не должны были быть обращены на покрытие «недoимок прошлых лет».

Так или иначе, весь скот и сельскохозяйственная продукция всех спецпереселенцев перешли в руки государства. Оно стало хозяином не только скота и сельхозпродукции, но и имущества балкарцев, их жилых домов, построек, оборудования и инвен-

¹⁵ Социалистическая Кабардино-Балкария, 1943, 14 ноября.

таря колхозов и распоряжалось всем этим не принадлежавшим ему добром по своему усмотрению.

Во всех республиках, откуда были изгнаны репрессированные народы, порядок сбора имущества был один: учетчики ходили по дворам и все, что считали ценным, свозили в помещения, которые местными комиссиями были определены как временные склады. Было собрано большое количество предметов домашнего обихода, мебели, сельскохозяйственного инвентаря. В балкарском селении Гунделен местная комиссия взяла на учет 768 жилых домов, собрала 199 котлов и медных тазов, 1233 шкафов, столов и стульев, 550 кроватей, 72 сундука, 28 тумбочек, 33 табуретки, 25 шкафов, 34 шифоньера, 7 медных самоваров, 3 дивана, 9 комодов, 6 швейных машинок, 2 велосипеда и другое имущество.

«После переселения граждан селения Нижний Чегем,— указывается в акте местной комиссии от 24 марта 1944 года,— установить принадлежность и количество скота, сельскохозяйственных продуктов и другого имущества, принадлежащего каждому спецпереселенцу, не удалось, а поэтому составили настоящий акт о количестве скота, сельхозпродуктов и другого имущества, принятого по селению Нижний Чегем Чегемского района»¹⁶. В акте дается общее количество учтенных домов, имущества и скота.

Местные комиссии брали на учет и определяли стоимость жилых домов и надворных построек, принадлежавших балкарцам.

В селениях Чегемского района местные комиссии собрали следующее имущество: в Яникое — 413 предметов на сумму 57 875 рублей, в Нижнем

¹⁶ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 428, л. 82 и об.

Чегеме — 2 169 предметов на сумму 115 945 рублей, Актопраке — 1 599 предметов на сумму 68 200 рублей, Верхнем Чегеме — 557 предметов на сумму 31 261 рубль, Думала — 1 374 предмета на сумму 34 474 рубля, Булунгу — 2 019 предметов на сумму 62 650 рублей, а всего за 8131 предмет — 370 405 рублей. А дома с надворными постройками, принадлежавшие жителям указанных селений, были оценены на общую сумму 1 418 930 рублей¹⁷

Имущество жителей селений Баксанского района, учтенное комиссиями, было оценено: Эльбруса — на 116 539 рублей, Верхнего Баксана — на 125 699 рублей, Чалмаса — на 97 713, Нижнего Баксана — на 103 998, Гунделена — на 335 515, Лашкуты — на 81 161 рубль, а всего на 860 625 рублей¹⁸. Реализация этого имущества была проведена в размере этой же суммы.

Чудом сохранились пожелтевшие от времени акты, в которых содержатся сведения об имуществе каждой балкарской семьи, проживавшей в селении Ташлы-Тала Лескенского района и подвергшейся выселению. Акты заполнялись местной комиссией уже после отправки балкарцев в ссылку. Что же осталось в обезлюдевших домах спецпереселенцев? Семья Тауканова Рамазана имела дом из трех комнат, оцененный комиссией в 3 555 рублей. В доме остались: одна железная кровать, ее оценили в 125 рублей, два стола (50 руб.), три стула (75 руб.), три чугунных и три медных котла (90 руб.), один кувшин (10 рублей), один ковер (10 руб.), одна кошма (15 руб.), три стальных зеркала (90 руб.), два одеяла (60 руб.), десять шерстяных матрасов (200 руб.), детское меховое паль-

¹⁷ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 433, л. 74—75 об.

¹⁸ Там же, д. 410, л. 197.

то (25 руб.), медный таз (60 рублей). Кроме того, в акте указано, что комиссия учла одну корову, 60 килограммов кукурузного зерна, 5 килограммов фасоли, 4 крупные кожи¹⁹.

После выселения семьи Керима Токумаева местная комиссия взяла на учет дом из двух комнат, принадлежавший ей, оценив в 2 488 рублей, а также домашние вещи: три деревянные кровати (75 руб.), два стола (100 руб.), одну швейную машину (175 руб.), три котла (45 руб.), четыре кувшина (40 руб.), одну кошму (10 руб.), ткань (10 руб.), три теплых одеяла (60 руб.), три подушки (30 руб.), пять шерстяных матрасов (125 руб.), шкаф (200 руб.), две плиты (50 руб.). Комиссия включила в акт одну корову, пять крупных кож, пять овчин и 10 кг шерсти²⁰.

Имущество всех выселенных народов и ликвидированных колхозов продавалось по дешевым ценам и раскупалось нарасхват. В Кабардинской АССР это имущество приобрела 121 организация. Вот некоторые из них: Трест коммунальных предприятий, Управление связи, Народный комиссариат земледелия, Нальчикская кондитерская фабрика, колхоз «Вторая пятилетка» Прохладненского района, Управление промкооперации, Нальчикский хлебокомбинат, Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, Урванский райисполком, завод № 4 (ныне Нальчикский машиностроительный завод), Президиум Верховного Совета Кабардинской АССР, Баксанская ГЭС и другие²¹. Они приобрели тысячи предметов домашнего обихода и утвари спецпере-

¹⁹ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 444, л. 8 и об.

²⁰ Там же, л. 13.

²¹ Там же, д. 445, л. 20, 21.

селенцев и большое количество сельскохозяйственного инвентаря.

Многое из имущества колхоза имени XVIII съезда партии и жителей селений Нижняя Балкария, Нижний Чегет и поселка Темукаевского было продано Детской трудовой воспитательной колонии НКВД: столы, стулья, зеркала, медные тазы, котлы, утюги, сепараторы, маслобойки, кушетки, слесарные инструменты, конторские счета, самовары, баллоны для молока, швейные машинки, тумбочки, хомуты, кровати, плуги, бороны и другое.

Народный комиссариат финансов приобрел один шифоньер, две швейные машинки, пять кроватей, две перины и другие вещи²². Можно подумать, что без перин и кроватей Наркомфин не смог бы справиться с возложенными на него задачами. Вероятнее всего, что и Народный комиссариат финансов, и другие организации приобретали имущество для своих сотрудников, но ни в одном документе того периода об этом ничего не сказано. Деньги учреждения перечисляли в Государственный банк.

Кабардинский обком партии приобрел имущество жителей двух селений: Гунделена и Чалмаса. Из Гунделена для сотрудников областного комитета ВКП(б) вывезли 23 кровати, 40 стульев, 2 котла, 2 сундука, много разной посуды, а из Чалмаса — 4 зеркала, 2 сепаратора, 10 кроватей, бак для воды, пилы, 4 швейные машинки, ванны, кузнечный мех и другое имущество, всего на сумму 20 719 рублей²³. То, что сотрудникам обкома партии нужны были стулья и посуда, можно понять, но для чего им понадобился кузнечный мех, понять трудно.

²² ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 445, л. 27.

²³ Там же, д. 410, л. 49, 167.

Следует отметить, что не все организации, приобретшие имущество сосланных балкарцев, своевременно оплачивали предъявленные им счета. Так, **Транспортное управление**, получив купленные вещи в марте 1944 года, не оплатило счет даже спустя восемь месяцев. Поэтому Народный комиссариат финансов Кабардинской АССР 7 декабря потребовал погасить задолженность в сумме 3 233 рублей²⁴. Цементный завод своевременно не уплатил 1 920 рублей²⁵. Совет Народных Комиссаров, получив вещи еще в марте 1944 года, не оплатил счет на сумму 3 485 рублей даже в декабре²⁶.

Большое количество имущества спецпереселенцев было продано частным лицам. Так, местная комиссия селения Верхний Чегет Черекского района за наличный расчет продала три ручные и одну ножную швейные машинки, палас, четыре сепаратора, семь медных тазов, один кумган, два седла и другие вещи²⁷.

В селении Белая Речка частным лицам были реализованы стулья, столы, буфеты, улья, комоды, зеркала, кровати, медные тазы, самовары, швейные машинки, велосипеды, сундуки и многое другое.

Нередко члены комиссий злоупотребляли своим служебным положением и, пользуясь бесконтрольностью, разбазаривали имущество высланных балкарцев. Все собранное имущество фактически находилось в руках местных комиссий. Как они проводили учет, все ли оставшиеся в домах спецпереселенцев вещи, представляющие ценность, вноси-

²⁴ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 445, л. 392.

²⁵ Там же, л. 75.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, д. 439, л. 40.

лись в соответствующие документы, никто не проверял, и все зависело от честности каждого члена комиссии и учетчиков. А уверенности в том, что все они добросовестно и честно относились к работе, нет потому, что сохранились документы, свидетельствующие о злоупотреблениях членов комиссий и учетчиков.

Председатель местной комиссии Чалмас А. Т. Моисеев и члены комиссии С. М. Юськина (уполномоченная Народного комиссариата финансов), К. Т. Вязовская (уполномоченная Народного комиссариата земледелия), Инько (уполномоченный Народного комиссариата мясной и молочной промышленности) приобрели по самым низким ценам, которые они сами установили, дорогостоящие вещи спецпереселенцев: кровати по 100 рублей (в списке кровати были оценены Наркоматом финансов в среднем в 500 рублей), швейные машинки по 100 рублей (их стоимость по ценнику — 350 рублей), кошмы по 50 рублей (в оценочном списке их нет, но другим покупателям они реализовывались по цене 250 рублей), и другие ценные вещи²⁸.

По низким ценам приобрели дорогостоящие вещи члены Чегемской районной комиссии Зуйков и Рюмина, а также учетчики, работавшие в балкарских селениях²⁹.

Имели место случаи, когда со складов, куда было собрано имущество спецпереселенцев, исчезали многие вещи. Так, местная комиссия селения Шики Хуламо-Безенгиевского района 1 апреля 1944 года составила акт о том, что «со склада селения Безенги неизвестными лицами в период с 20 по 25 марта были похищены следующие вещи:

²⁸ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 410, л. 173.

²⁹ Там же, д. 431, л. 32, 63.

1. мерлушки	— 25 шт.;
2. тумбы балкарские	— 5 шт.;
3. сукно балкарское	— 65 шт.;
4. кровати никелированные	— 2 шт.
5. машины швейные «Зингер»	— 4 шт.
6. кукуруза (зерно)	— 260 кг;
7. шерсть (пряжа)	— 64 кг;
8. горжетки	— 4 шт.;
9. шубы балкарские	— 7 шт.» ³⁰

Спрашивается, какой вор мог унести такое количество вещей, многие из которых (кровати, машинки «Зингер») громоздкие, а чтобы увезти 260 килограммов кукурузы, нужна грузовая машина. Скорее всего эти вещи и зерно членами местной комиссии были распроданы, а вырученные деньги в Госбанк не поступили.

Ревизор отдела госдоходов Народного комиссариата финансов Кабардинской АССР Д. Н. Кириченко 6 апреля 1944 года в докладной записке на имя наркома финансов Шацкого указывал, что в селении Яникой местная комиссия отпустила Народному комиссариату государственной безопасности, Народному комиссариату земледелия и Педагогическому институту имущество спецпереселенцев без разрешения Народного комиссариата финансов, «причем при отпуске имущества акты не составлялись, а делались пометки без стоимости. Имущество находилось в двух складах, причем один из них был совсем не приспособленным для складского помещения. Мною было предложено снести имущество в один склад. 5 апреля со слов заведующего склада и участкового милиционера якобы были похищены 3 швейные машинки и

³⁰ ЦГА КБР, ф. 696, оп. 1, д. 442, л. 11.

1 шуба со склада, который находился в клубном помещении. Документов и акта о хищении не имеется»³¹.

Такова судьба имущества репрессированного балкарского народа и ликвидированных балкарских колхозов, о чем нам до последнего времени ничего не было известно.

ЗА ШЛАГБАУМОМ СПЕЦКОМЕНДАТУР

На 1 августа 1944 года на территории Киргизской ССР находились 124 583 спецпереселенца с Северного Кавказа (30 629 семей). Из них балкарцев — 16 516 человек (4 178 семей), карачаевцев — 23 300 человек (5 790 семей), чеченцев — 84 273 человека (20 510 семей), ингушей — 494 человека (151 семья). Всего мужчин — 26 576, женщин — 34 896, детей до 16 лет — 63 111 человек¹. Все спецпереселенцы были расселены в 16 районах Фрунзенской области, 12 районах Ошской области, 9 районах Джалал-Абадской области и 3 районах Иссык-Кульской области. Балкарцы были расселены в Ивановском и Кантском районах Фрунзенской области, Карасуйском и Наукатском районах и в городе Кызыл-Кия Ошской области, Ленинском районе Джалал-Абадской области, Балыкчинском, Иссык-Кульском и Тюпском районах Иссык-Кульской области².

В Казахстан в 1944 году прибыло 507 480 спецпереселенцев (114 084 семьи), из них 21 150 балкарцев (4 660 семей), 45 529 карачаевцев (11 711 се-

³¹ Там же, д. 431, л. 152.

¹ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 810, л. 14.

² Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 3/10, л. 82—83.

мей); количество чеченцев и ингушей, как ни странно, в документах Управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпереселению дано вместе и составляет 406 375 человек (89 901 семья), а по документам НКВД СССР в Казахстан было выселено 239 768 чеченцев и 78 479 ингушей³. В Казахскую ССР калмыков было сослано 2 268 человек (248 семей), крымских татар — 4 501 (1 268 семей), турок-месхетинцев — 27 657 (6 296 семей)⁴.

Спецпереселенцы в Казахской ССР были расселены в 151 районе 15 областей.

Таким образом, выселенные с родных мест народы были разбросаны на обширных территориях Казахстана и Киргизии.

А сколько же всего числилось спецпереселенцев в тоталитарном советском государстве? На этот вопрос дают ответ документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва). В архивных документах содержатся следующие сведения. На 1 октября 1946 года на спецпоселении находилось всего 2 463 940 человек. Из них мужчин — 655 674, женщин — 829 084, детей до 16 лет — 979 182. Таким образом, из каждых 300 жителей Советского Союза четыре находились на спецпоселении. Такого беззакония, такой жестокости государства по отношению к собственному народу, к собственным гражданам не знала ни одна страна мира.

К спецпоселенцам были отнесены целые народы. В их числе находились: чеченцы, ингуши (в документе даны вместе) — 400 478 (мужчин — 97 441,

³ История СССР. 1989. № 6. С. 140.

⁴ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 135, л. 2.

женщин — 110 818, детей — 191 919), балкарцы — 32 817 человек (мужчин — 6147, женщин — 10 284, детей — 16 386), карачаевцы — 60 012 человек (мужчин — 10 595, женщин — 16 860, детей — 32 557), калмыки — 76 646 человек (мужчин — 19 506, женщин — 24 143, детей — 32 997), крымские татары, болгары, греки (в документе даны вместе) — 193 959 человек (мужчин — 43 135, женщин — 68 343, детей — 82 481), турки, курды, хемшилы — 84 402 человека (мужчин — 16 353, женщин — 23 277, детей — 44 772), немцы — 895 637 (мужчин — 193 543, женщин — 346 266, детей — 355 828), причем 121 459 из них (71 207 мужчин и 50 252 женщины) числились как «мобилизованные немцы», но тоже отнесены были к спецпереселенцам. В период коллективизации сотни тысяч людей — основная масса подлинно трудового крестьянства за некоторым исключением — были объявлены кулаками и высланы с родных мест, что нанесло громадный ущерб народному хозяйству страны. В архивных документах они названы «бывшими кулаками» и тоже отнесены к спецпереселенцам. Их насчитывалось 577 721 (мужчин — 165 519, женщин — 203 893, детей — 208 309). В числе спецпереселенцев находились немецко-фашистские пособники — 3 185 человек (мужчин — 335, женщин — 1 557, сюда же включены и их дети — 1 093), власовцы — 95 386 человек и другие⁵.

Да, среди них были те, кто изменил Родине, кто служил фашистским захватчикам, — их надо было изолировать от советского общества. Но огромное большинство спецпереселенцев, целые народы были оклеветаны, оболганы и незаконно выселены с родных мест.

⁵ Московские новости, 1990, 14 октября.

Если на карте СССР закрасить черной краской районы, где были поселены спецпереселенцы, то почти вся азиатская часть страны — с юга на север, от уральских гор до Тихого океана — представляла бы сплошной черный экран.

В Казахской ССР на 1 октября 1946 года было расселено 890 698 спецпереселенцев, в Киргизской ССР — 120 858, Узбекской ССР — 179 992, Кемеровской области — 129 423, Молотовской (ныне Пермской) области — 115 436, Свердловской области — 113 746, Красноярском крае — 112 316, Алтайском крае — 35 381, Новосибирской области — 92 968, Томской области — 83 276, Тюменской области — 56 611, Челябинской области — 51 865, Омской области — 44 767 ⁶. Спецпереселенцы находились и в других районах Сибири, Дальнего Севера и Дальнего Востока страны.

Еще до принятия законодательных актов о переселении карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев руководство страны предложило Советам Народных Комиссаров и ЦК Коммунистических партий Казахстана и Киргизии принять меры по расселению репрессированных народов. В тяжелых условиях военного времени две союзные республики должны были принять и обеспечить жильем более шестисот тысяч человек. И это в то время, когда в этих республиках уже находилось большое количество эвакуированного населения западных областей страны, Москвы и Ленинграда. Только в Казахстане в 1944 году насчитывалось 42 663 эвакуированные семьи в количестве 121 654 человек ⁷

⁶ Московские новости, 1990, 14 октября.

⁷ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 135, л. 54.

Сотни тысяч женщин, детей, стариков были привезены в Казахстан и Киргизию и обречены на жалкое существование и страдания.

Государственный Комитет Оборона и Политбюро Центрального Комитета ВКП(б) не могли не знать, что Казахстан и Киргизия не могут обеспечить полумиллионную армию спецпереселенцев жилой площадью и не в состоянии предоставить ей продовольствие даже по самым урезанным нормам военного времени. Руководство страны не могло не знать, что принятие плана Берия по переселению народов может обернуться для этих народов трагедией. И все же вопреки здравому смыслу план был принят. Это был беспрецедентный акт жестокости по отношению к целым народам, грубым нарушением и попранием человеческих прав сотен тысяч ни в чем не повинных граждан «первой в мире страны социализма».

В отличие от переселенцев, которые в поисках счастья добровольно выезжали на новые места жительства, насильственно переселенных жителей называли спецпереселенцами. Это слово родилось в недрах Народного комиссариата внутренних дел еще в первые годы Советской власти. При Берия насильственное переселение приняло грандиозные размеры. Слово «спецпереселенец» было равнозначно слову «бандит», «изменник». Спецпереселенцами называли и семьи власовцев и фашистских прихвостней, сосланных в те же районы, куда были выселены народы Северного Кавказа, калмыки, крымские татары и турки-месхетинцы.

В местах размещения спецпереселенцев хозяйничали находившиеся в ведении НКВД спецкомендатуры во главе с комендантами. Свободное передвижение ссыльных было категорически запрещено. Между населенными пунктами находились воору-

женные посты внутренних войск НКВД, установлены шлагбаумы. На каждого спецпереселенца было заведено личное дело. Для усиления надзора за ссыльными все населенные пункты были разбиты на десятидворки. В каждой назначался старший, который регулярно отчитывался перед комендантом. Ни один спецпереселенец не имел права покидать место поселения без разрешения комендатуры. Взрослые спецпереселенцы обязаны были один раз в месяц посещать комендатуру и отмечаться в специальном журнале.

Когда отгремели последние залпы войны, началась постепенная демобилизация солдат и офицеров из рядов Советской Армии. Народный комиссариат внутренних дел СССР 22 августа 1945 года издал приказ № 140, согласно которому демобилизованные из армии воины: балкарцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки, крымские татары и представители других выселенных народов — не имели права возвращаться на родину, им предписывалось проживать только в тех местах, куда были сосланы их семьи. Заслуженные воины-победители возвращались с полей войны с боевыми орденами и медалями на груди, а проживать на родине права не имели. Они не имели права выехать и к своим фронтовым друзьям: только в ссылку, где находились их отцы, матери, жены, дети. И там, в ссылке, воинов-победителей превращали в спецпереселенцев со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Шамиль Шахан-Гериевич Чеченов попал на фронт в 1943 году после окончания военного училища. Был храбрым воином, о чем свидетельствуют боевые награды и благодарности Верховного Главнокомандующего. Вот что пишет в своих воспоминаниях Шамиль Чеченов: «На фронте я и узнал,

что моих родителей, малолетних братьев и сестер выселили. Помню, стояли мы в обороне на Висле, в Польше. Вызывают меня как-то в штаб дивизии. А там собрались чеченцы, калмыки, ингуши, балкарцы — словом, все представители кавказских народностей, воевавшие в дивизии. Многие в орденах, медалях — не первый раз в боях. Среди них — А. Рахаев, М. Настуев, Б. Хаханаев — участники Сталинградской битвы. Построили нас и объявили, что отныне мы не будем воевать на переднем крае, а отправляют нас в тыловые подразделения. Это тоже было своего рода выселение. Правда, меня и старшего сержанта Магомеда Бабаева оставили. Мы участвовали в освобождении Варшавы и во взятии Берлина. Мой боевой друг Магомед Бабаев войну начал под Сталинградом. Был награжден многими орденами и медалями. Он погиб смертью храбрых за три дня до Победы. А в эти дни в Казахстане тихо угасали от голода его жена Дарина и единственный четырехлетний сын Борис. Я дошел до Эльбы. После Победы еще почти два года служил в Германии. Потом поехал в Киргизию. Это было уже в 1947 году, когда демобилизовался. Много было унижений. Каждый месяц надо было ходить в комендатуру отмечаться, ограничивали передвижение, в документах писали: «Имеет право жить в пределах такого-то селения». Все. Больше никуда не имеешь права уехать. Живи там и умирай там. Это больше всего и мучило. Некоторые из переселенцев даже не могли попасть в районную больницу. Так и умирали, не получив медицинской помощи. Спецпереселенцы жили на казарменно-режимном положении. Сколько унижений, оскорблений, невзгод претерпел мой народ! Например, в 1948 году в десяти километрах от места жительства коменданты задержали еще совсем молодого колхоз-

ника Азрета Биттирова. Он туда ездил на арбе за удобрением для колхоза. За это «преступление» Азрет был осужден на 20 лет каторжных работ. Реабилитирован был только в 1954 году и вернулся инвалидом.

Тяжело заболела дочь Нафи Цраевой — Юлия. Они жили в с. Ивановка, что в 40 километрах от г. Фрунзе. Сельский врач рекомендовал отвезти Юлию на консультацию к специалисту во Фрунзе. Три дня комендант не давал разрешения на выезд. На четвертый день он предложил Нафи разовый пропуск в обмен на длинные и красивые косы, которые Нафи сохранила с детства, гордилась ими. Нафи отрезала косы и взамен получила пропуск. В 1948—1952 годах я учился на историческом факультете Киргизского государственного заочного института. Ежегодно два раза ездил на зимнюю и летнюю сессию из Джалал-Абада во Фрунзе. Пропуск на выезд за пределы области, как правило, высылало нашему коменданту МВД Киргизской ССР. По установленному закону пропуск давали только на 30 суток. Сессия иногда затягивалась до 35—40 дней. Каждый раз я возвращался с опозданием на 5—7 дней. По приезде домой приходилось за «нарушение» режима отсиживать в следственной камере пять суток. Так было много раз».

Для решения вопросов, связанных с хозяйственно-трудовым устройством, материально-бытовым положением спецпереселенцев, при Совете Министров Киргизской ССР было образовано Переселенческое управление, при Совете Министров Казахской ССР — Управление по спецпереселению, при облисполкомах и райисполкомах — отделы.

Перед партийными и советскими организациями Киргизии и Казахстана остро встал вопрос: где расселить огромное количество людей, выселенных

с родных мест. Было решено использовать для этой цели пустующие дома в селениях, если такие есть, поселить спецпереселенцев в домах казахских и киргизских колхозников, как говорилось в то время «на уплотнении», временно поселить в сараях и амбарах, приступить к строительству домов, благо союзное правительство обещало выделить строительный материал. По этому вопросу Советами Министров Киргизской ССР и Казахской ССР, Центральными Комитетами КП(б) Киргизии и Казахстана принимались соответствующие постановления, которые, к слову сказать, не выполнялись.

Большую часть спецпереселенцев в Киргизии и Казахстане принудительно разместили в домах местных колхозников. Это вызвало недовольство жителей. Им объявили, что спецпереселенцы — это бандиты, изменники родины, враги Советской власти. А кому хотелось добровольно впускать в свой дом бандитов?

В постановлении Совнаркома и Центрального Комитета КП(б) Киргизии от 11 сентября 1944 года отмечалось, что «семьи спецпереселенцев в большинстве районов находятся в очень тяжелых условиях, особенно в связи с наступлением холодов, лишь 17 % семей спецпереселенцев обеспечены постоянными жилищами. Большинство семей размещено в порядке уплотнения в домах колхозников очень скученно. Сотни семей живут под навесами во дворах. В Таласской области 116 семей живут в лесу под открытым небом. В Базар-Курганском и Ленинском районах Джалал-Абадской области в необорудованных помещениях хлопкосушилок живут по 8—10 семей»⁸.

⁸ Государственный архив политической документации Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 810, л. 7.

В январе 1945 года в Киргизской ССР на уплотнении в домах колхозников проживало 6 957 семей спецпереселенцев в составе 66 681 человека, из них на площади, непригодной для жилья,— 3 500 семей — 29 457 человек⁹.

Инструктор ЦК КП(б) Киргизии в справке о хозяйственном и трудовом устройстве спецпереселенцев в Куршабском районе Ошской области отмечал, что 907 семей в количестве 3 483 человек, из которых более половины составляли дети, «были расселены в 17 колхозах и двух предприятиях крайне неудовлетворительно, живут в антисанитарных условиях, очень скученно, в комнатах 6—12 квадратных метров живут по 2—3 семьи с количеством от 5 до 10 человек»¹⁰ В колхозах Фрунзенского района Ошской области летом 1945 года в одной комнате проживало по 5—7 семей.

В Быстровском районе в конце 1946 года многие семьи спецпереселенцев проживали в различных колхозных пристройках, непригодных для жилья. Например, в колхозе «Боордук» 8 семей проживали «в скотных помещениях, совершенно непригодных для жилья даже в летнее время»¹¹

В сентябре 1946 года в Иссык-Кульской области из 693 балкарских семей (2619 человек) только 178 семей имели постоянное жилье, 81 семья — это 323 человека, как указывается в информации секретаря Иссык-Кульского областного комитета ВКП(б) Джаркимбаева от 1 августа 1946 года, «проживает на жилплощади, непригодной для жилья. Плохие жилищные условия спецпереселенцев имеют: в Тюпском районе — 40 семей — 160 чело-

⁹ Государственный архив политической документации Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 115.

¹⁰ Там же, д. 837, л. 18.

¹¹ Там же, ф. 56, оп. 4, д. 1064, л. 7.

век, в Иссык-Кульском районе — 67 человек»¹². Через три года после прибытия в Киргизию, в 1947 году, в трех районах Фрунзенской области: Кызыл-Аскерском, Кеминском и Панфиловском более двух тысяч семей спецпереселенцев проживало на уплотнении и свыше 107 — в непригодных для жилья помещениях¹³.

В 1945 году в Казахстане более половины семей спецпереселенцев проживало на уплотнении и в приспособленных и в неприспособленных помещениях. Исполком Восточно-Казахстанского областного Совета депутатов трудящихся 25 декабря 1945 года в своем решении отмечал, что «жилищно-бытовые и материальные условия спецпереселенцев в ряде районов требуют немедленного улучшения. До сих пор имеет место скученность и антисанитарное состояние в домах, где живут спецпереселенцы»¹⁴.

На 1 июля 1946 года в Казахской ССР 13 341 семья спецпереселенцев не имела постоянного жилья¹⁵. Даже через год, в 1947 году, 10 359 семей не имели «нормальной жилой площади». На уплотнении проживали 8 494 семьи, а 1 865 семей ютились в полуземлянках¹⁶.

Кустанайский облисполком 26 июня 1946 года записал в своем решении, что директора многих животноводческих и зерновых трестов, совхозов и сами директора совхозов не выполняют постановление ЦК КП(б) Казахстана и Совнаркома по хо-

¹² Государственный архив политической документации Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 3, д. 1985, л. 64.

¹³ Там же, оп. 56, д. 1972, л. 10.

¹⁴ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 138, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 27.

¹⁶ Там же, л. 17.

зяйственному устройству спецпереселенцев Северного Кавказа.

Союзное правительство, как сказано выше, обещало выделить для строительства жилых домов спецпереселенцам строительный материал.

В постановлении Совета Народных Комиссаров Казахской ССР от 1 декабря 1944 года № 706 указывалось, что на строительство жилья для спецпереселенцев на 1945 год требовалось 160 тысяч кубометров леса, а было выделено фактически Госпланом СССР 1 421 кубический метр и на месте заготовлено 7 127 кубических метров. Оконного стекла требовалось 290 тысяч квадратных метров, было выделено — 15 785, гвоздей требовалось 98 тонн, выделено — 16,9 тонн, вместо 1 200 тонн чугуна — 100 тонн¹⁷. «Из этого мизерного количества поступивших материалов,— отмечал начальник Управления при Совете Народных Комиссаров Казахской ССР по спецпереселению Д. Родин в отчете за 1945 год,— несмотря на протесты Управления и областных отделов по хозяйственному устройству было использовано на другие цели и разбазарено: леса — 608 кубометров, стекла — 4 458 квадратных метров, гвоздей — 2,4 тонны. В процессе приемки поступившего стекла оказалось боя негодного для остекления окон 1 820 квадратных метров»¹⁸.

Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана 3 января 1946 года обратились с письмом в Совнарком СССР на имя В. М. Молотова, в котором отмечали, что «такое неудовлетворительное снаб-

¹⁷ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 135, л. 23—24.

¹⁸ Там же, оп. 18, св. 26, л. 24.

жение строительными материалами, особенно стеклом и лесом, не позволило обеспечить строительство жилищ в размерах, намеченных планом, применение же местных стройматериалов не могло оказать большого влияния на увеличение количества построенных домов потому, что основная масса спецпереселенцев размещена в безлесных областях республики»¹⁹. «До сих пор,— отмечалось в письме,— свыше 20 тысяч семей спецпереселенцев, расселенных в колхозах республики, проживают в хозяйственных постройках, временно приспособленных под жилье, и на уплотнении у коренного населения в проходных комнатах. На этой почве между колхозниками и спецпереселенцами развивается взаимная неприязнь, а в результате скученности имеются случаи вспышек эпидемических заболеваний»²⁰.

Руководители Казахской ССР просили Совет Народных Комиссаров страны «предложить Госплану СССР: для обеспечения плана жилищного строительства предусмотреть выделение целевым назначением для спецпереселенцев, расселенных в Казахской ССР, в I, II, III кварталах 1946 г.: леса—51 тыс. кубометров, гвоздей—42 тонны, стекла—140 тыс. кв. метров, чугуна—605 тонн, кокса—400 тонн, бензина—300 тонн...»²¹

В начале 1946 года тысячи населенных пунктов, по которым прошла война, еще лежали в руинах. Миллионы людей, лишенных крова, ютились в полуразрушенных домах и в землянках. Страна представляла огромную строительную площадку: шло восстановление и строительство городов, деревень,

¹⁹ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 155, л. 2.

²⁰ Там же, оп. 18, д. 155, л. 2

²¹ Там же, л. 3.

плотин, заводов, фабрик. Советские люди, на своих плечах вынесшие основную тяжесть второй мировой войны, разгромившие фашизм, были полны решимости как можно быстрее залечить раны войны. Для этого, кроме энтузиазма и желания, нужны были строительные материалы. И основные строительные ресурсы страны были брошены на эту огромную строительную площадку.

На письме руководителей Казахской ССР есть резолюция А. Н. Косыгина, заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР: «Госплан СССР (т. Косяченко), Наркомторг СССР (т. Любимову), Наркомзаг (т. Двинскому), Сельхозбанк (т. Кравцову) — надо помочь. Прошу дать ваши согласованные предложения. 3 января 1946 г.»²². На основе согласованных предложений Совет Народных Комиссаров СССР 12 февраля 1946 года издал распоряжение, по которому Казахстану на нужды спецпереселенцев выделялось леса — 5 тыс. куб. метров, а требовалось 68 375, в т. ч. за счет местных заготовлений — 17 500 куб. метров, гвоздей — 42 тонны, стекла — 22 тыс. кв. метров вместо необходимых 139 625 кв. метров, чугуна — 605 тонн²³. Это все, что могло выделить в 1946 году союзное правительство спецпереселенцам, находившимся на территории Казахстана. При таком снабжении стройматериалами спецпереселенцам суждено было жить на уплотнении и в непригодных помещениях немало лет. Однако и это количество строительных материалов не полностью было использовано на нужды спецпереселенцев.

²² ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 155, л. 1.

²³ Там же, л. 5.

Заместитель начальника Управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпереселению Х. Шигаев в справке на имя председателя Совета Министров республики Н. Ундасынова отмечал, что «при распределении централизованных фондов строительных материалов Госплан Казахской ССР систематически урезывал фонды для строительства спецпереселенцев и за истекшие 9 месяцев, несмотря на неоднократные протесты Управления, представляемые в Совет Министров Казахской ССР и ЦК КП (б) Казахстана выделил: леса — 650 кубических метров, гвоздей — 18,2 тонны, стекла — 11 840 квадратных метров, чугуна — 160 тонн, лома — 130 тонн»²⁴. При таком распределении централизованных фондов строительство жилых домов для спецпереселенцев растягивалось на многие годы, что в конечном счете отражалось на здоровье сотен тысяч людей, находившихся в тяжелейших жилищно-бытовых условиях.

Вот, например, как реализовывался план строительства жилых домов для спецпереселенцев в Казахстане. По плану в 1946 году в Акмолинской области должны были построить 1 000 домов, а было построено лишь 27, в Талды-Курганской области — 1 400 домов, построено — 23, в Южно-Казахстанской — 1 700, построено — 70. В Джамбульской, Карагандинской и Актюбинской областях спустя даже более двух лет после прибытия спецпереселенцев в Казахстан не было построено ни одного жилого дома²⁵.

Бригада ЦК КП(б) Казахстана, проверявшая хозяйственно-бытовое и трудовое устройство спецпереселенцев, в справке от 1 июля 1946 года отме-

²⁴ Там же, л. 5—6.

²⁵ Там же, л. 16.

чала, что «строительство домов для спецпереселенцев в колхозах проводится, как правило, отдельно от построек местных колхозников, что создает впечатление обособленности спецпереселенцев от местного населения. Кроме этого, вследствие отсутствия поступления фондовых материалов, особенно стекла и пиломатериалов, построенные дома для спецпереселенцев имеют существенные дефекты, в большинстве домов по одному небольшому окну и, как правило, без стекол, забиты фанерой, двери изготовлены из местного строительного материала — березы и осины, которые в условиях Северного Казахстана зимой не пригодны»²⁶.

Не лучше обстояло дело со строительством домов для спецпереселенцев в Киргизии.

Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР постановлением от 21 декабря 1945 года утвердил план строительства жилых домов для спецпереселенцев. Всего планировалось построить 5 тысяч домов: во Фрунзенской области — 1 500 домов, в Таласской — 934 дома, Ошской — 1 200, Джалал-Абадской — 1 200, Иссык-Кульской — 166. Но этот план остался далеко не выполненным. Исполняющий обязанности начальника Переселенческого управления при Совете Министров республики указывал, что «основной причиной слабого хода строительства индивидуальных домов и невыполнения плана явилось отсутствие стройматериалов. В течение текущего года мы для строительства домов почти никакого строительного материала не давали, за исключением 1 250 квадратных метров оконного стекла и 500 кг гвоздей, которые выдает Госплан после постановления ЦК КП(б) Киргизии. В

²⁶ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 138, л. 52.

соответствии с постановлением Совнаркома Киргизской ССР от 21 декабря 1945 года исполкомы обязаны были в 1946 году заготовить 5 000 кубических метров делового строительного леса для переселенческого строительства, но до сего времени области не только не выполнили этот план заготовки леса, но даже и не приступили к его выполнению. А Фрунзенская область вовсе не может выполнить, т. к. она не имеет своего лесоучастка, где бы могла заготовить»²⁷.

В 1946 году во Фрунзенской области, как сказано выше, для спецпереселенцев планировалось построить 1 500 жилых домов. По данным на 1 июля 1946 года, в Кеминском и Чуйском районах и в городе Фрунзе к строительству даже не приступали. В Кантском районе вместо 120 домов было построено — 20, Панфиловском районе вместо 120—23, в городе Токмаке вместо 40—5²⁸.

Даже то незначительное количество стройматериалов, которое выделялось союзным правительством, не всегда использовалось по назначению.

В той же Фрунзенской области в 1946 году из занаряженного района области 1 006 кубических метров леса не по назначению было использовано 510, оконного стекла — из 4 129 квадратных метров — 616, из 5 988 килограммов гвоздей — 500.

Начальник Переселенческого управления при Совете Министров Киргизской ССР Григорьев 1 апреля 1946 года в докладной записке отмечал: «Несмотря на незначительное поступление стройматериалов, в частности леса, значительное количество их по распоряжению руководящих организаций

²⁷ Государственный архив политической документации Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 1815, л. 50.

²⁸ Там же, л. 168.

было использовано не по назначению. Так, Джалал-Абадским облисполкомом использовано не по назначению 730 куб. метров леса по разрешению Совета Министров Киргизской ССР, Ошским облисполкомом использовано не по назначению 113,4 куб. м, Таласским облисполкомом — 103 куб. м. Госпланом республики роздано разным организациям переселенческого леса: по гор. Фрунзе — 367 куб. м, по гор. Таласу — 154,5 куб. м, по гор. Ош — 75 куб. м, а всего использовано не по назначению леса спецпереселенческого фонда по распоряжениям руководящих организаций 1 604,5 куб. м. Особенно следует отметить: распоряжением Совнаркома Киргизской ССР за 1945 год из поступившего пилолеса на переселенческое строительство в 1945 году 282 куб. м было выдано НКВД на строительство стадиона 75 куб. м и институту животноводства на строительство выставки 25 куб. м пилолеса. Благодаря этому заказанные Киргосстрою строительные детали (двери, окна) и начатые поделки в течение целого года лежат в мастерских в незаконченном виде из-за отсутствия пилолеса...»²⁹ И это в то время, когда тысячи спецпереселенцев: дети, женщины, старики, инвалиды Великой Отечественной войны проживали в сараях, амбарах, полуземлянках без элементарных удобств, болели, страдали и умирали от антисанитарии и эпидемических болезней.

Разбазаривание строительных материалов шло в открытую. Даже само Переселенческое управление, призванное заботиться о спецпереселенцах и контролировать использование стройматериалов,

²⁹ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 132.

выделяемых для их нужд, только в течение нескольких месяцев ухитрилось раздать 23 организациям республики 600 кубических метров леса, из них Васильевскому винсовхозу — 55, Киргизскому государственному театру — 30, о чем это Управление умышленно умалчивает в своей докладной записке³⁰. Да и сам Совет Министров Киргизской ССР использовал переселенческий фонд для других нужд³¹.

А что говорить в таком случае о районных организациях и колхозах? На местах без зазрения совести обирали спецпереселенцев. В Ленинском районе Джалал-Абадской области из полученных для балкарцев 250 кг гвоздей, хранившихся на квартире заведующего переселенческим отделом райисполкома Алиева, 90 кг было израсходовано на личные нужды руководителей района. В Базар-Курганском районе председатель колхоза «Джон» Джолхоев на строительство личного сарая израсходовал 25 тысяч штук кирпича. Исполком Панфиловского района из полученных 30 квадратных метров оконного стекла часть использовал для своих нужд, 15 метров передал МТС, 9 — райвоенкомату. Прав был начальник Переселенческого управления Григорьев, утверждая в своей докладной записке: «Такое положение с использованием строительных материалов переселенческого строительства и в других областях, районах и колхозах республики»³².

В постановлении бюро Центрального Комитета КП(б) Киргизии от 21 ноября 1946 года указывалось, что «жилищное строительство производится медленно и некачественно, местные стройматериала-

³⁰ Там же, л. 170.

³¹ Там же.

³² Там же, л. 133.

лы не заготавливаются, помощь со стороны колхозов не оказывается и специальные строительные бригады не создаются. Техническое руководство строительством не осуществляется, и большая часть построенных домов не отвечает даже минимальным санитарным и бытовым требованиям. В среднем жилая площадь построенных домов 8—10 кв. метров»³³.

Директивные органы Казахстана, как и Киргизии, категорически запрещали использовать на другие цели фонды, выделенные для нужд спецпереселенцев. Но эти требования не выполнялись. Выделяемые государством незначительные фонды стройматериалов разбазаривались во всех областях Казахстана. Так, в Кзыл-Ординской области 1700 квадратных метров оконного стекла было использовано на строительство Кзыл-Ординской плотины, 900 квадратных метров стекла не по назначению было использовано в Актюбинской области, 1200 килограммов гвоздей и 220 квадратных метров стекла — в Восточно-Казахстанской области, 470 метров стекла — в Кустанайской области, 400 метров стекла и 750 килограммов гвоздей — в Кокчетавской области, 666 квадратных метров стекла — в Талды-Курганской области, 95 — в Северо-Казахстанской области, 262 кубических метра леса — в Алма-Атинской области, 175 квадратных метров стекла, 46 кубических метров леса и 220 килограммов гвоздей — в Джамбульской области, 113 кубических метров леса — в Семипалатинской области³⁴. Начальник Управления при Совете Ми-

³³ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 1064, л. 7.

³⁴ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 157, л. 24—25.

нистров Казахской ССР по спецпереселению в справке Совету Министров от 1 июля 1946 года указывал, что на ряд лиц, виновных в разбазаривании фондовых материалов, дела передавались в прокуратуру. А спустя более семи месяцев, 9 марта 1947 года, он вновь докладывал Совету Министров республики об использовании не по назначению фондовых материалов, предназначенных для нужд спецпереселенцев. В 13 областях Казахстана на другие цели было использовано леса 565 кубических метров, стекла — 4 тысячи квадратных метров, гвоздей — 3000 килограммов³⁵. «Органы прокуратуры и Министерства юстиции Казахской ССР,— отмечалось в справке,— совершенно ослабили борьбу с разбазариванием фондов спецпереселенцев и привлечения виновных к ответственности. Переданный материал в эти органы о разбазаривании фондов зачастую не рассматривается. Это объясняют тем, что в разбазаривании фондов принимали участие ответственные работники облисполкомов и райисполкомов»³⁶.

Руководители многих колхозов, вместо создания спецпереселенцам нормальных жилищных условий и эффективного использования отпущенных стройматериалов, использовали их на другие цели. Так, заместитель председателя колхоза «Жана-Турмыс» Калининского района Акмолинской области Кусаинов из стройматериалов, отпущенных для спецпереселенцев, построил для себя дом³⁷.

На покупку и строительство жилых домов государство выделяло спецпереселенцам ссуду в раз-

³⁵ Там же, л. 27.

³⁶ Там же, л. 26.

³⁷ Там же, д. 135, л. 7

мере 5 тысяч рублей на каждую семью сроком на 5 лет.

Всего на мероприятия по жилстроительству за два с половиной года (1944 г.— июнь 1946 г.) в Казахской ССР было открыто кредита 115 миллионов рублей, освоено лишь 77 030 тысяч рублей³⁸. «Следует сказать, что Казахская контора Сельхозбанка,— указывается в отчете Управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпереселению от 9 марта 1947 года,— создала такие условия получения кредита, при которых многие спецпереселенцы отказались от его получения. Для того чтобы получить 5 000 рублей ссуды на строительство жилого дома от спецпереселенца требовались: справка от комендатуры МВД, гарантийное обязательство спецпереселенца, гарантийное обязательство колхоза, совхоза или предприятия о том, что спецпереселенец будет своевременно погашать ссуду, решение исполкома с ходатайством о выдаче кредита и, наконец, справка от колхоза о том, что спецпереселенец имеет выработку минимума трудодней. Если в этой справке указано, что спецпереселенец не выработал минимума трудодней, независимо от причин, сельхозбанк в выдаче кредита отказывал.

Такая формальность, введенная Сельхозбанком, привела к тому, что многие колхозы и совхозы, расположенные от филиалов Сельхозбанка на расстоянии 70—80 километров, после неоднократных попыток получить кредит для строительства спецпереселенцев, отказывались от него. В результате этого, выделенный кредит полностью получить по указанным причинам не представлялось возможным.

³⁸ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 157, л. 22.

В связи с затруднением в получении кредита, спецпереселенцы вынуждены были продавать личное имущество и затрачивать собственные вложения на строительство домов»³⁹.

Отсутствие должного контроля областными конторами Сельхозбанка и их филиалов за использованием кредитов нередко приводило к злоупотреблениям со стороны некоторых сельсоветов и правлений колхозов. Так, в колхозах Есильского, Шортандинского и Вишневского районов Акмолинской области председатели колхозов кредиты, выделенные для спецпереселенцев, использовали на свои нужды. «Сивковский сельский Совет в Соколовском районе Северо-Казахстанской области купил для спецпереселенцев 12 дернопластовых домов, каждый из которых стоит 400 рублей, а контора Сельхозбанка выдала кредит из расчета 2 тысячи рублей за дом. В Мамлютском районе той же области председатель колхоза имени Петровского-Нежевых представил конторе Сельхозбанка фиктивный документ на покупку дома для двух семей спецпереселенцев за 4 000 рублей, а в действительности дом стоил 2 000 рублей. Правление колхоза имени Ленина в Советском районе продало спецпереселенцу Хабриеву Мухамеду дом фронтовика Проценко за 5 000 рублей, Сельхозбанк оформил ссуду, но вернулся с фронта Проценко, отобрал дом, и спецпереселенец остался без дома и без денег»⁴⁰.

Не лучше обстояло дело с выделением ссуд на покупку и строительство домов для спецпереселенцев и в Киргизской ССР. И здесь допускались злоупотребления. Так, правление колхоза «Эпкино» Ивановского района Фрунзенской области на

³⁹ Там же, л. 13.

⁴⁰ Там же, л. 56.

строительство домов спецпереселенцам Лайпанову и Тамойевой получило ссуду в размере 15 тысяч рублей. Эти деньги были израсходованы на внутриколхозные нужды, а семьи спецпереселенцев остались без жилой площади. Аналогичные факты имели место и в других колхозах Ивановского района ⁴¹ На свои нужды истратил ссуду в размере 37 тысяч рублей колхоз «Кзыл-Желек», колхоз имени Чапаева — 15 тысяч рублей, колхоз имени Плихотлова — 10 тысяч рублей. Правление колхоза имени Стаханова решило «не мелочиться» и использовало на свои нужды полученную в Сельхозбанке ссуду в размере 58 800 рублей.

От всех этих махинаций страдали спецпереселенцы, продолжавшие жить на уплотнении или в непригодных для жилья постройках.

ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ, НАДО ТРУДИТЬСЯ

Несмотря на тяжелые условия жизни в ссылке, на лишения и страдания, народы Северного Кавказа, калмыки, крымские татары и турки-месхетинцы стремились выстоять и выжить.

Еще шла Великая Отечественная война. Советские войска, ведя наступательные бои, продвигались на запад. А здесь, в глубоком тылу в Казахстане и Киргизии, за тысячи верст от фронта, балкарцы и карачаевцы, чеченцы и ингуши, калмыки, крымские татары, турки-месхетинцы работали по 12—14 часов в сутки. И после окончания войны спецпереселенцы продолжали трудиться без устали. Большинство работало в колхозах и совхозах животноводами, полеводами, трактористами, плугарями, свекловодами, хлопкоробами, кузнецами,

⁴¹ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 406, оп. 29, д. 159, л. 65.

часть трудилась на заводах, шахтах, стройках, в рудниках слесарями, бурильщиками, плавильщиками, крепильщиками, забойщиками, навалоотбойщиками, форсунщиками, строителями, электромонтерами.

Следует сказать, что перед руководящими органами Киргизии и Казахстана с первых дней пребывания спецпереселенцев в этих республиках встал вопрос о трудоустройстве и использовании огромной армии трудоспособного населения в народном хозяйстве.

Совет Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК ВКП(б) Казахстана в 1944, 1945, 1946 годах принимали постановления о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев. Областные исполкомы рассматривали вопросы, касающиеся работы со спецпереселенцами, их расселения и трудоустройства, принимали соответствующие документы. Основная масса спецпереселенцев проживала в сельской местности. Райисполкомы, колхозы и земельные органы должны были вовлечь трудоспособных спецпереселенцев в работу в сельском хозяйстве, создать условия для их закрепления в производственной и общественной жизни колхозов. На этом пути стояли большие и серьезные трудности: катастрофическая нехватка жилья, продуктов питания, неправильное отношение к спецпереселенцам со стороны многих местных советских и партийных руководителей, а также значительной части населения, с предубеждением относившейся к спецпереселенцам, считая их бандитами и изменниками Родины, распространение среди выселенных различных эпидемических заболеваний и в особенности сыпного тифа.

Все это затрудняло быстрое и полное приобщение спецпереселенцев к производству в колхозах,

совхозах, а также на промышленных предприятиях.

В целях улучшения трудоустройства спецпереселенцев Центральный Комитет ВКП(б) Казахстана на 17 мая 1944 года принял постановление. В нем были указаны конкретные мероприятия по использованию трудоспособных спецпереселенцев на работах в сельском хозяйстве и промышленности, по улучшению их хозяйственно-бытового устройства. На основании этого постановления во всех областях Казахской ССР были образованы «тройки» в составе второго секретаря обкома партии, первого заместителя председателя облисполкома и начальника управления внутренних дел.

На 1 декабря 1945 года в Казахстане уже работало 158 444 спецпереселенца, из них в колхозах — 91 928, в совхозах — 15 790 и на предприятиях — 50 726 человек¹. В справке Управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпереселению от 1 июля 1946 года указывалось, что «интеллигенции с высшим и средним образованием, прибывшей по переселению с Северного Кавказа, учтено 803 человека, из них работают по специальности 569 человек. 234 человека работают не по своей специальности... Рабочих массовых специальностей (плотники, столяры, каменщики, токари, слесари, нефтяники) с Северного Кавказа учтено 4 829 человек. Работают по специальности 4 100»².

К сожалению, не везде относились к трудоустройству спецпереселенцев с пониманием. Немало было фактов бездушного к ним отношения. В связи с таким положением ЦК ВКП(б) Казахстана и Совет Народных Комиссаров Казахской ССР

¹ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 136, л. 1.

² Там же, д. 153, л. 34.

26 апреля 1945 года приняли постановление «О трудоустройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа». В постановлении отмечалось, что отдельные обкомы и облисполкомы «самоустранились от повседневного руководства делом трудоустройства спецпереселенцев», и содержались конкретные меры, которые необходимо было принять для улучшения их трудоустройства.

Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР и Центральный Комитет КП(б) Киргизии приняли ряд постановлений по вопросам хозяйственно-трудового устройства спецпереселенцев. В постановлении Совнаркома и ЦК КП(б) Киргизии от 11 сентября 1944 года указывалось, что «партийные и советские организации Фрунзенской, Ошской, Джалал-Абадской и Таласской областей недооценили всей серьезности и политической важности работы со спецпереселенцами, не занялись по-настоящему вопросом их хозяйственного и трудового устройства, вследствие чего семьи спецпереселенцев в большинстве районов находятся в очень тяжелых условиях, особенно в связи с наступлением холодов.

Большое количество спецпереселенцев не принято в члены колхозов. По Таласской области не оформлен прием свыше 700 хозяйств, по Фрунзенской области 357 хозяйств. Учет специалистов (врачей, зоотехников, агрономов, педагогов, ветврачей) и квалифицированной рабочей силы (комбайнеров, трактористов, слесарей, токарей) проведен не полностью, имеющиеся специалисты не используются по своей специальности (из учтенных 548 человек специалистов работают по своей специальности только 64 человека)»³.

³ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 810, л. 7.

И через полтора года были не единичные случаи, когда спецпереселенцев не принимали в члены колхоза. Так, председатели колхозов в Молотовском, Фрунзенском, Узгенском и других районах Ошской области отказали спецпереселенцам в приеме в колхозы, мотивируя свой отказ тем, что переселенцы — плохие работники и «чужие люди», а некоторые прямо обзывали их «бандитами»⁴.

Многие спецпереселенцы вынуждены были работать не по специальности. В докладной записке от 1 июля 1946 года бригады Центрального Комитета КП(б) Киргизии по проверке трудового устройства спецпереселенцев отмечалось неудовлетворительное использование специалистов во Фрунзенской области.

«Спецпереселенец Тангиев Баудин,— читаем в записке,— окончил сельскохозяйственную академию, имеет диплом и 20-летний стаж работы директора совхоза, за хорошую работу награжден правительством орденом Трудового Красного Знамени и до настоящего времени по специальности не работает.

...850 специалистов сельского хозяйства, учтенных по области, в большинстве не используются по своим специальностям»⁵.

Недоброжелательное отношение к спецпереселенцам при их трудоустройстве имело место во многих областях Киргизии.

Министр внутренних дел Киргизской ССР в отчете начальнику спецпоселений МВД СССР от 14 июня 1948 года указывал, что «спецпереселенцы с Северного Кавказа, Грузии, крымские татары, немцы, калмыки расселены на территории Киргизской

⁴ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 180.

⁵ Там же, л. 167.

ССР в 807 колхозах, 49 совхозах, в 43 поселках и городах, переданы для хозяйственного устройства в совхозы, колхозы и промышленные предприятия. Из общего числа спецпереселенцев, переданных для трудового устройства, учтено трудоспособных 38 548 человек, из коих занято на работах 37 329 человек. Кроме того, в период полевых работ привлечено и работают ограниченно годные к труду 1 836 человек и из числа подростков до 16 лет — 3 382 человека, а всего 42 547 человек»⁶.

Следует сказать, что во многих колхозах учет трудодней спецпереселенцев был поставлен плохо. В ноябре 1944 года бригада ЦК КП(б) Киргизии отмечала, что в Куршабском районе Ошской области «учет труда спецпереселенцев в большинстве колхозов поставлен крайне неудовлетворительно, разноска трудодней в лицевые счета отстает на 2—3 месяца, трудовых книжек спецпереселенцы не имеют и не знают, сколько выработали трудодней (колхозы им. Ленина, им. Ворошилова). В колхозе им. Ворошилова Султамуратов работал на косовице 20 дней, ежедневно перевыполнял норму, заработал около 30 трудодней, а в таблице учтено только 3 трудодня; группа спецпереселенцев в количестве 47 человек во главе с Темирбераевым в течение нескольких дней работала на прополке зерновых, но по таблицю учета не числится ни одного трудодня. Подобные факты имеют место в колхозе «III Интернационал», «Кайнар» и ряде других»⁷.

В Кагановичском районе Киргизской ССР в колхозе имени Панфилова за апрель и июнь 1946 года трудодни не были учтены, не занесены в лице-

⁶ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 1/2, л. 50.

⁷ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 837, л. 18.

вые счета. Только колхозы 4 районов недодали на трудодни спецпереселенцам зерна — 9 225 килограммов, сена — 616 центнеров, денег — 74 302 рубля. Спецпереселенцы обращались с жалобами в органы прокуратуры, райкомы, райисполкомы, но действенная помощь оказывалась им далеко не всегда.

В Иссык-Кульской области, где проживало 685 балкарских семей в составе 2 632 человек, трудоспособных было 766 человек. «Из числа трудоспособных неработающих нет»⁸, — записала бригада ЦК КП(б) Киргизии, проверявшая трудоустройство спецпереселенцев. 596 балкарцев работали в колхозах, 116 — в совхозах, 48 — на промышленных предприятиях и 6 человек — в государственных учреждениях⁹.

Трудоустройство спецпереселенцев имело важное значение для их жизнеобеспечения, для налаживания контакта с местным населением, способствовало увеличению выпуска сельскохозяйственной и промышленной продукции в районах их проживания.

Сохранились документы о работе спецпереселенцев в Казахстане и Киргизии в 40-е и 50-е годы. В них названы конкретные имена ссыльных, работавших в колхозах и совхозах, на промышленных предприятиях, шахтах и рудниках.

Давайте полистаем архивные материалы тех далеких лет. В основном это докладные записки

⁸ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 3, д. 1985, л. 63.

⁹ Там же.

начальников УМВД и УМГБ своему руководству о том, как ведут себя спецпереселенцы в местах их расселения. Здесь справки о трудовом и бытовом устройстве спецпереселенцев, которые составлялись бригадами Советов Министров Киргизской ССР, Казахской ССР, ЦК КП(б) Киргизии, ЦК КП(б) Казахстана, записки и информации партийных органов, переселенческих управлений.

Эти документы — свидетельства самоотверженного труда спецпереселенцев на казахстанской и киргизской земле в суровых условиях ссылки, жесткого режима спецкомендатур НКВД, с позорным клеймом «изменников Родины». Не во всех документах содержится указание на национальную принадлежность спецпереселенцев. Они работали вместе: балкарцы и карачаевцы, чеченцы и ингуши, крымские татары, калмыки, турки-месхетинцы. Им надо было выжить, выжить до дня своего освобождения, в которое они верили все долгие годы пребывания в ссылке.

В докладной записке начальника Переселенческого управления Киргизской ССР Григорьева читаем: «Спецпереселенцы — колхозники в 1945 году принимали активное участие в колхозном труде, и среди них имеется немало ударников социалистического — колхозного труда, как, например, в колхозе имени Тельмана Сталинского района Фрунзенской областей. Спецпереселенцы-карачаевцы на 50 трудоспособных выработали 13 378 трудодней, что составляет в среднем по 267,5 трудодня.

В Чуйском районе в колхозе им. Чапаева балкарец Чеченов Махмуд, работая по животноводству, выработал 500 трудодней, в том же колхозе колхозник Атмурзаев Иса, работая плотником, выработал 550 трудодней.

В гор. Токмаке в колхозе «Серп и Молот» спецпереселенец Шатаев выработал 726 трудодней. В том же колхозе Хасаев Ала выработал 608 трудодней. В колхозе им. Ворошилова семья чеченца Ашхабова в количестве трех человек, в том числе один подросток, выработала 881 трудодень»¹⁰

Вот справка бригады ЦК КП(б) Киргизии. Она была составлена в июле 1946 года после проверки трудового и бытового устройства спецпереселенцев в Джалал-Абадской области, где многие колхозники занимались выращиванием хлопка. В колхозе «Кзыл-Ай» Базар-Курганского района «бригада спецпереселенца Дохтукаева, читаем в справке, работая на хлопке, в среднем за полгода на работающего имеет 165—180 трудодней и держит первое место по выращиванию хлопка в сельсовете. В колхозе «Яш-Ленина» того же района бригада чеченца Алтуева по выращиванию хлопка занимает первое место в колхозе.

В колхозе имени Кагановича Ленинского района тракторист Беттиров Азрет ежедневно выполняет норму на 150—200 %. В колхозе «Янытурмыш» звено Кабаева Бексултана на сенокосе выполняет ежедневно 150—200 % нормы. В райпромкомбинате того же района кузнец Жатуев Сеит и плотник Сатаев Мухамет месячный план выполняют более чем на 200 %. В орехосовхозе «Майли-Сай» спецпереселенцы на лесозаготовительных работах дают 300—400 % нормы.

Такие факты стахановского труда имеют место и в ряде других колхозов и совхозов области»¹¹.

¹⁰ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815 л. 140—141.

¹¹ Там же, л. 176.

Секретарь Иссык-Кульского обкома партии Джаркимбаев в информации от 1 августа 1946 года хорошо отзывался о работе спецпереселенцев-балкарцев. «Спецпереселенцы, работающие в колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях,— писал он,— в большинстве своем относятся к труду добросовестно, производственные нормы выполняют и перевыполняют. Так, 122 человека получили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В колхозе им. Молотова Кутургинского сельсовета Тюпского района организована полеводческая бригада из числа спецпереселенцев, бригадир этой бригады — балкарец, участник Отечественной войны, член ВКП(б) Отаров Исхак. Эта бригада с начала уборочной кампании из имеющихся 4 бригад в колхозе держит первое место, но правление колхоза бригаду ничем не отмечает¹².

В отчете секретаря Ошского областного комитета партии от 12 июля 1946 года читаем: «Спецпереселенец Машаев (колхоз «Ленин-Джол» Узгеновского района), работая конюхом и производя скирдование сена, за 6 месяцев 1946 года выработал 237 трудодней, старики Матаев и Капраев (колхоз «Красный маяк») за этот же период выработали по 180 трудодней, переселенец колхоза «Узгуруш» Тагиров только в мае месяце выработал 52 трудодня.

Многие спецпереселенцы награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В Карасуйском районе медалью награждены 32 спецпереселенца, в Куршабском — 6 человек, в

¹² ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 65 об.

Узгенском — 6 человек и 25 человек представлены к награде. В Мирзаакинском районе представлены к награде медалью 12 человек»¹³.

Начальник управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпереселению в отчете от 9 марта 1947 года писал: «Работающие спецпереселенцы в колхозах выработали за отчетный год 15 978 трудодней, что в среднем на одного работающего приходится 196, 2 трудодня.

В 1945 году средняя выработка спецпереселенца, работающего в колхозе, составляла 133 трудодня.

Средний уровень выработанных трудодней коренными колхозниками в отчетном году составляет 180—240 трудодней на каждого работающего в республике в целом.

Из приведенного сравнения необходимо сделать вывод, что в 1946 году спецпереселенцы лучше работали, чем в 1945 году и, по-существу, разницы нет в выработке трудодней между коренным населением и спецпереселенцами. Многие спецпереселенцы показали подлинно стахановские методы труда и добросовестное отношение к порученному делу»¹⁴.

Заместитель начальника УВД по Ошской области подполковник Проулочнов в докладной записке от 2 сентября 1949 года, сообщая министру внутренних дел Киргизской ССР об отношении к работе спецпереселенцев, среди которых было много баткарцев, писал: «Выселенцы, расселенные в колхозах, в настоящее время в основном используются на работах по уборке и обмолоту зерновых куль-

¹³ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 184—188.

¹⁴ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 57, л. 7—8.

тур, по уходу и обработке хлопка и табака, а также в животноводстве.

К работе выселенцы относятся добросовестно, со стороны хозяйственных руководителей колхозов, совхозов жалоб никаких нет.

Большинство работающих выселенцев выполняют и перевыполняют нормы выработки. Так, например, колхозница колхоза «Октябрь» Карасуйского района выселенка Сайдумова Авалият за ударную работу в колхозе премирована мануфактурой. Колхозница колхоза «Эркин» выселенка Бозиева Марьям за ударную работу в колхозе по обработке и уходу за хлопком дважды премирована мануфактурой»¹⁵.

Начальник УМГБ Джалал-Абадской области полковник Григоров в докладной записке министру государственной безопасности Киргизской ССР 3 марта 1951 года сообщал, что «в колхозах им. Сталина Сузакского сельсовета, «10 лет Октября» Благовещенского сельсовета, им. Сталина Чука-Тюбинского сельсовета, им. Молотова Молотовского сельсовета из числа спецпереселенцев (чеченцев, балкарцев и курдов) организованы были хлопковые бригады по обработке и сбору хлопка, которые выполнили план сбора урожая хлопка-сырца на 100 и 135 %.

Так, например, в колхозе «Интернационал» бригадир спецпереселенцев Саниев К. в течение четырех лет со своей бригадой выполняет план по сдаче хлопка-сырца государству на 100—112 %.

В колхозе им. Сталина Чука-Тюбинского сельсовета балкарская бригада спецпереселенцев (брига-

¹⁵ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 7/23, т. 2, л. 142—143.

дир Шовкалов Н.) выполнила план по сдаче хлоп-ка-сырца на 112 %.

Бригадир спецпереселенцев балкарец Темоев Ахмат в колхозе «10 лет Октября» Благовещенского сельсовета со своей бригадой выполнил план на 116 % и сдал первый и второй сорта хлопка-сырца, занял первое место по колхозу, и вся бригада из 15 человек занесена на Красную Доску Почета. Всего по колхозу «10 лет Октября» 30 человек спецпереселенцев занесены на Доску Почета»¹⁶.

Хорошо работали спецпереселенцы и на промышленных предприятиях. Начальник Переселенческого управления Киргизской ССР Григорьев в докладной записке о работе спецпереселенцев в 1945 году указывал, что «среди работающих в промышленности имеется много ударников и стахановцев. Так, например, на шахтах Кок-Янгана и Ташкумыра имеется много рабочих-спецпереселенцев, выполняющих производственную норму выработки от 100 до 600 %, а на руднике Сурьма из 45 рабочих-спецпереселенцев являются стахановцами 35 человек»¹⁷

В справке бригады ЦК КП(б) Киргизии от 1 июля 1946 года отмечалось, что «на комбинате им. Фрунзе Министерства цветной металлургии 37 переселенцев выполняют ежедневную норму выработки на 105 % и выше, а плавильщики-переселенцы Гатчаев, Уянаев, Элимханов производственное задание ежедневно выполняют на 200—250 %.

¹⁶ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 3/62, л. 69.

¹⁷ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 140—141.

Выдающегося производственного рекорда добился стахановец бурильщик горного цеха комбината № 5 Министерства цветной металлургии переселенец чеченец Досаев Буку. Встав на стахановскую вахту в честь дня Победы, Досаев Б. выполнил сменное задание 7 мая на 1033 %. Досаев перекрыл все ранее установленные на комбинате рекорды высокой производительности труда. Работая коногоном, выполнил месячную норму на ных метра штрека.

На руднике г. Кзыл-Кия 319 человек переселенцев числятся стахановцами и ударниками, которые выполняют дневную норму выработки на 110—120 %. На шахте № 4—4 БИС Хасавханов месячную норму выполняет на 129 %. Крепильщик Месиров Мустафа в мае месяце выполнил месячную норму выработки на 252 %. Забойщик Зайнагабдиев месячную норму выполняет на 119 %, коногон Ахматов — на 156 %. Переселенец Азаматов, работая в пяти забоях, он прошел за смену 4,6 погон-222 %. На шахте «Джал» крепильщик Алхатов за май месяц выполнил норму на 121 %, крепильщик Казаков З. — 137 %, крепильщик Лукьяев Х. — на 156 %. На шахте № 6 проходчик Байзулаев выполнил норму на 176 %, шахтеры-переселенцы Бабаев Юсуп и Гунаев норму выработки систематически выполняют на 200 %.

Образцы примерной работы переселенцы показывают и на других промышленных предприятиях, стройках и в учреждениях.

В Ворошиловском районе Фрунзенской области переселенческая бригада во главе с бригадиром Алистаковым на строительстве Аламединской ГЭС ежедневно выполняет производственное задание на 150 %.

На строительстве второй очереди Мирза-Куршабского канала в Ошской области работающие переселенцы показали примеры в работе: переселенец-колхозник Мусаев Асаби выработал по 3 куб. метра земли вместо двух положенных по норме. Переселенец-колхозник Мадаев Хамид, работая звеньевым, выполняет ежедневную норму земляных работ на 500 %»¹⁸.

Заместитель начальника УВД по Ошской области в сентябре 1949 года в докладной записке писал: «За хорошую работу, выполнение и перевыполнение производственных заданий награжден ряд рабочих промышленных предприятий: выселенец-балкарец Гупоев, работая навалотбойщиком на шахте «Комсомольская» г. Кзыл-Кия, в июле месяце выполнил производственный план на 121 %. Выселенец-балкарец Туменов, работающий проходчиком на шахте № 1—1 БИС, в июле месяце выполнил производственный план на 123 %»¹⁹.

А в январе 1950 года начальник УВД по Ошской области полковник Морозов сообщал министру внутренних дел Киргизской ССР: «Выселенцы, работающие на угольных шахтах, предприятиях, в совхозах, колхозах, в основном к труду относятся добросовестно, нормы выработки выполняют, а некоторые и перевыполняют, например, рабочие комбината № 5 во Фрунзенском районе в октябре и ноябре месяцах с. г. в количестве 613 человек выполнили свои производственные планы в среднем от 104 % до 125 %»²⁰.

¹⁸ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815. л. 116—119.

¹⁹ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 7/23, т. 2, л. 143.

²⁰ Там же, л. 212—213.

Полковник Морозов в докладной записке назвал имена нескольких лучших шахтеров из спецпереселенцев-балкарцев: «Миссиров Хазы Алиевич, балкарец,— читаем в докладной,— работает навалоотбойщиком шахты № 4—4 БИС, производственное задание выполняет на 116 %, Атаев Маил, балкарец, работает крепильщиком шахты «Джал», производственное задание выполняет на 143 %, Газаев Али, балкарец, работает крепильщиком шахты «Джал», производственное задание выполняет на 174 %, Мунаев Мустафа, балкарец, работает крепильщиком шахты «Джал», производственное задание выполняет на 172 %, Трамв Шамиль, балкарец, работает крепильщиком шахты № 6—6 БИС, производственное задание выполняет на 167 %, Настаев Закирья, балкарец, работает проходчиком шахты № 6—6 БИС, производственное задание выполняет на 105 %»²¹.

В докладной записке начальника УМГБ по Джалал-Абадской области полковника Григорова от 3 марта 1951 года указывалось, что «спецпоселенцы, работающие в угольной промышленности, показывают образцы добросовестного отношения к труду. В гор. Кок-Янгак спецпоселенец Хансултанов Успа, работая на шахте «39 БИС», перевыполняет план по добыче угля на 178 %, спецпоселенцы Адамов У и Ахматов Б. на этой же шахте выполняют план добычи угля на 170—150 %.

Аналогичное положение имеет место добросовестного отношения к труду со стороны спецпоселенцев, работающих на шахте «Штольная-капитальная»: спецпоселенец Фаргиев Омар выполняет норму на 140 %. Спецпоселенец Шавхалов П. на шахте 40 выполняет задание на 149 %.

²¹ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 7/42, л. 70—73.

Таким образом, передовиков производства по состоянию на 1 марта 1951 года всего по области учтено 5 765 человек»²².

ОТНОШЕНИЕ К СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦАМ

В первые годы пребывания спецпереселенцев в Казахстане и Киргизии большинство руководящих работников райкомов партии, райисполкомов, учреждений и предприятий относилось к ним враждебно. Такое же отношение к ним было и со стороны части местного населения. И руководители, и местные жители поверили в официальную версию, что балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, калмыки, крымские татары, турки-месхетинцы — изменники Родины, бандиты. Ведь без причины не выселят с родных мест и не сошлют в чужие края целые народы, раз так, значит, они действительно совершили преступление. Так как же можно хорошо относиться к преступникам, изменникам, бандитам? Такая несложная философия цепко и долго держалась в умах казахов и киргизов, от природы душевных, добрых и гостеприимных людей. Это потом, спустя время, местное население «потеплело» к спецпереселенцам, увидело, с какой самоотверженностью трудятся «чужие люди» на чужой для них земле. А вначале ярлыки «бандиты», «изменники», навешанные на безвинно репрессированные народы сталинским режимом, имели самые пагубные последствия для спецпереселенцев. Ненависть их преследовала на работе, на улице, дома. В некоторых колхозах в зимнюю стужу им отказывали в топливе, для содержания скота не

²² Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 70/14, л. 39—43.

давали корма, остро нуждающимся семьям не оказывали никакой помощи за счет колхозных и совхозных ресурсов, ущемляли их и так урезанные права. В справке инструктора ЦК КП(б) Киргизии от 21 ноября 1946 года отмечалось, что в Быстровском районе Фрунзенской области председатель колхоза «Темирканат» Тулегенов и председатель колхоза имени Ворошилова Дреев «не знают количества семей переселенцев-колхозников и не имеют представления о состоянии их хозяйственного устройства. В колхозах им. Ворошилова и «Боорду» имеют место случаи, когда переселенцев называют бандитами, изменниками и прочее. В районе имеют место и не пресекаются даже факты избиения переселенцев. В марте этого года бригадир колхоза «Боорду» коммунист Абылов Б. избил переселенца Долаева. В июле в этом же колхозе парторг Бактырбаев избил камной переселенца Аджиева, директор районной конторы «Заготживсырье» Исхаков избил переселенца Маджидова А. 4 сентября председатель колхоза «Алмаду» коммунист Айтпаев избил переселенца Хутаева, 17 сентября бригадир Токтосунов с колхозниками Чекеевым и Тольгибаевым избили женщину-переселенку Хутаеву и мальчика 13 лет.

По приведенным фактам произведено расследование, материалы переданы в прокуратуру, но виновные до сих пор не осуждены и к партийной ответственности также не привлечены»¹. Вот что записала в своей справке от 1 июля 1946 года бригада ЦК КП(б) Киргизии после проверки работы со спецпереселенцами во Фрунзенской области: «В области имеются не единичные факты не-

¹ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 1064, л. 7—8.

приятельного отношения к спецпереселенцам как со стороны местного населения, так и со стороны руководителей районных партийно-советских органов, промпредприятий, совхозов, колхозов.

Особенно плохое отношение к спецпереселенцам со стороны местного населения и руководителей имеет место в Кеминском районе. Несмотря на то, что в начале этого года бюро обкома партии обсуждало вопрос о взаимоотношении и за принятие мер к устранению недостатков объявило выговор первому секретарю РК КП(б) Киргизии т. Турмашеву, председателю райисполкома т. Саманчеву, начальнику РК МВД т. Джимбаеву и прокурору т. Молдыбаеву, положение в Кеминском районе по вопросу отношения к спецпереселенцам до настоящего времени остается ненормальным, что в свою очередь отражается на настроении спецпереселенцев и их отношении к труду.

Во время проверки хозтрудоустройства представителями обкома вновь выявлены факты неприятельного отношения местного населения и руководителей к спецпереселенцам, в частности: в леспромхозе работают исключительно спецпереселенцы-чеченцы. Подавляющее большинство их работает хорошо, многие выполняют и перевыполняют нормы выработки, однако отношение к ним технорука Макеева исключительно плохое. Так, в мае месяце с. г. дирекцией Леспромхоза была создана из чеченцев бригада по сплаву леса, оставшегося от прошлого года. Эта бригада во главе с бригадиром Цаноевым систематически перевыполняла нормы выработки. Несмотря на это, Макеев вызвал к себе в кабинет бригадира Цаноева и стал его ругать нецензурными словами, оскорбляя национальные чувства. Тот же технорук Макеев незаслуженно называет спецпереселенцев изменниками Родины, бан-

дитами и т. д. Макеев заявил: «Пока я буду работать техноруком, жизни переселенцам не дам».

9 июля с. г. заведующий Кеминским райзо Абилов выезжал в колхоз. Когда он вернулся в райзо в 9 часов вечера, то конюха райзо, спецпереселенца-чеченца Юсупова Хасана в это время дома не оказалось, так как он ходил к демобилизованному из Красной Армии Солтаханову расспросить о своем погибшем брате на фронте Отечественной войны. Вернувшись через полчаса после отъезда Абилова, Юсупов был вызван в кабинет, там Абилов стал ругать Юсупова нецензурными словами, всячески оскорбляя его, обзывая изменником, бандитом и т. д., и в ту же ночь уволил Юсупова с работы и выбросил всю его семью из квартиры, причем жена Юсупова работала конюхом в отделе технических культур, мать — уборщицей, а отец лежал при смерти.

В апреле с. г. председатель колхоза им. Логвиненко Кзыл-Аскерского района Александров вернулся из райцентра в нетрезвом виде, на колхозном дворе он набросился на демобилизованного из Красной Армии инвалида Отечественной войны Умарова, стал беспричинно оскорблять его нецензурными словами, задевая национальные чувства, впоследствии избил его. Александров был привлечен к ответственности РО МВД, материалы переданы райпрокурору, однако Александров остался ненаказанным»².

Вот выдержки из специального сообщения от 25 октября 1945 года заместителя народного комиссара внутренних дел Киргизской ССР Леотова секретарю ЦК КП(б) Киргизии Боголюбову об

² ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 172—173.

отношении к спецпереселенцам в Таласской области. «По сообщению УНКВД Таласской области, в ряде районов со стороны отдельных местных руководителей сельсоветов и колхозов имеют место случаи издевательства и пренебрежительного отношения к спецпереселенцам, расселенным в колхозах, а именно: 28 июля 1945 года председатель колхоза «Тыш-Арык» Таласского района Кабиев Шадувай нанес камчой два удара по голове спецпереселенцу Мурадову Георгию и несколько ударов спецпереселенцу Османову Паша за то, что их несовершеннолетние дети воровали колхозный табак и у одной колхозницы картофель.

28 июля 1945 года в колхозе «Таш-Арык» одной местной колхозницей были избиты 3—4-летние дети спецпереселенки Мурадовой Айзеф, и когда последняя обратилась с жалобой к председателю Долонского сельсовета Таласского района Маныеву Эсенбеку, последний не стал выслушивать Мурадову, избил ее камчой и порвал на ней платье.

Отдельные местные колхозники к спецпереселенцам относятся пренебрежительно, говорят им: «Зачем вы сюда прибыли? Нашу пшеницу кушать? Уезжайте отсюда».

Председатель колхоза «Кен-Арык» Таласского района Осмоналиев систематически занимается избиением спецпереселенцев, как-то:

1 августа 1945 года без всяких причин избил спецпереселенку Байрамукову Зурият и ее дочь.

19 августа 1945 года спецпереселенка Доскоева по разрешению бригадира собирала на поле колосья, заметив это, объездчик Бакиев отобрал у нее 500 рублей, а после ее же избил председатель колхоза Осмоналиев.

Кроме того, Осмоналиев избил 80-летнюю старушку, мать спецпереселенца Забуйрова, последняя

от побоев до сего времени находится в постели, а избитая им же 12-летняя девочка-спецпереселенка Усманова Кайка после продолжительной болезни умерла, о чем имеется справка медосвидетельствования»³.

Инструктор ЦК КП(б) Киргизии, проверявший хозяйственно-трудовое устройство спецпереселенцев, свою справку озаглавил так: «О фактах издевательства, произвола и пренебрежительного отношения к спецпереселенцам в Алабукинском районе Джалал-Абадской области»⁴. Сам заголовок справки красноречиво говорит о положении спецпереселенцев в одном из районов Киргизской ССР. Вот некоторые факты из этой справки.

Одиннадцатилетний мальчик Таусултан Байсултанов, гонимый голодом, пришел на колхозное поле после уборки урожая и стал подбирать с земли колосья. Мальчика увидели секретарь партийной организации колхоза имени Буденного Д. Халмурзаев и завхоз Абылбеков. Они схватили его и стали избивать, обвиняя в воровстве. В справке читаем: «Мальчик от нанесенных ударов через три дня умер. Было создано дело, но виновники до сих пор к ответственности не привлечены».

Бывший председатель колхоза «Кзыл», бывший член партии Темиров, при прямой поддержке заместителя председателя райисполкома Джантемирова систематически занимался обысками спецпереселенцев, избивал их, изымал домашние вещи, разжигал национальную рознь, игнорировал труд спецпереселенцев в колхозе (за время его председательствования не учтено ни одного трудодня спецпере-

³ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 41.

⁴ Там же, д. 1815, л. 32.

селенцев-колхозников). Все это было известно райкому партии, но Темиров оставался безнаказанным до вмешательства Джалал-Абадского обкома партии.

Бюро Алабукинского райкома партии, на рассмотрении которого был оставлен вопрос о партийности Джантемирова, злоупотребляющего служебным положением и разжигающего национальную рознь, вынесло последнему строгий выговор, а Темирова вынуждено было исключить из партии, снять с работы и отдать под суд.

Бригадир колхоза им. Сталина Ахмедов Д. 14 декабря 1944 года с группой колхозников-таджиков организовал повальные обыски в домах спецпереселенцев — членов этого колхоза. Обыски сопровождались избиением и изъятием вещей спецпереселенцев, обыску подверглись кибитки спецпереселенцев: Батталова, Даурова, Хусаевой и др., причем Батталова выводили в нижнем белье на мороз и избивали палками, то же было сделано с Дауровым, а больную Хусаеву выбросили на улицу. Спецпереселенца Батталова, связав веревками ноги и скрутив руки, головой вниз опускали в колодец на глубину 15—18 метров и, продержав там известное время, вытаскивали и допрашивали (Батталов был заподозрен в воровстве барана). В зависимости от результата допроса процедура повторялась до тех пор, пока Батталов не потерял сознание.

К делу Ахмедова нарсуд (нарсудья Игамбердыев) подошел мягко, и он осужден только на 6 месяцев принудработы. В настоящее время Ахмедов находится в колхозе имени Сталина, занимается спекуляцией в близлежащих районах Узбекистана.

Заместитель председателя колхоза имени Карла Маркса Досмамбетов Анырбай, отмеченный в

свое время (1944 год) в специальном письме ЦК КП(б) Киргизии, как человек, творящий издевательства над спецпереселенцами, до сих пор своего отношения к ним не исправил, например, 15 сентября 1945 года в полдень на поле, где шла уборка хлебов, Досмамбетов подъехал на коне к колхознице — чеченке Зауровой Салиме и, найдя ее работу неудовлетворительной, ударил ее камчой, проехав дальше, ударил камчой другую колхозницу — чеченскую девушку Кагирову Камсиат, которая работает хорошо по отзывам самого председателя колхоза. 20 сентября 1945 года, во время обеденного перерыва, к группе обедающих подъехал тот же Досмамбетов и, найдя среди них чеченку Байхотову Гезий, ударил ее камчой. Причем удары камчой сопровождались сквернословием. Такие примеры поведения Досмамбетова не единичны и проходят безнаказанно, несмотря на то, что известны руководителям райкома и райисполкома.

9 сентября с. г. председатель Урюкитинского сельского Совета Фазилов (член партии) в сопровождении бригадира Чермечикова произвел обыск в квартире у истощенной спецпереселенки Вибиевой Исайла, которой дома не было, была 9-летняя дочь ее. Фазилов обшарил весь дом, проткнул мешочек с зерном и объявил: «Ворованное. Надо немедленно составить акт». Девочка хозяйки заплакала и убежала. Оказалось, что это «ворованное» было продано гражданке Вибиевой самим Фазиловым.

Кроме того, Фазилов, в бытность его зав. МТФ в колхозе «Меданият» (август с. г.), избивал спецпереселенков. Вместо того чтобы привлечь Фазилова к ответственности, его выдвинули председателем сельсовета.

В колхозе «Кзыл» 15 сентября с. г. выбросили из кибитки спецпереселенку, остро нуждающуюся Ильмиеву Аатар, на попечении которой находится несколько детей (родители их умерли), и два дня держали на улице. Потребовалось наше вмешательство, чтобы ее вселить в кибитку.

Многие председатели колхозов не вовлекают в работу спецпереселенцев, а некоторые умышленно создают невыносимые условия для них. Так, например, председатель колхоза им. Буденного Рыскулов бригаде спецпереселенцев, работавших по очистке арычной сети, трудодни не начислял, обеды, выдаваемые всем колхозникам на поле, спецпереселенцам не выдавал. На указание заместителя председателя райисполкома Мусиной, с жалобой к которой обратились спецпереселенцы, Рыскулов заявил: «РИК в колхозе не хозяин, продуктов и работы для чеченцев нет». На глазах у того же Рыскулова лежал больной, истощенный спецпереселенец Вагабов Магомед, имеющий Почетную грамоту от командования 10-й саперной армии за активное участие в строительстве оборонительных сооружений в 1941 году, также честно он работал в колхозе им. Буденного, пока не свалился больной; у него из семьи в 8 душ остались в живых он и маленький сынишка. Рыскулов, зная его положение, ничем ему не помог⁵.

Бригада ЦК КП(б) Киргизии, проверявшая хозяйственно-трудовое устройство спецпереселенцев в Джалал-Абадской области, отмечала, что «несмотря на ряд решений и указаний ЦК КП(б) Киргизии, районные руководители области не сделали соответствующих выводов и продолжают пренебре-

⁵ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 34—38.

жительно, а подчас и бездушно относиться к хозяйственно-трудовому и бытовому устройству переселенцев. В ряде районов имеет место издевательское отношение к переселенцам и особенно в Сузакском и Ленинском районах, где со стороны председателей сельсовета, колхозов и бригадиров продолжаются избиения переселенцев. Кроме этого, в отдельных районах председатели колхозов при применении поощрительной системы совершенно обходят переселенцев, работающих по-стахановски (Октябрьский район). Все это приводит к обострению взаимоотношений с руководством районов, сельсоветов и колхозов, а также создает трения среди переселенцев и местного населения. Преимущественное большинство переселенцев, расселенных в области, живут в тяжелых материально-бытовых условиях, главным образом, из-за неприятия своевременных мер по их хозяйственному и трудовому устройству. Политико-воспитательная работа среди переселенцев во всех районах продолжает оставаться чрезвычайно низкой»⁶.

В Казахской ССР отношение к спецпереселенцам в первые годы их пребывания на казахской земле было не лучше, чем в Киргизской ССР. Здесь тоже относились к ним с пренебрежением, ущемляли их права, оскорбляли, издевались над ними, имели место случаи избиения. В докладной записке от 1 июля 1946 года бригада ЦК КП(б) Казахстана после проверки хозяйственно-трудового устройства спецпереселенцев в Северо-Казахстанской области отмечала: «В колхозе им. Фурманова Петропавловского района 7 января 1946 г. (пер-

⁶ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 177.

вый день рождества) бывший председатель колхоза Рябенко Михаил, лесник Петропавловского лесничества Курченко Василий, будучи пьяными, с криками: «Бей ингушей — бандитов, изменников родины!» — ворвались в дом колхозника-спецпереселенца Кодзоева Сафарбека, избили его и находившегося на квартире спецпереселенца Торшхоева. Брат Рябенко выбил окна у спецпереселенца Кодзоева.

Спецпереселенцы, узнав об избиении Кодзоева и Торшхоева, вооружились вилами и топорами, побежали к дому Кодзоева с намерением любыми средствами защитить семью ингуша Кодзоева. Видя серьезность последствий, учетчик труда спецпереселенцев Оздоев уговорил последних, и этим была предотвращена большая драка.

В Мамлютском районе в декабре месяце местный колхозник из с. Н.-Дубровка Исайченко Михаил в лесу выстрелом из ружья ранил спецпереселенца Автурханова Ката за то, что последний собирал в лесу сучья для отопления.

Председатель колхоза «Большевик» Конюховского района Болдин 22 мая 1946 года избил спецпереселенца Джамалдаева за невыход на работу в ночную смену. Имеются и другие факты»⁷

Постепенно неприязненное отношение к спецпереселенцам руководителей колхозов, предприятий и местного населения сменялось сочувствием и желанием облегчить участь жертв Берия, помочь людям, незаслуженно сосланным с родной земли и находившимся в бедственном положении. Так, председатель колхоза имени Фрунзе Тюпского района Иссык-Кульской области Киргизской ССР Сил-

⁷ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 138, л. 59, 60.

кин для многодетных семей выделил во временное пользование трех дойных коров, председатель колхоза «Талапкер» Тюпского района Орунтаев, проявляя заботу о спецпереселенцах, улучшил их жилищные условия, добился выхода на работу всех трудоспособных. Такие случаи можно было наблюдать и в других районах.

Как уже было сказано выше, режим спецкомендатур был строгим. Без разрешения коменданта ни один спецпереселенец не имел права переезжать из одного населенного пункта в другой. Кроме приказов по линии Народного комиссариата внутренних дел СССР об ужесточении режима пребывания ссыльных народов в Киргизии и Казахстане, местные власти тоже принимали соответствующие постановления по этому вопросу. Так, 11 сентября 1944 года Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР и ЦК КП(б) Киргизии в очередном постановлении записали: «Обязать народного комиссара внутренних дел т. Пчелкина усилить установленный режим на местах расселения спецпереселенцев, принять меры к прекращению самовольных переездов их на новые местожительства»⁸. Такие постановления государственных и партийных органов фактически подтверждали, что спецпереселенцы действительно являются людьми, несущими наказание за совершенные ими преступления. Эти действия местных властей не могли не влиять отрицательно на отношение коренных жителей к ссыльным.

А 26 ноября 1948 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, который не публиковал-

⁸ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 810, л. 9—10.

ся, как и многие другие официальные документы, относящиеся к спецпереселенцам. Этот Указ был назван так: «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». В верхнем правом углу читаем: «Без публикации». Да, публикация такого официального документа навряд ли подняла бы авторитет нашего государства в глазах цивилизованного мира. Вот текст Указа. Он был подписан Н. М. Шверником.

«В целях укрепления режима поселения для выселенных верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ.

Дела в отношении побегов выселенцев рассматриваются в Особом совещании при Министерстве внутренних дел СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, или способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места их прежнего жительства, и лиц, оказывающих им помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, привлекать к уголовной ответственности.

Определить меру наказания за эти преступления — лишение свободы на срок 5 лет»⁹

В Указе Калинина от 8 апреля 1944 года срок пребывания репрессированных народов в ссылке не был оговорен. Указ за подписью Н. Шверника внес уточнение — «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». А в случае, если, не дай Бог, спецпереселенец без разрешения спецкомендатуры в поисках своей козы (если она у него есть) окажется на территории, подвластной другой спецкомендатуре, ему не избежать «20 лет каторжных работ». Столько давали только убийцам и редко даже грабителям. И дело о таком спецпереселенце рассматривал не суд, а Особое совещание — внесудебный репрессивный орган при МВД СССР

Николай Михайлович Шверник, подписывая Указ, не предполагал, что он пойдет дальше печальной памяти Драконта, афинского государственного деятеля VII века до нашей эры, чьи законы отличались крайней суровостью и жестокостью и вошли в историю, как «драконовские законы». Драконт жил в рабовладельческом обществе. В каком же обществе жил Шверник, которого отделяли от Драконта 25 столетий?

ТЯГОТЫ ЖИЗНИ

Четкого плана обеспечения спецпереселенцев одеждой, обувью, продуктами питания ни союзное правительство, ни правительства Киргизии и Казахстана не имели. Но огромная армия людей, не по

⁹ Государственный архив Российской Федерации, ф. 7523, оп. 40, д. 62, л. 1.

своей воле оказавшаяся на чужбине без средств существования, нуждалась и в одежде, и в обуви, и в питании.

Руководители страны, отправляя в изгнание сотни тысяч своих сограждан, не располагали материальными ресурсами, необходимыми для того, чтобы накормить и одеть хотя бы по ГУЛАГовским нормам громадное количество людей, именовавшихся «спецпереселенцами». Руководители страны, принимая решение о выселении народов, не предвидели трагических последствий безрассудного плана Лаврентия Берия, не предполагали, какой ценой придется расплачиваться за этот авантюризм балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам, калмыкам, крымским татарам, туркам-месхетинцам. А последствия действительно оказались трагическими.

Многие спецпереселенцы считали, что выселяются с родных мест временно, и поэтому не брали с собой ни теплой одежды, ни постельных принадлежностей.

С наступлением холодов, не имея теплых жилищ и одежды, обессиленные от систематического недоедания, находясь в ужасных антисанитарных условиях, фактически оставленные без медицинской помощи, тысячи советских граждан в своей родной стране были обречены на мучительные страдания, болезни и смерть. «Многие трудоспособные спецпереселенцы оказались разутыми, раздетыми и не принимают участия в работе в колхозах, и на промышленных предприятиях»¹, — сообщали в своем письме первому заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотову пред-

¹ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 155, л. 89.

седатель Совнаркома Казахской ССР Н. Ундасынов и секретарь ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметов. По этой же причине тысячи детей школьного возраста не посещали школу.

Союзное правительство, зная о бедственном положении спецпереселенцев, принимало некоторые меры для оказания им помощи.

В 1944 году для спецпереселенцев в Казахстане Совнарком СССР выделил 200 тонн шерсти, 3 000 тонн кожи, 20 тысяч овчин. Из этого сырья было изготовлено и роздано 16 тысяч пар валенок. 5 558 пар кожаной обуви, 5 тысяч полушубков, а 72 тонны шерсти были выданы спецпереселенцам на руки². Это на сотни тысяч людей!

Совет Народных Комиссаров СССР принимал распоряжения о выделении для нужд спецпереселенцев ткани и обуви. Но страна, для которой главной заботой являлось снабжение Советской Армии, громившей немецко-фашистских захватчиков, не в состоянии была обеспечить промышленными товарами даже тружеников тыла, не говоря уже о спецпереселенцах, которых относили к людям «второго сорта». Ни одно из распоряжений союзного правительства, касающихся снабжения спецпереселенцев, не было выполнено: не хватало ресурсов. 10 августа 1944 года Совнарком СССР обязал Народный комиссариат торговли выделить для спецпереселенцев обувь. «Распоряжение это Наркомторгом СССР не выполнено»³, — отмечалось в письме на имя В. М. Молотова.

По распоряжению Совнаркома СССР от 14 сентября 1944 года Народный комиссариат текстильной промышленности должен был выделить для

Там же, д. 153, л. 59.

Там же, д. 155, л. 89.

спецпереселенцев 1200 тысяч метров хлопчатобумажной ткани. Фактически было отгружено лишь 675 тысяч метров⁴. На 1 декабря 1945 года в Казахской ССР, где проживали сотни тысяч спецпереселенцев, было выделено обуви лишь 6 308 пар, одежды — 13 248 штук.

Бригада ЦК КП(б) Казахстана, проверявшая хозяйственно-бытовое и трудовое устройство спецпереселенцев Северо-Казахстанской области, где проживало более 20 тысяч переселенцев, в докладной записке от 1 июля 1946 года подчеркивала: «Необходимо отметить, что положение с одеждой и обувью у спецпереселенцев остается по-прежнему тяжелое, так как выданные 263 полушубка, 900 пар ботинок и 56 300 метров мануфактуры ни в коей мере не обеспечивают минимальной потребности в одежде и обуви»⁵.

По отчетным данным Управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпереселению в 1946 году спецпереселенцам было роздано 5 838 пар валенок, 267 полушубков, 3 494 кожаной обуви, 3 187 овчин, 250 кож. Кроме того, за наличный расчет было продано 1 792 штуки верхней одежды, 1 297 пар кожаной обуви, 259 костюмов, 437 штук белья, 605 фуфаек, 852 пары валенок, 3 242 метра мануфактуры, 644 шапки и рукавицы, 259 тапочек, 519 носков⁶.

Совет Народных Комиссаров СССР распоряжением от 16 февраля 1946 года предложил Госплану СССР и Народному комиссариату торговли предусмотреть во II и III кварталах 1946 года выделение для спецпереселенцев в Казахской ССР промтова-

⁴ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 155, л. 89.

⁵ Там же, д. 138, л. 52.

⁶ Там же, д. 157, л. 23—24.

ров за счет рыночных фондов. Но вместо рыночных фондов спецпереселенцам были выделены трофейные одежда и обувь: мужских пиджаков — 1 300, детских пиджаков — 650, костюмов мужских — 616, свитеров и джемперов — 6 400, обуви для взрослых — 14 160 пар, обуви детской — 6 400 пар⁷.

Бригада ЦК КП(б) Киргизии в докладной записке от 1 июля 1946 года отмечала: «Подавляющее большинство семей спецпереселенцев остро нуждается в одежде, обуви, постельной принадлежности и посуде домашнего обихода, а часть семей совершенно раздета и не может даже выйти из дому — все это в тяжелой степени ухудшает санитарно-гигиеническое состояние и увеличивает случаи заболевания инфекционными болезнями, что зачастую влечет за собой смертность»⁸.

Секретарь Иссык-Кульского обкома партии Джаркимбаев в информации о хозяйственно-трудовом устройстве и материальном обеспечении спецпереселенцев-балкарцев в Иссык-Кульской области признавался, что «с момента расселения спецпереселенцев им промтовары и обувь не выдавались, так как специальных нарядов для них не было, а по линии сельпо также ничего не выделялось, в связи с чем дети спецпереселенцев из-за отсутствия обуви не посещают школы»⁹.

Бригада ЦК КП(б) Киргизии, проверявшая хозяйственно-трудовое и бытовое устройство спецпереселенцев в Джалал-Абадской области, в справке от 16 июля 1946 года указывала: «Многие спецпереселенцы остро нуждаются в одежде и обуви. Так, 40 % расселенных в Октябрьском районе часто не

⁷ Там же, д. 155, л. 8.

⁸ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 171.

⁹ Там же, оп. 3, д. 1985, л. 64.

выходят на работу по причине раздетости и разутости. Аналогичное положение в ряде других районов. В особенности недостаток обуви и одежды остро сказывается на детях школьного возраста, которые по этой причине не посещают занятий в школах»¹⁰

По мнению союзного правительства для обеспечения сносного жизнеобеспечения спецпереселенцев необходимо было выделить им земельные участки для выращивания овощей, выделить скот, зерно и денежные средства в счет фактически конфискованного (другого слова не подберешь) у них крупного рогатого скота и овец, а также имущества в местах их прежнего проживания.

Совет Народных Комиссаров и ЦК КП(б) Казахстана 17 ноября 1944 года приняли постановление, которым обязали земельные органы в срок до 10 декабря 1944 года наделить всех спецпереселенцев в республике приусадебными участками¹¹. Это был нереальный срок. Нельзя было обеспечить всех спецпереселенцев в течение 23 дней земельными участками без подготовительной работы. Во многих областях, в том числе в Алма-Атинской, Кустанайской, Семипалатинской, Талды-Курганской и Южно-Казахстанской, работа по наделению спецпереселенцев землей растянулась на несколько лет. В этих областях свободных земель не оказалось, и поэтому долго решался вопрос о нарезке спецпереселенцам приусадебных участков за счет обобществленной колхозной земли. Не всегда колхозы шли навстречу спецпереселенцам. Так, прав-

¹⁰ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 176.

¹¹ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 135, л. 14.

ление колхоза имени Дмитрова Петропавловского района длительное время отказывалось выделить землю спецпереселенцам под огороды, «ссылаясь на запрещение со стороны районного земельного отдела».

В 1945 году правление колхоза «Свет» выделило под огороды целинную землю. Эту землю спецпереселенцы вспахали, посадили картофель. Но через год колхоз забрал ее, а взамен выделил вновь целинную землю.

Начальник Управления при Совете Народных Комиссаров Казахской ССР по спецпереселению Д. Родин в отчете за 1945 год указывал, что «в совхозах и на промышленных предприятиях получили приусадебные участки только те спецпереселенцы, которым были предоставлены отдельные многоквартирные дома, а также индивидуальные застройщики. Вся же остальная часть спецпереселенцев, устроенная в совхозах и на предприятиях, проживающая в многоквартирных домах и бараках — общежитиях, вполне естественно, приусадебных участков не могла иметь»¹².

Даже на 1 января 1946 года из 107 272 семей земельными участками были наделены лишь 63 759 семей¹³.

Семенными фондами спецпереселенцы обеспечивались в недостаточном количестве. Так, например, распоряжением Совета Министров Казахской ССР от 24 апреля 1946 года для спецпереселенцев было занаряжено 25 тонн семенной ссуды проса, фактически на посев им было выделено лишь 10 174 кг. лограмма.

¹² Там же.

¹³ Там же.

В Киргизской ССР при решении вопросов о выделении спецпереселенцам приусадебных участков имели место те же трудности, что и в Казахской ССР. В одних районах республики земельные участки выделялись с большим опозданием, в других — колхозы вообще отказывались выделять землю.

Плохо снабжались спецпереселенцы семенным фондом. Нередко этот фонд разбазаривался, как это делалось во многих колхозах Куршабского района Ошской области, где 188 семей остались без семян. В этом районе, указывалось в справке инструктора сельхозотдела ЦК КП(б) Киргизии, «основная масса спецпереселенцев осталась без минимального запаса питания на зиму»¹⁴.

В своем постановлении от 11 сентября 1944 года Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР указывал, что «в результате безответственного отношения к спецпереселенцам значительная часть их не получила земельных участков под индивидуальные огороды»¹⁵.

Секретарь Центрального Комитета КП(б) Киргизии Вагов в 1945 году в докладной записке секретарю Центрального Комитета ВКП(б) Г. М. Маленкову вынужден был признать: «Вследствие небрежного отношения к спецпереселенцам целого ряда председателей колхозов, директоров совхозов и руководителей хозяйственных учреждений 3 733 семьи спецпереселенцев в Киргизии остались без огородов, из них 1 480 семьям не были выделены земельные участки и 2 253 семьи не засеяли огороды из-за отсутствия семян». Во многих районах

¹⁴ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 837, л. 19.

¹⁵ Там же, д. 810, л. 7.

«40 % посеянных огородов спецпереселенцев из-за поздних сроков посева, недостаточных и несвоевременных поливов, отсутствия обработки погиб-ли»¹⁶.

Секретарь ЦК КП(б) Киргизии значительно уменьшил число семей спецпереселенцев, оставшихся без огородов. По Вагову, получалось, что в 1945 году лишь 12 % спецпереселенцев не имели земельных участков. Фактически земель не было наделено около 40 % спецпереселенцев.

Совет Народных Комиссаров СССР 29 мая 1944 года принял постановление «О выдаче скота и продовольственного зерна спецпереселенцам». Постановление было направлено на обеспечение спецпереселенцев продуктами питания. Была установлена норма выдачи скота — 200 килограммов в живом весе на одну переселенческую семью. Это значительно меньше того количества скота, которое было у каждой семьи до выселения из родных мест, а затем незаконно конфискованное. Но при выделении скота зачастую не придерживались даже этой нормы.

В Казахской ССР на 1 декабря 1945 года проживали 109 253 переселенческие семьи (428 903 человека). По установленным нормативам им требовалось выдать 21 850,6 тонны скота. Фактически было выдано 11 314 тонн, что обеспечивало скотом 56 570 семей. Таким образом, не имели скота 52 683 семьи¹⁷

В Киргизской ССР на 1 сентября 1944 года из 30 629 семей спецпереселенцев скот получили толь-

¹⁶ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 810, л. 17 об.

¹⁷ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 135, л. 26.

ко 8 340 семей, или 27,2 %¹⁸. На 14 мая 1946 года в Узгенском районе Ошской области, например, из 835 семей скот получили лишь 130 семей, в Куршабском районе из 794 семей — 169¹⁹.

На 1 августа 1946 года крупным рогатым скотом в Киргизии были обеспечены 3 727 семей, овцами и козами — 27 587 семей²⁰. Даже 1 ноября 1946 года Переселенческое управление при Совете Министров Киргизской ССР отмечало: «В части выдачи скота переселенцам до сегодняшнего дня вопрос еще не разрешен»²¹.

Имели место случаи, когда переселенческим семьям выдавались в основном валухи, как это было в ряде районов Джалал-Абадской области, где переселенцы получили лишь 20 % маточного поголовья, а в Наукатском районе вместо 200 килограммов живого веса выдавалось по 150—160 килограммов.

Следует сказать, что часть скота, отпущенного для спецпереселенцев, разбазаривалась. В 1946 году в Казахской ССР до спецпереселенцев не дошло 1 869 голов крупного рогатого скота, 1 020 овец и коз, 341 лошадь²².

Тяжелое положение с питанием заставляло спецпереселенцев забивать скот или продавать, чтобы приобрести необходимые продукты.

Совет Народных Комиссаров и ЦК КП(б) Киргизии дважды в 1944 году — 16 июня и 11 октяб-

¹⁸ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 810, л. 17 об.

¹⁹ Там же, оп. 56, д. 1815, л. 186.

²⁰ Там же, л. 72.

²¹ Там же, л. 51.

²² ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 138, л. 24—26.

ря — принимали постановления по вопросам обеспечения спецпереселенцев скотом, зерном, кормом для скота. 10 апреля 1945 года Совнарком Киргизской ССР отмечал, что облисполкомы и райисполкомы, Переселенческое управление не выполнили требования правительства и Центрального Комитета КП(б) «в части обеспечения, выдачи и сохранения скота, не организовали борьбы с распродажей и самовольной прирезкой его, не занимались надлежащим образом вопросами подготовки кормовой базы, что привело к массовому убою и распродаже выданного переселенцам скота»²³.

В Таласской области было забито и распродано более 50 % скота, в Джалал-Абадской области — 90 %. В Тулейкенском районе Ошской области количество скота у спецпереселенцев сократилось на 80 %; в Карасуйском районе из 4 229 голов овец и коз осталось только 169. Такое положение наблюдалось в Киргизии и Казахстане и в последующие несколько лет.

Бригада ЦК КП(б) Казахстана в справке от 1 июля 1946 года констатировала: «В Ленинском районе Северо-Казахстанской области 65 хозяйств спецпереселенцев продали и забили коров 38, овец 75»²⁴. В той же справке отмечается, «что в ряде колхозов спецпереселенцы не имеют надворных построек для содержания скота и держат его ночью на привязи около дома, а в зимний период сдают на содержание в колхозные фермы; очень плохо проходит заготовка кормов для скота»²⁵.

Некоторые официальные лица отсутствие скота у многих спецпереселенцев пытались объяснить

²³ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 3/62, л. 68.

²⁴ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 138, л. 59.

²⁵ Там же.

смехотворной причиной, как это сделал старший инспектор Управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпереселению Ибрагимов, указав в справке, «что отдельные хозяйства спецпереселенцев отказывались от получения скота из-за неимения подготовленных кормов и стойловых построек для скота»²⁶ Был бы скот, а как с ним поступить — содержать или забить в тяжелейших условиях нехватки продовольствия — спецпереселенец решил бы сам.

По постановлению союзного правительства спецпереселенцам в порядке возврата сельскохозяйственной продукции, которую они оставили в местах своего прежнего проживания, выдавалось продовольствие. За 1944—1945 годы в Казахской ССР им были розданы 19 933 тонны продуктов питания²⁷ Это 19 кг 933 г на одного человека в год. Понимая, что такого количества продовольствия явно недостаточно, чтобы прокормить всех спецпереселенцев, советское правительство в порядке оказания помощи выделило для продажи остро нуждающимся переселенцам в 1944—1945 годах 8 841 тонну продовольствия²⁸. Навряд ли кто из спецпереселенцев остро не нуждался в продуктах питания. Отсутствие продовольствия явилось одной из основных причин трагедии спецпереселенцев в Киргизии и Казахстане.

Продажа продовольственных товаров в Казахской ССР производилась по нормам, установленным Советом Народных Комиссаров республики. На одного человека в месяц отпускалось: муки —

²⁶ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 138, св. 26, л. 2.

²⁷ Там же, д. 135, л. 60.

²⁸ Там же.

3 кг, продзерна — 4,5 кг, крупы — 1,5 кг, сахара — 150 г²⁹. Сахар выдавался только для детей. По этим скудным нормам продовольствие, в размере 8 841 тонны, могли получить лишь 40 259 спецпереселенцев из 507 480 находившихся в то время в Казахстане.

В 1946 году союзное правительство по ходатайству правительства Казахской ССР выделило 3 800 тонн продзерна для продажи спецпереселенцам. Если разделить это количество продзерна на всех спецпереселенцев, находившихся на территории Казахстана, а проживал здесь на 1 января 1946 года 412 191 человек, то каждый спецпереселенец мог купить в течение года лишь 9 кг 462 г продзерна. Это 26,4 г в день.

Правительство Казахской ССР в 1946 году из своих фондов выделило для остро нуждающихся спецпереселенцев 96 тонн продовольственного зерна³⁰.

Начальник Переселенческого управления при Совете Министров Киргизской ССР Григорьев в докладной записке от 1 апреля 1946 года о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев отмечал, что «прибывшие в республику в 1944 году и в начале 1945 года спецпереселенцы в большинстве своем находились в тяжелом материальном положении. Значительная часть прибывших не имела запасов продовольствия, многие не имели обуви, одежды»³¹.

Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР постановлением от 19 декабря 1944 года № 833с

²⁹ Там же, д. 138, л. 12.

³⁰ Там же, д. 157, л. 2.

³¹ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 135.

установил норму выдачи наиболее нуждающимся переселенцам продовольствия за наличный расчет. В день на одного человека отпускалось: муки — 100 граммов, крупы — 25 граммов, соли — 15 граммов, сахара (только детям) — 5 граммов ³².

Советское правительство в счет сельскохозяйственной продукции, принадлежавшей спецпереселенцам в местах их прежнего жительства и оказавшейся в руках государства, в 1944—1945 годах выдало спецпереселенцам 5 666,2 тонны продзерна, муки и крупы ³³. На 1 августа 1944 года в Киргизии проживало 124 583 спецпереселенца. Таким образом, из выделенных продуктов каждый спецпереселенец мог получить всего лишь 1 кг 895 г в месяц.

В первом полугодии 1946 года остро нуждающимся переселенцам в Киргизии союзным правительством была оказана продовольственная помощь: им выделили одну тысячу тонн продуктов. Это 1 килограмм 338 граммов на одного спецпереселенца в месяц. Было выделено 30 тонн сахара. Он выдавался только детям — 15 граммов в день.

Но то количество продуктов, которое выделялось для спецпереселенцев в Казахстане и Киргизии, было далеко не достаточно, чтобы прокормить даже половину ссыльных. Десятки тысяч людей влачили нищенскую жизнь, были истощены от систематического недоедания, болели дистрофией, умирали от голода.

Особенно горькой была участь престарелых спецпереселенцев и инвалидов. В Казахстане их насчитывалось в 1946 году 62 262 человека. Из них лишь 119 человек были определены в дома для престаре-

³² Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 3/62, л. 57.

³³ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 9.

лых и инвалидов³⁴. Часть тех, кого не удалось устроить, проживали у родственников. Многие оставались один на один со своей горестной судьбой, без надежды на какие-либо перемены к лучшему.

Руководящие органы Киргизии и Казахстана категорически запрещали расходовать фонды, выделяемые для нужд спецпереселенцев, на какие-либо другие цели, помимо их прямого назначения.

Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР в постановлении от 11 сентября 1944 года отмечал крупные недостатки и грубые нарушения, допущенные в деле снабжения спецпереселенцев продуктами питания. «Выделенные для снабжения спецпереселенцев фонды муки, крупы и зерна полностью не выданы,— отмечалось в постановлении. — С ноября 1943 года по июнь 1944 года недодано 9 311 центнеров зерна. По вине райисполкомов, потребкооперации и правлений колхозов в Ошской области оставлено без продовольственной помощи в июне 7 500 человек спецпереселенцев и в июле — 8 600 человек. В ряде районов полученные фонды зерна использовались не по назначению (Мирза-Акинский, Базар-Курганский, Панфиловский, Сталинский, Таласский и др.).

Исполкомы Советов и правления колхозов не оказывали неотложной материальной помощи остро нуждающимся спецпереселенцам, особенно детям, вследствие чего на почве истощения, инфекционных заболеваний имели место многочисленные смертные случаи (гор. Таш-Кумыр, Кызыл-Кия; районы: Сузакский, Базар-Курганский, Калининский, Панфиловский, Мирза-Акинский)»³⁵. А через пол-

³⁴ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 153, л. 31.

³⁵ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 810, л. 7 об.

года, 10 апреля 1945 года, Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР в своем постановлении № 198 вновь отмечал, что «выделенные для снабжения спецпереселенцев фонды муки и крупы выдавались с большим опозданием, расходовались на другие нужды и имели место прямые расхищения»³⁶. Так, в Быстровском районе Киргизской ССР, где проживали 2 057 спецпереселенцев-балкарцев (595 семей), из фонда картофеля, овощей и фруктов, предназначенного для них на 1946 год, к 10 ноября не было выдано 4 центнера картофеля, 127 центнеров овощей, 12 центнеров фруктов.

В постановлении от 26 апреля 1945 года № 276-51с Совета Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана отмечалось, что «разбазаривание промышленных и продовольственных фондов, выделенных государством спецпереселенцам, отражается на их положении особенно тяжело, т. к. большое количество спецпереселенцев не имеет никаких других источников питания, кроме выделяемого продовольственного пайка»³⁷. Правоохранительным органам было предложено вести решительную борьбу с «разбазариванием фондов спецпереселенцев и привлекать виновных к суровой ответственности. Однако, несмотря на такие предупреждения, выделяемые государством специальные фонды расходовались не по назначению и именно в тот момент, когда спецпереселенцы в этих фондах и особенно в продовольствии крайне нуждались»³⁸, —отмечалось в справке Управления при Совете Министров Казахской ССР по спецпе-

³⁶ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 3/62, л. 69.

³⁷ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 153, л. 6.

³⁸ Там же, л. 55, 56.

реселению от 1 июля 1946 года. «По имеющимся материалам облотделов по спецпереселению и органов МВД,— читаем в справке,— фонды разбазаривались во всех областях республики»³⁹ В Акмолинской области не дошло до спецпереселенцев 53 800 кг продзерна, в Восточно-Казахстанской области — 24 621 кг, Кокчетавской области — 16 100 кг, Талды-Курганской области — 45 т, Алма-Атинской области — 1 974 кг, Джамбульской области — 18 100 кг, Семипалатинской области — 2 808 кг зерна и 98 тысяч рублей. «Подобных фактов о разбазаривании фондов спецпереселенцев можно привести и по остальным областям»⁴⁰

Начальник Управления по спецпереселению откровенно писал: «На местах органы прокуратуры рассмотрение большинства дел и привлечение виновных к ответственности под всякими предлогами задерживают. Причем основной причиной задержки в рассмотрении дел является то, что санкции на расходование давались руководителями районов и областей.

По-прокурорски выходит так, что на этих руководителей не действует советский закон, можно разбазаривать и в дальнейшем, не неся за это ответственности»⁴¹.

Для оказания безвозвратной денежной помощи остро нуждающимся семьям спецпереселенцев Совет Народных Комиссаров СССР в порядке возмещения стоимости их имущества, оставленного в местах прежнего жительства, распоряжением от 17 августа 1945 года № 1227рс выделил

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, л. 57.

⁴¹ Там же.

3 801 900 рублей ⁴². Это 7 рублей 49 копеек на одного спецпереселенца. Что можно было купить на эти деньги в 1945 году?

СУДЬБА ССЫЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

Тяжелые условия, в которых оказались спецпереселенцы, прибыв в Казахстан и Киргизию, не могли не отразиться на положении их детей. Советские и партийные органы принимали меры для того, чтобы дети школьного возраста могли учиться. Однако не везде и не на всех уровнях понимали, что обучение детей спецпереселенцев — важное политическое дело. Обучение тысяч детей балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев имело важное значение для развития культуры народов, подвергшихся репрессиям. Для того чтобы всех детей школьного возраста направить в школу, прежде всего необходимо было в населенных пунктах взять их на учет. Эта работа была возложена на отделы народного образования. Но, как отмечалось в постановлении Совета Народных Комиссаров Киргизской ССР и ЦК КП(б) Киргизии от 11 сентября 1944 года, «органы народного образования своевременно не провели учет детей, подлежащих обучению в школах, не выявили сирот, подлежащих направлению в детские дома»¹.

Постановлением от 21 декабря 1945 года Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР обязал Народный комиссариат просвещения «охватить уче-

⁴² ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 135, л. 46.

¹ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 4, д. 810, л. 7 об.

бой всех детей спецпереселенцев школьного возраста»². Переселенческое управление при Совете Народных Комиссаров Киргизской ССР в начале 1946 года обратилось в Народный комиссариат просвещения с просьбой сообщить сведения «о количестве учтенных и охваченных учебой детей спецпереселенцев школьного возраста»³.

Сверив сведения Наркомпроса и бригады ЦК КП(б) Киргизии, в Переселенческом управлении пришли к выводу, что Наркомпрос не занимается учетом детей спецпереселенцев школьного возраста и не имеет сведений об их количестве. По данным Наркомата просвещения, детей спецпереселенцев школьного возраста было учтено 5 919, а учеников — 3 255⁴. Это были далеко не верные сведения. Бригада ЦК КП(б) располагала более точными сведениями. В Киргизии находилось детей спецпереселенцев школьного возраста 21 015, а учащихся числилось 6 643⁵. По данным бригады ЦК КП(б) Киргизии, проверявшей хозяйственно-трудовое устройство спецпереселенцев, «90—95 % из числа охваченных учебой детей не посещают школы из-за отсутствия обуви и одежды»⁶.

В одной только Фрунзенской области было учтено детей спецпереселенцев школьного возраста 9 609. Из них 7 999 в школу не ходили⁷. Министр внутренних дел Киргизской ССР указывал, что «недостаточная посещаемость детьми школ объясняется следующим:

² Там же, оп. 56, д. 1815, л. 142.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 143.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 142.

⁷ Там же, л. 172.

1. Укоренившиеся отсталые обычаи, благодаря которым родители запрещали детям учиться на русском языке, главным образом девочкам.

2. Дети, родители которых проживали на Кавказе в отдаленных аулах, плохо или совершенно не владеют русским языком и поэтому не учатся.

3. Многосемейность спецпереселенцев заставляет родителей, занятых на работах, оставлять дома более взрослых детей для ухода за хозяйством и малолетними детьми»⁸.

Эти утверждения министра внутренних дел Киргизской ССР были опровергнуты бригадой ЦК КП(б) Киргизии, проверявшей хозяйственно-трудовое и бытовое положение спецпереселенцев. Бригада причину видела в другом. «Основной причиной неохвата учебой детей спецпереселенцев,— писала она в справке,— является отсутствие одежды и обуви и слабое руководство и отсутствие контроля со стороны руководителей советских и партийных организаций районов, а также отсутствие преподавателей, в результате чего точного учета детей школьного возраста ни в одном районе нет. Например, в Сталинском районе по сведениям районо числится детей школьного возраста 323 человека, из которых учатся 167 человек, тогда как бригадой установлено детей школьного возраста 917 человек...»⁹

Совет Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана в постановлениях, касающихся хозяйственно-трудового и бытового устройства спецпереселенцев, обращали внимание на обучение детей спецпереселенцев.

⁸ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 7/2, л. 49—50.

⁹ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 172.

26 апреля 1945 года они совместным постановлением обязали органы народного образования взять на учет всех детей спецпереселенцев школьного возраста и «охватить их обучением». Однако это постановление не было выполнено. На местах советские и партийные органы не занимались вплотную вопросами школьного образования детей спецпереселенцев. Безответственно относились к этим вопросам и органы народного образования. Только этим, или в основном этим можно объяснить, например, что в Павлодарской области из 2633 детей школьного возраста спецпереселенцев школу посещали лишь 534. В Кокчетавской области в декабре 1945 года из 8014 учтенных детей школьного возраста школу посещали только 433. В Восточно-Казахстанской области в том же году из 5348 детей школьного возраста обучались лишь 549. А всего на 1 декабря 1945 года из 84550 учтенных детей школьного возраста училось лишь только 14145¹⁰.

На 1 июля 1946 года в Казахской ССР из 89102 детей спецпереселенцев школьного возраста учились 22020¹¹.

Для обучения детей спецпереселенцев необходимо было выделить дополнительные помещения, обеспечить учащихся учебниками и тетрадями. Но всего этого не хватало. В зимнее время помещения, отведенные под классы, не отапливались из-за отсутствия дров. Так, в селении Ново-Павловское Кзыл-Аскерского района Фрунзенской области был открыт класс для детей спецпереселенцев, но из-за

¹⁰ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 136, л. 1.

¹¹ Там же, д. 153, л. 11.

отсутствия топлива его закрыли. Такое положение имело место во многих населенных пунктах.

В Киргизии дети спецпереселенцев учились в русских и киргизских школах, в Казахстане — русских и казахских.

Министр просвещения Киргизской ССР Б. Юнусалиев в справке от 1 октября 1946 года Совету Министров республики писал: «Для обучения детей переселенцев привлекаются учителя из числа переселенческого населения. Во Фрунзенской области из 65 учителей, работающих в группах детей переселенцев, 40 учителей-переселенцев, владеющих русским языком и ведущих обучение на русском языке»¹².

Министр просвещения покривил душой. Министра опровергла бригада ЦК КП(б) Киргизии, проверявшая хозяйственно-трудовое устройство спецпереселенцев в той же Фрунзенской области. В справке бригады читаем: «Учительский состав из спецпереселенцев для обучения детей районными отделами народного образования совершенно не использовался. Например, в Кзыл-Аскерском районе учителя Паталиев и Эльдиев Ш. работают: первый — шорником, а второй — инспектором райфо»¹³.

Министр просвещения Киргизской ССР утверждал, что «со стороны Министерства просвещения, областных и районных отделов народного образования осуществляется систематический контроль и оказывается помощь учителям-переселенцам в их работе»¹⁴. Если нет в школах Фрунзенской области

¹² ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 62.

¹³ Там же, л. 172.

¹⁴ Там же, л. 62.

учителей-переселенцев, так о какой помощи им можно говорить?

Родной язык спецпереселенцев в школах не преподавали. Но был один район в Киргизии, где благодаря энтузиасту и патриоту Назиру Шалуковичу Чапаеву удалось ввести в начальных классах средних и семилетних школ изучение балкарского языка. Это был Иссык-Кульский район. Здесь проживало немало балкарских семей. В сентябре 1945 г. Назира Чапаева, бывшего заведующего отделом писем балкарской газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», назначают директором средней школы в селе Семеновка. Он понимал, что лишение детей изучать родной язык впоследствии обернется для народа национальной трагедией. Своими тревожными мыслями он поделился с Бакасом Чормоновым, заведующим районо, киргизом по национальности, и просил разрешить обучать балкарских детей в начальных классах родному языку. Чормонов с пониманием отнесся к просьбе Чапаева. В 30-е годы семья Чормоновых была насильно выслана на Украину, в Одесскую область, где Бакас хлебнул немало горя. Несмотря на все мытарства, благодаря добрым людям, ему удалось поступить в Одесский педагогический институт, окончить его и позже вернуться на родину. Он хорошо понимал состояние Назира Чапаева и разрешил ввести преподавание родного языка для балкарских детей в начальных классах. Не было учебников балкарского языка, методических пособий, тетрадей. Где найти учителей? Все это было сложно, но Чапаев не отступил от задуманного. В селе Григорьевка ему удалось найти свою односельчанку, опытную учительницу балкарского языка из с. Безенги Ляжинку Аттоеву, в Семеновке разыскал Мазана Уянова, ко-

торый учительствовал в селении Шики. В киргизском селении Орторюкты, где дети обучались на киргизском языке, проживал опытный учитель из селения Хабаз Матгери Лукьяев. Все они с большим энтузиазмом восприняли предложение Чапаева обучать балкарских детей родному языку. Заведующий районо сказал им: «Учебников нет, тетрадей тоже. Будете хоть говорить с детьми на родном языке, общаться с ними, рассказывать народные сказки». Из балкарских детей с первого по четвертый класс было создано несколько групп. Учителя обучали учеников разговорной речи, показывали им рисунки, и дети рассказывали, что на них изображено, пересказывали сказки. Балкарским учителям очень хотелось научить детей читать и писать на родном языке. Для этой цели они стали использовать классную доску, а вместо тетрадей — газету, любой кусочек бумаги.

Когда с фронта стали возвращаться воины-балкарцы, Чапаев некоторых из них, учительствовавших в прошлом в балкарских селениях, подключил к преподаванию балкарского языка. Среди них были Боташ Хуламханов, Махмуд Кучуков. Завучем в Семеновской школе назначили Ахмата Бозиева, имевшего высшее педагогическое образование, в селе Долинское директором семилетней школы был назначен Б. Кайгермазов, там же учительствовал Султан Каргаев. В г. Пржевальске окончил Педагогическое училище Магомед Ульбашев и тоже стал преподавать в школе. Стремилась охватить обучением как можно больше детей школьного возраста. Время было суровое. Не хватало одежды, обуви, многие семьи голодали. Но несмотря на эти трудности во многих школах Исык-Кульского района балкарские дети изучали родной язык.

Назира Чапаева перевели инспектором районо. Сменился заведующий отделом народного образования. Им стал Абдулла Мачоев из местных калмыков, которые жили на киргизской земле испокон веков. Он старался помочь балкарским учителям в их нелегком труде.

В начале 1953 г. на районном партийном пленуме отдельные члены райкома потребовали освободить балкарцев от педагогической деятельности. А. Мачоев в своем выступлении тепло отозвался о балкарских учителях и заявил, что пока он работает заведующим районо, ни один балкарский учитель не будет снят с работы. В марте 1953 г. умер Сталин. В июле того же года был разоблачен и арестован Берия. Вопрос об освобождении балкарских учителей от работы в райкоме партии больше не поднимался.

В колхозах и совхозах, на промышленных предприятиях и даже в шахтах Казахстана и Киргизии работали тысячи подростков-спецпереселенцев, нередко даже дети. На работу их гнала нужда, тяжелое материальное положение.

В Казахской ССР в марте 1947 года насчитывалось 15 133 работающих подростка в возрасте от 12 до 16 лет¹⁵. Только в Джамбульской области на 1 апреля 1945 года из 6 475 работающих спецпереселенцев 2 957 являлись подростками до 16 лет. В Алма-Атинской области из 1 560 спецпереселенцев, занятых на производстве, подростками являлись 538. В Киргизской ССР в 1948 году работали 4 228 подростков¹⁶. Во многих семьях они являлись основными работниками — отцы по-

¹⁵ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 157, л. 5.

¹⁶ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 7/23, т. 1, л. 18.

гибли на фронтах Великой Отечественной войны, надо было помогать матерям прокормить малолетних братьев и сестер. Это были дети — ссыльные, дети войны, дети спецкомендатур, дети с обкраденным детством. Они работали наравне со взрослыми и рано выросли.

В нашей республике хорошо известно имя Хамида Шаваева, пионера-партизана. Во время боевых действий на территории Кабардино-Балкарии осенью 1942 года Хамид несколько раз переходил линию фронта и приносил командованию ценные сведения о противнике. В марте 1944 года его постигла трагическая участь родного народа: вместе с бабушкой он был сослан и оказался в Киргизии. Отец погиб на фронте. Больная, старенькая бабушка работать не могла. Чтобы как-то прокормиться, Хамид стал работать на шахте в городе Кзыл-Кия. Тяжелым был труд шахтеров, но еще тяжелее приходилось в забое подросткам, а их в шахте работало немало. Ослабленный систематическим недоеданием, Хамид с трудом выдерживал изнурительную работу под землей.

Осенью 1944 года на шахте произошла авария. Несколько шахтеров погибло. Среди них был и Хамид Шаваев, четырнадцатилетний балкарский паренек, проявивший мужество и героизм в борьбе с захватчиками на родной земле и погибший в ссылке, так и не дожив до великого дня Победы над фашистской Германией, до Победы, для которой он сделал все, что мог.

Зое Ораковой было пятнадцать лет, когда она пошла работать на шахту рудника Джаломбет треста «Каззолото», что на севере Казахстана, в Акмолинской области.

— Грузчиком пойдешь? — спросили ее в отделе кадров. Выбирать не приходилось: у нее не было

специальности, а семья очень нуждалась. После смерти отца в 1948 году единственным кормильцем семьи стал Конак — брат Зои. В свои семнадцать лет он пошел работать бурильщиком. Но его заработка не хватало. Мать, потерявшая на фронте двух братьев — Альби и Межгида, а через три года после окончания войны — и единственного кормильца семьи — мужа, тяжело болела, месяцами не вставала с постели. Маржанат и Мухарби были еще малыми детьми и нуждались в уходе. Старший брат Зои Исмаил имел свою семью, работал на цементном заводе, помогал, чем мог, своим младшим братьям и сестренкам. Но нужда не покидала хибару Ораковых, которую глава семьи Хамид еще в 1945 году построил собственными руками из дерна.

Работа грузчиков была тяжелой. Они нагружали рудой семитонные грузовики. Единственный инструмент — лопата. Для пятнадцатилетнего подростка это был адский труд. К концу смены Зоя уже не могла стоять на ногах и двигать руками. Но еще тяжелее стало работать зимой. Замерзшую руду приходилось долбить кайлом, а потом лопатой бросать в машину. И вся эта работа выполнялась на ледяном пронизывающем ветру, которым славится северный Казахстан.

Через некоторое время Зоя попросила перевести ее в забой. Перевели. Думала, что в забое будет полегче. Работала, как и прежде, грузчиком: за смену надо было нагрузить рудой 30 вагонеток. Это тоже был тяжелейший труд. Хотя в забое не было колючего зимнего ветра, сбивающего с ног, здесь были свои опасности. Забой находился на глубине 450 метров. Случались обвалы, отравления угарным газом. Однажды Оракова тоже отравилась. В бессознательном состоянии ее подняли на-

верх, с трудом привели в чувство. А на другой день она снова спустилась в забой.

Несмотря на то, что работа была тяжелой и изнуряющей, и после нее, казалось, человек уже не способен что-либо делать, Зоя пошла учиться в школу рабочей молодежи. Она крепко запомнила слова отца перед смертью: «Мне не пришлось учиться. В гражданскую войну воевал за Советскую власть, а потом работал, чтобы прокормить семью. Неграмотный — что слепой. Учитесь, дети. Это вам мой наказ». И Зоя училась. Школа находилась в пяти километрах от рудника. Совмещать работу и учебу было очень трудно. Работа была трехсменная. И для подростков тоже. Тяжело было выходить на работу в ночную смену. После окончания занятий в школе (а кончались они в 22 часа) Зоя, не заходя домой, шла на шахту. Зимой стояли сильные морозы. Буран сметал все на своем пути. Добираться из школы или из дому на работу было неимоверно трудно. Были случаи, когда люди, заблудившись, не доходили до шахты, замерзали на ледяном ветру, и их засыпало снегом. И лишь весной, после таяния снега, обнаруживались их трупы.

Зоя Оракова выдержала в ссылке все испытания. Вернулась в родную Балкарию в 1958 году. Самое дорогое и ценное, что она привезла с собой — это аттестат об окончании десятилетки — свидетельство ее стойкости в борьбе за жизнь, веры в лучшую долю народа.

Тяжело доставался хлеб репрессированным народам. Еще тяжелее добывался он подростками, работавшими на шахтах. Вместе с Зоей Ораковой на шахте трудились пятнадцати-шестнадцатилетние подростки-балкарцы: Жаурият Ажоева, ее братья Маудин и Хусей, братья Батчаевы — Толик

и Хабаля — сыновья известного революционера Конака Батчаева, Абусалам и Ахья Асановы, Аминат Эндреева, Магомет и Алеша Хочуевы, Шамка Аппаева. Многим из них выпала страшная доля: одни погибли в шахте во время обвалов, как Маудин Ажоев, другие заболели профессиональной болезнью шахтеров — силикозом и рано ушли из жизни. Среди них — Абусалам Асанов, Толик Батчаев, Жаурият Ажоева, Шамка Аппаева, Магомет Хочуев.

С Зоей Ораковой в школе рабочей молодежи училась Люся Ногерова. Трагически сложилась и ее судьба. От голода умерли ее мать, брат и сестра. Сама Люся попала под трактор и погибла. Ее старшая сестра Марьям не вынесла этой трагедии и сошла с ума.

На шахтах рудника Джаломбет работало много японских военнопленных. Без преувеличения можно сказать, что они находились в рабском положении. От систематического недоедания и тяжелого труда они были истощены до предела. Нередки были случаи, когда к концу смены кто-то из пленных японцев, обессиленный, падал на землю и не мог встать. А когда его поднимали наверх, часто обнаруживалось, что он уже мертв.

В этих же условиях трудились на шахтах и подростки-спецпереселенцы. Использование их на тяжелых работах в шахтах было преступлением. Но тоталитарная сталинская система не думала о здоровье подрастающего поколения репрессированных народов. Будущее этих народов не интересовало ни Сталина, ни Берия.

Беспризорность — одно из страшных явлений, порожденных выселением сотен тысяч людей с родных земель. И в Киргизии, и в Казахстане для борьбы с этим явлением должны меры не прини-

мались. «Борьба с беспризорностью детей спецпереселенцев ведется плохо»¹⁷, — признавались в совместном постановлении от 26 апреля 1945 года Совет Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана. На 1 января 1946 года в Казахстане было учтено 7 575 беспризорных детей, из них 4 443 были устроены в детские дома¹⁸. 3 132 — оставались вне поля зрения тех, кто обязан был по долгу службы, просто по долгу человеческой совести, по законам милосердия проявить о них заботу, сделать все возможное, чтобы дети не умерли от голода и инфекционных болезней, не стали на путь преступлений, выросли полезными для общества гражданами. А сколько беспризорных детей не было учтено? Сколько их с нищенской сумой под окрики спецкомендатур бродило по казахским и киргизским селениям в поисках куска хлеба, умирало на обочинах пыльных дорог от голода, малярии и тифа? Чем измерить нечеловеческую трагедию детей спецпереселенцев, оставшихся без родителей, детей, до которых никому не было никакого дела?

Исполком Восточно-Казахстанского областного Совета депутатов трудящихся в своем решении от 25 декабря 1945 года указывал, что в области «борьба с беспризорностью детей спецпереселенцев ведется слабо. Из всего выявленного числа беспризорных детей детдомами не охвачено 59 человек»¹⁹. Где же они жили, эти 59 детей, не «охваченные детдомами», умершие на чужбине спецпере-

¹⁷ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 708, оп. 10, д. 411, л. 1.

¹⁸ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 135, л. 18.

¹⁹ Там же, л. 55.

селенцы? Почему же облисполком не протянул им руки, не принял мер, чтобы эти дети не оказались за бортом общества?

Не лучше было положение беспризорных детей спецпереселенцев в Киргизской ССР

Инспектор ЦК КП (б) Киргизии в справке о хозяйственно-трудовом и бытовом устройстве спецпереселенцев в Алабукинском районе Джалал-Абадской области, говоря о беспризорных детях, в октябре 1946 года писал: «Недопустимое положение в районе создалось и с беспризорными детьми. Решением райкома и райисполкома в районе было организовано два питательных пункта для беспризорных детей. Один, на 39 человек, при колхозе «Кзыл» и другой — при колхозе «Социализм» Алабукинского сельского Совета. Питательные пункты организовали, детей туда собрали и о них забыли. Несмотря на то, что оба пункта находятся вблизи колхозов, руководящие работники района, бывая в колхозах, к детям не заглядывают.

В результате этого питательный пункт при колхозе «Кзыл» распался, дети разбрелись. Существует кое-как питательный пункт при колхозе «Социализм», но положение этого пункта недопустимое—дети истощены до крайности, коек и постельной принадлежности нет, дети валяются на земле в лохмотьях, находятся в антисанитарном состоянии, живут сбором колосьев...

25 сентября с. г. я обнаружил больных малярией и дизентерией 10 детей. 23 сентября с. г. в результате сумасшествия скончалась одна девочка.

Все это в результате безнадзорности и нечеловеческого отношения к детям в районе»²⁰.

²⁰ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 40.

СМЕРТНОСТЬ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Ужасающие жилищные условия, голодный паек, на который были обречены спецпереселенцы, отсутствие у многих теплой одежды, резкое изменение климатических условий, эпидемические заболевания, отсутствие медицинской помощи — все это привело к гибели в Киргизии и Казахстане тысяч и тысяч безвинных людей. В Киргизии только за шесть месяцев 1945 года скончалось 14 322 переселенца, в течение 1944 года — первой половины 1946 года — 36 070¹. В балкарских семьях, проживавших в Казахстане, по сведениям НКВД Казахской ССР, только за 9 месяцев 1944 года родилось 66 детей, а умерло 1 592 человека². По официальным данным, за короткий период, с 1 апреля 1944 года по сентябрь 1946 года, т. е. за два с половиной года, в Киргизии и Казахстане умерло 4 849 балкарцев. Это каждый восьмой балкарец, находившийся в ссылке. Если учесть, что ссыльные были разбросаны на огромной территории, находились под властью многих спецкомендатур, которые не всегда rádiво относились к учету умерших и не всегда указывали их национальность, то можно утверждать, что у руководства НКВД Казахстана и Киргизии были далеко не точные сведения о количестве умерших спецпереселенцев. Они были значительно занижены. А кто подсчитывал, сколько стариков, детей, женщин скончалось от тифа, дизентерии, недоедания на длинном пути в ссылку? По данным НКВД СССР, их было учтено 562 человека. А сколько не было учтено и наспех похоро-

¹ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 1, 2.

² Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 7, л. 98.

нено на неизвестных полустанках, а то и прямо в заснеженной степи под окрики вооруженных конвоиров?

Лаврентий Берия не решился пропустить репрессированные народы через газовые камеры, как это делали гитлеровцы. Он создал условия, в которых балкарцы, чеченцы, карачаевцы, ингуши, турки-мехетинцы, калмыки, крымские татары заведомо были обречены на вымирание. Но, слава Богу, народы не вымерли.

Всего в Казахстане и Киргизии, по данным НКВД, с 1 апреля 1944 года по 1948 год умерло 144 704 балкарца, карачаевца, чеченца и ингуша³ Это более 23 % к общему числу спецпереселенцев. Страшные цифры! Они не могут не волновать нас и сегодня, по прошествии десятков лет. Можно только сожалеть, что эти цифры не фигурировали на судебном процессе над Лаврентием Берия, не прозвучали в судебном зале гневными голосами тысяч и тысяч безвинных его жертв, навсегда оставшихся в казахстанской и киргизской земле.

Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР и ЦК КП(б) Киргизии в 1945 году трижды принимали постановления, направленные на проведение борьбы с эпидемическими заболеваниями (10 апреля, 11 сентября, 12 октября). Но трудно было вести борьбу с болезнями, когда люди находились в антисанитарных условиях, были истощены от систематического недоедания. Судьба многих была трагической.

В годы Великой Отечественной войны с надеждой и тревогой ждали в каждой семье писем с фронта. Ждали их и жители балкарского селения

³ Кабардино-Балкарская правда, 1991, 10 июля.

Шаурдат. Троих сыновей проводил на фронт Осман Уянаев в первые месяцы войны: вначале Жагафара — старшего сына, за ним — Муталифа — среднего, а в сентябре 1941 года — Мустафу — младшего сына. Долго ждал старый Осман весточек от сыновей. Единственное письмо — солдатский треугольник — он получил от Муталифа. Письмо было короткое: жив, здоров, беспокоился о здоровье родителей, спрашивал, что пишут братья, просил прислать их адреса. Но какой адрес мог послать Осман сыну, если в начале 1942 года пришла казенная похоронка, в которой сообщалось, что сын его Мустафа геройски погиб в бою за нашу Советскую Родину. Буквально через две недели сельская почтальонша Зуля, вся в слезах, принесла вторую похоронку — о гибели Жагафара. Дом Уянаевых погрузился в траур.

Осман написал сыну правду: братья его погибли. Просил беречь себя, зря не рисковать, но трусов среди Уянаевых не было, писал он сыну. Второе письмо в дом Уянаевых от Муталифа адресовано было его молодой жене Шемшият. Оно тоже было короткое. Муталиф несколько слов написал о себе, просил беречь «единственную дочурку Людву», писал о стойкости и мужестве советских воинов. «Нам сейчас очень трудно, но мы твердо верим в нашу победу», — писал он.

Муталиф не дожил до дня Победы. Он погиб в ожесточенном бою под Воронежем и был похоронен в братской могиле.

Трех сыновей послал на защиту Родины Осман Уянаев, и ни один из них не вернулся.

А когда утром 8 марта 1944 года вооруженные солдаты вошли в его дом и объявили, что балкарцы выселяются, Осман не поверил своим ушам. Он сел на старый сундук, подозвал к себе молодого лей-

тенанта и тихо сказал: «Сынок, я всю жизнь честно трудился на моей родной земле. Три сына было у меня. Все они погибли на войне за нашу с тобой Советскую власть. За что же ты хочешь меня выселять, сынок? За какие преступления?»

Лейтенант смотрел на осунувшееся усталое лицо старого горца и ничего не мог сказать в ответ. «Я выполняю приказ»,— выдавил из себя молодой русский парень, понимавший трагедию человека, у которого погибло на войне три сына, а самого его выселяют с родной земли.

В тот же день все жители селения Шаурдат были посажены в грузовые автомашины и отправлены на железнодорожную станцию Нальчик. Здесь спецпереселенцев конвоиры загоняли в «телячьи» вагоны и состав за составом уходил на восток, увозя ни в чем не повинных людей в ссылку.

Через много тягостных дней Осман Уянаев с женой Кумус, невесткой Шемшият и внучкой пятилетней Людой оказался на казахстанской земле в Кокчетавской области. Сюда прибыла и Ульбашева Зарият с дочерьми — Фазикой и Зухрой. Зять Османа Келлет Ульбашев с женой Шахидат и детьми Харуном, Фатимой и Баблиной тоже оказался в Казахстане, на станции Щучинск.

Не только весь балкарский народ, но и отдельные семьи были разрознены и разбросаны на огромных просторах Киргизии и Казахстана. Трагедия народа была трагедией каждой семьи. Она коснулась и семей Османа Уянаева, Келлета Ульбашева и Зарият Ульбашевой.

Осман очень беспокоился о судьбе своих дочерей Шахидат и Шарифат и их семей. Он не знал, в какую область, в какой населенный пункт их вывезли.

Старая Зарият с дочерьми жила на небольшой железнодорожной станции. Дочери работали на строительстве железной дороги. К концу смены обессиленные женщины с трудом волочили отяжелевшие ноги, чтобы добраться до старого вагончика, в котором жили. Особенно тяжело было работать зимой, на морозе и колючем ветру.

Весной 1945 года Осману Уянаеву удалось узнать, что его зять Келлет с семьей находится в Кокчетавской области, на станции Щучинск. Вскоре, с большим трудом получив в спецкомендатуре пропуск на переезд, Осман с семьей и Зурият с дочками переехали в Щучинск. Но жизнь их не облегчилась.

Через несколько месяцев разыскалась дочь Османа Шарифат. Она с мужем Махмудом Заниковым и детьми находилась в Наукатском районе Ошской области Киргизской ССР. В августе 1945 года Осман Уянаев с женой Кумус, получив в спецкомендатуре пропуск, переехал к дочери.

Келлет Ульбашев, бывший фронтовик, переживший тяжелые дни отступления, в одном из боев был тяжело ранен, потерял ногу и до самой смерти ходил с деревянной култышкой. В 1945 году эпидемия тифа унесла немало спецпереселенцев. Осенью от тифа умер и Келлет Ульбашев. Через несколько месяцев умер его двенадцатилетний сын Харун, а вскоре скончалась и жена Шахидат. Весной 1946 года на пожаре трагически погибла дочь Келлета Фатима.

Тяжелая жизнь была у Зурият Ульбашевой и ее дочерей в Щучинске. И здесь дочери работали на железной дороге. Часто болели. Хворала и сама старая Зарият. Ей больно было видеть, как чахнут на ее глазах от болезней и недоедания дочери. В мае 1947 года она умерла, а через три недели скон-

чалась Фазики. Голодная смерть не щадила никого. Перед смертью матери Зухра вышла замуж, в 1949 году у нее родилась дочь, которую называли Тамарой. В конце того же года Зухра умерла. Предчувствие смерти не покидало и Шемшият. Часто во сне она стала видеть мужа, Муталифа, погибшего на фронте. «Как наша дочурка,— спрашивал он.— Береги ее». Она берегла Люду, как могла, но чувствовала, как жизнь медленно покидает ее. Зимой 1950 года Шемшият умерла. Люда осталась сиротой.

Осман Уянаев удивлялся, как он смог пережить стольких близких ему людей. Он не сдавался горестной судьбе, но иногда к нему приходила мысль: «Неужели никто из балкарцев никогда не вернется на родину, не увидит родных гор?» Нет, не суждено было ему вернуться в Балкарию. В 1955 году Осман Уянаев умер.

В 1957 году, лишь через тринадцать лет после ссылки, балкарцы получили право возвратиться на родную землю. К тому времени из находившихся в изгнании тринадцати членов семей Османа Уянаева, Келлета Ульбашева и Зарият Ульбашевой в живых остались лишь четыре человека. От голода и эпидемий на чужбине умерли девять человек. В Балкарию вернулась жена Османа Кумус, ее внучка Люда и дочь Зухры Тамара.

Мустафа Бачиев, учитель из балкарского селения Белая Речка, в 1942 году был призван в Красную Армию. А через год его жена Ножабат получила похоронку. Долго не могла прийти в себя убитая горем женщина. На руках у нее остались пятилетний сынишка и трехмесячная дочь. Говорят, беда одна не приходит. В холодный мартовский день 1944 года Ножабат вместе с детьми, как и всех

балкарцев, изгнали с родной земли и отправили в ссылку. Через три недели она оказалась в Карасуйском районе Ошской области. Здесь с малыми детьми поселилась в землянке: другого жилища не нашлось. Вместе с детьми голодала. Несколько месяцев вела розыск своей матери и сестер. Наконец ей удалось узнать, что они находятся во Фрунзенской области. Решила переехать к ним. Для выезда необходимо было получить пропуск в спецкомендатуре. Но в пропуске ей отказали. Не раз приходила она к коменданту, просила, умоляла его разрешить ей выехать к матери, объясняла, что не в состоянии прокормить истощенных детей. Но так и не получила пропуск. В ненастный осенний день, охваченная отчаянием, она оставила в землянке сына, схватила на руки дочку и быстрым шагом направилась к реке. Два узбека, сидевшие в чайхане, увидели, как на мосту остановилась женщина. Через минуту, прижав к груди ребенка, она бросилась в воду. Узбеки выскочили из чайханы и кинулись к реке. Женщина была спасена, но ребенка спасти не удалось.

Вот что писала в Кировский райисполком Фрунзенской области группа чеченцев-спецпереселенцев, доведенная до отчаяния: «Просим вас не отказать в нашей просьбе, так как нас с 23 февраля 1944 года выселили сюда, в Киргизию. Наш народ погибает, а остальные лежат без сил. Или дайте нам помощь, или отвезите назад. Если не дадите нам помощи, просим всех вместе нас с семьями расстрелять»⁴. Даже сегодня, спустя много лет, нельзя читать без содрогания этот человеческий документ. В нем не только душераздирающий крик

⁴ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 3, д. 1523, л. 30.

безысходности людей, брошенных за шлагбаум спецкомендатур, но и гневное осуждение и изобличение сталинщины, породившей произвол, беззаконие, попрание элементарных человеческих прав. К этому заявлению был приложен список 46 семей. Уже несколько дней у них не было продуктов питания. Дети медленно угасали на глазах обезумевших матерей. Какую помощь оказывало государство своим умирающим гражданам? Каждому из них выдавали 100 граммов муки и 25 граммов крупы в день. И только за наличный расчет, и только «наиболее нуждающимся спецпереселенцам», как было записано в постановлении Совета Народных Комиссаров Киргизской ССР от 19 декабря 1944 года⁵. А денег у спецпереселенцев не было.

Трагически сложилась судьба многих семей спецпереселенцев, проживавших в Джалал-Абадской области Киргизской ССР. Здесь были расселены балкарцы и чеченцы. Всего в марте 1944 года их числилось 26 378 человек, в том числе: мужчин — 5 641, женщин — 6 201, детей в возрасте до 16 лет — 14 536. В эту же область в декабре 1944 года были переселены из Грузии 449 семей турок-месхетинцев в количестве 1 780 человек. Таким образом, всего спецпереселенцев в области находилось 28 158 человек. На 15 июля 1946 года балкарцев и чеченцев в Джалал-Абадской области осталось 13 720 человек, турок-месхетинцев — 1 137, а всего — 14 857 человек. В справке бригады ЦК КП(б) Киргизии о хозяйственно-бытовом устройстве спецпереселенцев Джалал-Абадской области уменьшение количества спецпереселенцев объясняется тем, что «выбыло в другие области и республики на воссоединение с семьями 2 337 чело-

⁵ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 3/62, л. 57.

век, освобождено из спецпоселения, арестовано и т. д. — 628 человек»⁶. Но главная причина в другом. «За период с апреля 1944 года до июля 1946 года в области умерло от инфекционных заболеваний, истощения, малярии и других болезней 10 336 человек»⁷. Это 69,5 % от общего количества прибывших в Джалал-Абадскую область балкарцев, чеченцев и турок-месхетинцев. Ужасающая цифра!

В некоторых населенных пунктах от голода и болезней умирали целые семьи спецпереселенцев. В селении Дмитриевка Кантского района Фрунзенской области проживали балкарцы, выселенные из поселка Усхур Хуламо-Безенгиевского района. Здесь в течение 1944—1945 годов умерло: Атабиевых — девять человек, Бабаевых — девять человек, Мишаевых — четыре человека, Аттаевых — два, Гергоковых — два и много других спецпереселенцев.

В Куршабском районе Ошской области, где проживали в основном балкарцы и чеченцы, на 20 ноября 1944 года умерло 937 переселенцев. Это 21,4 % к числу спецпереселенцев, проживавших в районе. В марте умерло 22 человека, в апреле — 46, в мае — 76, июне — 126, июле — 127, августе — 164, сентябре — 148, октябре — 128, на 20 ноября — 98 человек. В колхозе имени Калинина из 397 человек умерло 130, в колхозе «III Интернационал» из 239 человек — 93, в колхозе имени Молотова из 474 человек — 94. Часть из них умерла от малярии и других болезней, как указывал в своей справке инструктор сельхозотдела ЦК КП(б) Киргизии,

⁶ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 175.

⁷ Там же.

многие—«от безбелковых опухолей», а проще— от голода. В этой же справке указывалось, что «рай-здрав вопросами устройства жизни и быта спецпереселенцев вплотную не занимался. Об этом свидетельствует то, что спецпереселенцы живут в антисанитарных условиях, скученно, госпитализирование не проведено, ни одна баня в районе не работает, напротив, в колхозах Ялпакташского, Кара-Кийского и Кзыл-Суйского сельсовета бани приспособлены для жилья»⁸.

А эта трагедия имела место в Алабукинском районе Джалал-Абадской области. Сюда в марте 1944 года привезли 534 чеченские семьи в количестве 2664 человек⁹. В основном это были пожилые люди, женщины и дети. Местные власти ничего не сделали, чтобы обустроить их быт, создать хоть какие-либо условия, в которых можно было бы жить. В декабре 1944 года инструктор сельхозотдела ЦК КП(б) Киргизии после проверки условий жизни спецпереселенцев в Алабукинском районе пришел в ужас. Он был потрясен тем, что увидел и узнал о положении ссыльных.

Можно понять, когда в том же 1944 году советские люди в солдатских шинелях умирали за Родину в ожесточенных боях с немецко-фашистскими захватчиками. Можно понять, хотя и с трудом, мученическую смерть советских людей в гитлеровских концентрационных лагерях. Но как понять смерть советских людей в глубоком тылу своей родной страны от голода?

Инструктор ЦК в своей справке отмечал, что на 1 октября 1944 года «в колхозе им. Карла Маркса

⁸ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 176.

⁹ Там же, л. 32.

Чанычского сельсовета (председатель — член партии Рыскулов) вымерло 20 семейств — 174 человека, т. е. 55 %»¹⁰. 20 семейств! И в каждом восемь, а то и десять человек и, вероятно, большинство из них дети. Это в гитлеровских душегубках умирали целые семьи советских людей. А здесь — на воле, если можно назвать волей ссылку.

«В колхозе «Узгорыш» Чанычского сельсовета (председатель — член партии Мамязев) вымерло 23 семейства — 146 человек, т. е. 85 %», — читаем в этой же справке. «В колхозе имени Сталина Аккурганского сельсовета (председатель — член партии Дадабаев) вымерло 21 семейство — 110 человек, т. е. 86 процентов»¹¹. В живых осталось в колхозе только 14 процентов спецпереселенцев!

«В колхозе имени Ленина Чанычского сельсовета (председатель — член партии Назарматов) вымерло 19 семейств — 138 человек, т. е. 90 процентов». В колхозе «Бирлик» Падакского сельсовета, где колхоз возглавлял член партии Парпиев, «вымерло 21 семейство — 128 человек, т. е. 92 процента»¹².

Не знаю, с каким сердцем составлял свою справку инструктор ЦК КП(б) Киргизии, но когда читаешь эти проценты вымерших, когда узнаешь, что колхоз, в котором умирали от голода люди, возглавлял человек с партийным билетом в кармане, то невольно думаешь: как же так, на фронте коммунисты первыми бросались в атаку, поднимая за собой бойцов, а здесь, в глубоком тылу, оказывается, были и такие коммунисты, как Рыскулов, Мамязев, Дадабаев, Назарматов, Парпиев, — лю-

¹⁰ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 56, д. 1815, л. 33.

¹¹ Там же, л. 32.

¹² Там же.

ди с усеченной совестью, равнодушные к чужой беде, духовно нищие.

В колхозах Алабукинского района Джалал-Абадской области из 534 семей спецпереселенцев целиком вымерли 244. Всего из 2 664 человек умерло 1610, т. е. 60 %, «в то же время прирост населения из числа спецпереселенцев составил лишь 9 человек (новорожденных детей)»¹³.

В своей записке инструктор ЦК КП(б) Киргизии отмечал, что «секретарь Алабукинского райкома партии т. Тюльбаев не осознал политического значения такого государственного мероприятия, как спецпереселение. Не была сначала обеспечена необходимая серьезная разъяснительная работа среди районного и сельского актива, среди местного населения. Не были вовремя приняты меры к фактам антигосударственного и антипартийного поведения отдельных руководителей, а по некоторым фактам меры не приняты и до сих пор»¹⁴.

С тяжелым сердцем вспоминает о трагическом положении спецпереселенцев Сакинат Наршаова. «Мы попали в Сузакский район, хлопководческий колхоз. Незнакомые с такой работой, непривычные к жаркому климату, к арычной воде, люди очень быстро теряли здоровье. Началось поголовное изнурительное заболевание малярией и другими болезнями. Отсутствие медицинской помощи, медикаментов, недоедание — все это впоследствии привело к большой смертности, особенно среди детей.

Не миновало это горе и моих родственников, которые оказались в Северном Казахстане в непривычных холодах. В первый год умерли дети моих родных сестер: Сарбашев Али — 12 лет, Шахри-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

жан — 10 лет, Зоя — 4 лет, родной любимый брат матери Девеев Адрахман, сестра Кудоева Шахмелек, а близкая родственница Жашакуева Беслимат сразу потеряла троих детей. И впоследствии от холода, голода и горя эта стройная, красивая женщина умерла и сама.

Через некоторое время, когда пришла моя партийная учетная карточка, пригласил меня секретарь Джалал-Абадского обкома партии Киргизии тов. Хамзамулин и направил на работу в Джалал-Абадский горком партии.

По долгу службы мне часто приходилось бывать в командировках в местах проживания переселенцев и видеть, в каких нечеловеческих условиях они жили. Не могу не вспомнить об одной семье. На пороге кибитки стояла истощенная пожилая женщина-чеченка, которая напоминала привидение. Вокруг нее стояли несколько детей с тоненькими ножками и вздутыми животами. Плача, требовали пищи. На вопрос, где родители этих детей, ответила, что отец в армии, а мать недавно умерла. Таких фактов можно было привести много. Не зная, чем им помочь, я очень расстроилась и обратилась к первому секретарю Джалал-Абадского горкома партии тов. Черткову — демобилизованному офицеру. Выслушав меня внимательно, он дал указание создать комиссию и результаты рассмотреть на бюро. Товарищ Чертков резко осудил безответственное отношение некоторых руководителей и сказал, что так поступают только фашисты. Сразу же был отстранен от работы зав. горздравотделом Неймарк. Были приняты меры по оказанию помощи продовольствием и медикаментами»¹⁵.

¹⁵ Кабардино-Балкарская правда, 1990, 8 марта.

На далекой казахстанской земле 14 марта 1945 года умер Кязим Мечиев, основоположник балкарской поэзии. Ни в одной газете некролога не появилось. Да и мало кто знал, что в селении Тельман Караталского района Талды-Курганской области Казахской ССР доживал свой век ссыльный поэт, как все балкарцы, причисленный к бандитам, с ярлыком спецпереселенца. Трудно пришлось поэту вдали от много раз воспетых им гор, от родной земли, от родного неба. Вскоре рядом с могилой Кязима появились десятки могил балкарцев и чеченцев, умерших от тифа и голода.

И по сей день покоится прах Кязима Мечиева в чужой для него земле, за тысячи верст от Балкарии. Не слишком ли долго затянулась ссылка опального поэта? Он верил, что народ его рано или поздно возвратится в Балкарию, мечтал увидеть в ясном голубом небе над своей саклей в селении Шики свободно парящего орла и смерть принять, когда она придет, в собственном доме, у родного очага. Народ его возвратился, а он остался на чужбине.

Кязим Мечиев принадлежит Кабардино-Балкарии. Здесь он родился, здесь стал поэтом и мудрецом, здесь служил своему народу. Прах Кязима должен лежать в родной для него земле, чтоб можно было прийти и поклониться могиле великого поэта, а в сакле в селении Шики, где он жил и откуда был изгнан и сослан, надо открыть мемориальный музей. Это наш гражданский долг.

ПРИЗНАНИЯ ПОЛКОВНИКА ШИЯНА

Сохранился обличительный документ. Его автор не предполагал, что когда-нибудь этот документ будет опубликован и расскажет о страшной участи многих тысяч советских людей, названных в тоталитарном сталинском государстве спецпереселенцами. Автор этого документа — начальник отдела спецпоселений Министерства внутренних дел СССР полковник Шиян. В его адрес поступали многочисленные донесения и отчеты из восточных и северных районов страны, из Средней Азии и Казахстана, отовсюду, где были расселены спецпереселенцы, об их хозяйственно-трудовом и бытовом положении. На основе этих материалов полковник Шиян составлял обзорные документы для руководства МВД СССР. С этими обзорами, но уже за подписью министра внутренних дел, знакомилось высшее руководство страны.

Документ, о котором идет речь, назван так: «Докладная записка о продовольственных затруднениях среди выселенцев в Казахской ССР». Дата — 14 мая 1949 года.

Продовольственные затруднения были у советских людей всегда. Полковнику Шияну надо было назвать свою докладную записку не о «продовольственных затруднениях», которыми никого не удивишь и сегодня, спустя десятки лет после Октябрьской революции, а «о голоде среди выселенцев в Казахской ССР». Такое название докладной записки точно отражало бы ее содержание.

Полковник МВД Шиян долго, наверное, думал, чем заменить жесткое слово «голод», и не придумал ничего лучшего, как заменить это слово «продовольственными затруднениями», хотя, вероятно, и понимал, что идет против истины.

Докладная записка была адресована министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Круглову. Не только в заголовке докладной, но и в ее содержании полковник Шиян пытается смягчить впечатление от изложенных в ней фактов. А факты в ней потрясают. Вот текст этой докладной записки. В районах, о которых идет речь в записке, проживали ссыльные балкарцы, чеченцы и немцы.

«В результате плохого урожая зерновых в 1948 году в северных и северо-восточных районах Казахстана, обеспечение продовольствием значительной части населения, в том числе выселенцев, расселенных в этих районах, является крайне неудовлетворительным.

По имеющимся в отделе спецпоселений МВД СССР неполным данным, в Акмолинской, Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской областях на 1 апреля с. г. было учтено остро нуждающихся в продовольствии (читай — голодающих. — Д. Ш.) — 118 259 выселенцев, из них 2 590 человек больных дистрофией, и зарегистрировано 18 случаев смертности вследствие истощения от недоедания.

Продовольственные затруднения среди выселенцев в перечисленных областях характеризуются следующими данными:

1. Акмолинская область

В области расселено 30 252 семьи, 110 097 человек выселенцев.

На 1 апреля с. г. было учтено остро нуждающихся в немедленной продовольственной помощи 28 405 выселенцев, среди которых имеется массовое заболевание дистрофией.

В 6 колхозах и в поселке при железнодорожной станции Колутон Калининского района имелось 84 опухших от голода постельно-больных выселенца.

В колхозе «Путь к социализму» Есильского района учтено больных дистрофией 33 выселенца.

Аналогичное положение в колхозах и совхозах Молотовского, Эркиншиликского и Вишневого районов.

По области зарегистрированы случаи смерти выселенцев на почве истощения от недоедания.

Имеются факты употребления выселенцами в пищу трупов павших животных.

В колхозе «Энбек» Калининского района высе-ленец Бехтольц, имеющий семью в 9 человек, от-рыл на скотомогильнике труп павшей лошади и употребил мясо в пищу.

Подобные факты отмечены среди выселенцев в Баракульском совхозе и в колхозе «Сигнал» Моло-товского района.

В селе Новоромановка Молотовского района вы-селенцы употребляли в пищу мясо кошек.

В исключительно тяжелом положении находят-ся выселенцы, работающие в совхозах. Завоз про-дуктов питания в совхозы очень ограничен. При-обрести же эти продукты на стороне выселенцы не могут, т. к. к 1 апреля с. г. зарплата не была выда-на им еще за декабрь 1948 года.

По информации УМВД, обком КП(б) Казах-стана предложил секретарям райкомов улучшить продовольственное снабжение выселенцев. Однако, принятые райкомами меры не обеспечивают улуч-шения положения, не могут предотвратить даль-нейшее распространение среди них дистрофии.

В декабре 1948 года для остро нуждающихся выселенцев было отпущено 200 тонн зерна, распре-

деленного среди 11 315 выселенцев; 17 090 выселенцев из-за отсутствия денег приобрести зерно не смогли.

В марте с. г. было выделено 73 тонны зерна. Однако часть выселенцев не в состоянии его купить по причине отсутствия денег.

2. Кокчетавская область

В области расселено 13 025 семей, 91 634 человека выселенцев.

К 1-му апреля 1949 года в районах области было учтено 16 302 человека выселенцев, крайне нуждающихся в продовольствии (читай — голодающих. — Д. Ш.).

Наиболее серьезные продовольственные затруднения отмечены в Арык-Балыкском, Рузаевском, Айртавском, Зарендинском, Кокчетавском районах, где урожай зерновых и огородных культур в 1948 году был очень низкий.

В результате мер, принятых по информации УМВД, обкомом КП(б) Казахстана и облисполкомом Советов депутатов трудящихся, торгующими организациями и «Союззаготзерно» для оказания продовольственной помощи нуждающемуся населению с 1 января по 1 апреля с. г. было выделено 1 765 тонн зерна.

В Айртавском, Арык-Балыкском районах выселенцы, заболевшие дистрофией, госпитализированы.

Принятые меры лишь в некоторой степени ослабили тяжелое продовольственное положение выселенцев. Из выделенного зерна 920 тонн было роздано выселенцам в виде ссуды, а остальное предназначено для продажи за наличный расчет. Но, за неимением денег, выселенцы приобрести хлеб

не могут. По этой причине, при наличии в Чкаловском районе 2 622 выселенцев, остро нуждающихся в продовольствии, на 1 апреля с. г. оставались нереализованными 32 тонны пшеницы.

Такое же положение отмечается и в других районах области.

3. Северо-Казахстанская область

В области расселено 13 323 семьи, 45 314 человек выселенцев.

На 1 апреля с. г. было учтено остро нуждающихся в немедленной продовольственной помощи 5 355 человек.

По области имелось 30 выселенцев, опухших от недоедания, и около 150 выселенцев в тяжелой степени истощения.

Значительная часть нуждающихся в продовольствии занимается попрошайничеством.

В Октябрьском районе установлены случаи употребления выселенцами в пищу трупов павшего скота, извлекаемых из скотомогильников.

Вследствие отсутствия денежных средств у выселенцев они не имеют возможности приобрести продовольствие в сельской торговой сети.

4. Кустанайская область

В области расселено 22 085 семей, 78 778 человек выселенцев.

На 1 апреля с. г. было учтено остро нуждающихся в немедленной продовольственной помощи 4 914 семей, 14 356 человек.

В ряде районов отмечены опухание и смертность среди выселенцев от истощения вследствие недоедания.

В колхозе «III Интернационал» Веденского района имелось 6 человек, в колхозе «Пролетарий» того же района — 8 человек больных дистрофией.

В свиноводхозе № 641 Затобольского района больных дистрофией насчитывалось 27 человек, в Сулукульском совхозе Семиозерного района — 82 человека.

В Орджоникидзевском районе от недоедания и истощения умерло 2 выселенца.

Для оказания продовольственной помощи выселенцам в I квартале с. г. решением Кустанайского исполкома областного Совета народных депутатов трудящихся было отпущено для колхозников области 678 тонн хлеба.

Но в связи с отсутствием средств у выселенцев, и особенно у выселенцев с Северного Кавказа, большинство остро нуждающихся не могли выкупить выделенные для них зернопродукты.

5. Семипалатинская область

В области расселено 14 665 семей, 49 787 человек выселенцев.

В большинстве районов области выселенцы-колхозники получили по 100—150 граммов хлеба на трудодень, а во многих колхозах на трудодни вовсе ничего не выдавалось.

К 1 апреля 1949 года в области было учтено остро нуждающихся в немедленной продовольственной помощи 2 664 семьи, 9 142 человека, из которых 1 584 человека больны дистрофией.

Особенно плохо обеспечены продуктами питания выселенцы в Аягузском, Жарминском, Бородулихинском и Кокпектинском районах, где больных дистрофией учтено 1 368 человек.

В колхозах «Пробуждение», «Красный труд», «Жана Аул», «Кзыл Октябрь», в совхозах «Чалобай» и «Дорурс» Чарского района 201 чел. выселенцев никаких продуктов питания не имеют. Из них 23 человека поражены дистрофией.

По Кокпектинскому району случаи дистрофии среди выселенцев отмечены в 11 колхозах.

Аналогичное положение и в других районах области.

Для колхозников области, нуждающихся в продовольствии, в декабре 1948 года было отпущено 211 тонн хлеба. Многие выселенцы, ввиду отсутствия денег, не в состоянии выкупить выдаваемый хлеб.

6. Актюбинская область

В области расселено 9 172 семьи, 30 112 человек выселенцев. На 1 апреля с. г. учтено остро нуждающихся в продовольственной помощи: по Степному району — 87 семей, 304 чел., по Родниковскому району — 50 семей, 130 человек.

В целях улучшения продовольственного положения колхозников, в том числе и выселенцев, с января с. г. было выделено в порядке ссуды и для продажи через торговую сеть 1600 тонн зерна. По линии кооперации для совхозов области в I квартале отпущено 88 тонн муки.

Тяжелое продовольственное положение выселенцев усугубляется тем, что зерно, выделенное для снабжения остро нуждающихся колхозников, в ряде случаев расхищается и распределяется не по прямому назначению.

Председатель колхоза «Жана Турмыс» Ключевского района Актюбинской области Шушаков из 20 центнеров зерна, отпущенного для выдачи остро

нуждающимся в продовольственной помощи, 5 центнеров забрал себе, 360 кг передал своему родственнику, 160 кг отдал ответственному секретарю райисполкома Совета депутатов трудящихся Наурузову.

В том же районе председатель колхоза «Сабан-Балга» Артабаев из 20 центнеров муки, предназначенной для отпуска колхозникам, 3 центнера продал на сторону, присвоив деньги.

В Мартукском районе Актюбинской области часть муки, выделенной для остро нуждающихся в продовольствии колхозников, была роздана рабочим и служащим райцентра и списана по документам, как отпущенная нуждающимся колхозникам.

В январе с. г. по распоряжению председателя Пресногорьковского райсовета депутатов трудящихся Кустанайской области Довгаль из 170 центнеров продовольственного зерна, выделенного для остро нуждающихся колхозников, 38 центнеров было роздано рабочим и служащим района.

Председатель колхоза «Герой труда» Тарановского района Кустанайской области Кожевников, из полученной для колхозников продовольственной ссуды, 200 кг зерна взял себе.

Из выделенной продовольственной ссуды для выдачи колхозникам Семиозерного района Кустанайской области 150 кг зерна получил секретарь райкома КП(б) Казахстана Досаев, 150 кг — бывший председатель райисполкома Калиев, 100 кг — райпрокурор, 100 кг — начальник РО МГБ.

В колхозе им. Ленина Зерендинского района Кокчетавской области из 12 центнеров продовольственной ссуды колхозникам было выдано только 35 кг, а остальное зерно было распределено между членами правления колхоза.

В колхозе «Смычка» того же района 34 центнера продовольственной ссуды были распределены между членами правления колхоза и приближенными к ним лицами.

Аналогичные факты имеют место и по другим областям, в которых продовольственное положение выселенцев является неудовлетворительным.

В связи с продовольственными затруднениями в ряде областей Казахской ССР среди выселенцев отмечено усиление тенденций к побегам с мест поселения»¹.

Я назвал этот документ обличительным. Да, он обличает, хотя его автор и мысли не допускал, чтобы критически обмолвиться даже одним словом о тех жестоких условиях, в которые были поставлены сталинским правительством по указке Берия тысячи советских людей.

ПИСЬМА ССЫЛЬНЫХ СТАЛИНУ

Отдельные смельчаки из репрессированных народов на протяжении долгих лет пребывания спецпереселенцев в ссылке обращались к руководителям страны с письмами, в которых просили снять с них позорное клеймо «спецпереселенец» и вернуть на родину.

В основном письма адресовывались И. В. Сталину. Их авторы были уверены, что Сталин поможет. Кто же, если не великий и любимый вождь народов? Это мы сейчас, по прошествии десятилетий, понимаем всю наивность и бессмысленность

¹ ЦГА Республики Казахстан, ф. 1137, оп. 18, д. 223, л. 21—28.

действий этих смельчаков. Но в то время они слепо верили в Сталина и ждали от него помощи. Виновиком всех своих бед они считали Берия.

11 июля 1945 года к И. В. Сталину обратился фронтовик, старший сержант Амаш Анаурович Тапасханов, находившийся в рядах Советской Армии. «С октября 1941 года по 9 мая 1945 года я находился на фронте в должности командира отделения разведки,— писал Тапасханов.— Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги» и «За оборону Москвы». Нас пять братьев. Один погиб на фронте, о двух я вот уже два года ничего не знаю. Вне армии остался только один брат, которому свыше 60 лет, и сестра, муж которой погиб на фронте». Далее он пишет, что его брата и сестру выселили из селения Яникой КБАССР в с. Кутурга Тюбского района Иссык-Кульской области Киргизской ССР «Когда их выселили, они,— пишет он;— не смогли ничего взять с собой и теперь живут на новом месте в очень тяжелых условиях. Я уже писал Вам одно письмо в декабре 1944 г., в котором просил Вас разрешить переезд моему брату и сестре в Кабардино-Балкарскую АССР, но получил ответ от начальника отдела спецпоселений НВКД. СССР полковника госбезопасности Кузнецова о том, что моя просьба о разрешении переезда моего брата и сестры в Крымскую АССР удовлетворена быть не может. Но я и не просил,— возмущается Тапасханов,— и не прошу разрешить им переезд в Крымскую область, я просил и прошу разрешить переезд моему брату и сестре с детьми в Кабардино-Балкарскую АССР». Что полковнику-бериевцу до семьи балкарца-фронтовика, до его сестры — вдовы солдата, оставшейся на чужбине с малолетними детьми на руках? Да и какая разница: Кабардино-

Балкарская АССР или Крымская? Ведь переселенцам запрещено возвращаться в родные края. Второго ответа фронтовик Тапасханов не получил. Полковник не ответил старшему сержанту.

23 марта 1946 года с письмом на имя И. В. Сталина обратился карачаевец Хусей Гыкгаевич Боташев, проживавший в селе Военно-Антоновка Кызыл-Аскерского района Фрунзенской области Киргизской ССР. Он озаглавил свое письмо так: «Индивидуальная жалоба». Вот ее текст. «Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! Непосредственно обращаюсь к Вам, великому вождю всего прогрессивного человечества, с большой просьбой: отреагировать на мою вторичную жалобу, от чего зависит моя дальнейшая судьба.

Я, Боташев Х. Г., являюсь выходцем из самых бедных слоев крестьян, вырос и воспитан в бедной крестьянской среде. Только благодаря Советской власти получил образование и возможность жить свободной жизнью». Далее Боташев сообщает, что в 1928 году вступил в комсомол, а в 1939 году — в ряды ВКП(б). В 1939 году он окончил школу НКВД, после чего служил «в деле охраны революционной законности». В 1942 году, когда немецко-фашистские войска подошли к Карачаю, он, находясь в отряде чекистов, вместе с партизанами участвовал в боях с гитлеровцами. После освобождения Карачая от гитлеровцев продолжал работать в НКВД вплоть до выселения карачаевцев. «В ноябре 1943 года,— писал Боташев,— по постановлению Советского правительства произошло выселение лиц карачаевской национальности. Я тоже был выслан со своей семьей как карачаевец. Для нас был установлен особый режим спецкомендантами НКВД, и называют нас спецпереселенцами.

За мной ничего не числится. Где бы я ни находился, в любом уголке нашего Великого Советского Союза, я чувствую, что я нахожусь на своей Родине. Перемена места жительства абсолютно никакого значения не имеет. Меня морально убивает и сильно удивляет то, что я, не имея никакой абсолютно вины и нося великое звание члена партии, не имею права ходить на расстоянии 10 километров без пропуска коменданта НКВД, находясь под черным пятном спецпереселенца особого режима. Позорное и незаслуженное звание «спецпереселенец» унижает и оскорбляет мою коммунистическую душу и ограничивает в некоторой степени мои права, которые я заслуживал в течение ряда лет своей активностью и упорным трудом.

Я нахожусь на каждом шагу под острым контролем коменданта НКВД как спецпереселенец, как карачаевец. Не имею права свободно устраиваться на работу по своей специальности без ведома комендатуры, а ходить в пределах не своего района вовсе не имею права.

Исходя из вышеизложенного, прошу Вас, Иосиф Виссарионович, ответить на мою жалобу: до каких пор я буду находиться на таком, т. е. спецпереселенческом, режиме. И прошу Вас снять с меня звание «спецпереселенец».

В дальнейшем обязуюсь и даю Вам слово трудиться честно, до последней капли крови на благо и могущество нашей Великой Родины.

С коммунистическим приветом.

Письма спецпереселенцев до Сталина не доходили. Это письмо тоже не дошло. На нем имеется резолюция: «В просьбе отказать». Подпись неразборчива.

17 мая 1946 года с заявлением на имя Сталина обратилась ингушка Р. С. Мальсагова, проживав-

шая в городе Фрунзе. Она писала: «Я, Мальсагова Раиса Созеркоевна, 1920 года рождения, подвергнута переселению из Грозного 23 февраля 1944 года в Киргизию со своей семьей: матерью-домохозяйкой и сестрой студенткой мед. института исключительно потому, что я по национальности ингушка.

Не была замужем, в семье у нас нет мужчин, отца не имеем с 1923 года. Сама я инженер-технолог по переработке нефти, окончила Грозненский нефтяной институт в 1939 г. После окончания института работала в системе треста «Грознефтезаводы», оттуда в октябре 1941 г. была мобилизована на трудовые работы — рытье противотанковых рвов и за хорошую работу по окончанию работ была премирована.

После переселения, работая в Наркомате местной промышленности инженером производственного отдела, была выдвинута на должность главного инженера Фрунзенского облместпрома для усиления технического руководства, где и работаю до настоящего времени.

Все эти сведения я привожу для того, чтобы Вы поняли, что я, как гражданин Советского Союза, честно выполняла и выполняю все возлагаемые на меня поручения, как бы они тяжелы ни были, а также для того, чтобы Вам было легче понять, что я ничем не отличаюсь от полноправных граждан, которые не имеют такого тяжелого — моего клейма спецпереселенца, на которое я обречена исключительно потому, я повторяюсь, что я по национальности ингушка.

По всем своим деловым действиям, по укладу и мировоззрениям я считаю, что незаслуженно несу такую тяжелую моральную ответственность.

Раньше ставить этот вопрос я считала несвоевременным, т. к. шла война и было много более важных дел, а также считала, что меня должны проверить и узнать здесь по моим делам на новом месте жительства, что я из себя представляю.

Сейчас я считаю — не будет преждевременной постановка вопроса о своем полномправном гражданстве.

Я очень прошу Вас найти время разобраться в правильности всего моего заявления, не уравнивать дальше виновных и невиновных и после всего этого ставлю вопрос о снятии с меня позорного и мною не заслуженного клейма спецпереселенки.

Ставя в такой плоскости вопрос, я смело могу глядеть Вам в глаза, т. к. я всем своим нутром советский человек, и поэтому требования мои вполне законны».

На этом заявлении стоит резолюция: «Отказать».

К Сталину с письмом обращался офицер-фронтовик Адильгери Соттаев. Он не только просил снять с него позорное клеймо «спецпереселенец», но и решительно требовал вернуть балкарский народ на родину и наказать всех, кто принимал участие в репрессиях против безвинных людей, кто сослал его народ в ссылку.

Долго ждать ответа не пришлось. 2 декабря 1949 года Соттаев был арестован. Через четыре с половиной месяца, 14 апреля 1950 года, состоялся суд. Его дело рассматривалось на закрытом заседании судебной коллегии по уголовным делам Фрунзенского областного суда Киргизской ССР. В чем же обвинялся Адильгери Соттаев? «Судебным следствием установлено, — читаем в приговоре, — что Соттаев, будучи враждебно настроенным к Советской власти, в 1935 году среди преподавателей

Педагогического института в г. Пятигорске рассказывал анекдоты антисоветского содержания.

В декабре 1944 года и в 1945 году, находясь на учебе, на курсах усовершенствования офицеров Советской Армии, в г. Уфе, изготовил воззвание «Прощай, родная Балкария!», в котором возводил клевету на ВКП(б), на мероприятия, проводимые Советским правительством, высказывая намерения вести борьбу против ВКП(б), будучи убежденным буржуазным националистом. В 1945—1949 годах написал ряд очерков, рассказов и стихов, в которых также возводил клевету на советскую действительность, тем самым Соттаев совершил преступление, предусмотренное ст. 50—10 ч. 2 УК РСФСР. Исходя из изложенного, руководствуясь ст. 319—320 УПК РСФСР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни», судебная коллегия приговорила Соттаева Адильгери Хаджимуссаевича по ст. 58—10 ч. 2 УК РСФСР с применением санкции ст. 58—2 УК РСФСР подвергнуть к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на двадцать пять лет, с поражением в избирательных правах после отбывания меры наказания сроком на 5 лет, с конфискацией всего имущества. Меры пресечения оставить: содержание под стражей. Зачесть ему срок предварительного заключения со 2 декабря 1949 года...

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Верховный суд Киргизской ССР в 72 часа с момента вручения копии приговора осужденному, прокурору — с момента оглашения приговора».

Напрашивается вопрос: а если не было бы Указа об отмене смертной казни, на который ссылался суд, каким бы мог быть приговор?

Прокурор приговор не опротестовал. Да и как он мог это сделать, если сам требовал приговорить Адильгери Соттаева к 25 годам лагерей. Судьба спецпереселенцев не интересовала ни органы тоталитарной власти, ни судебные органы бериевского режима.

Адильгери Соттаев не считал себя виновным. Поэтому он подал в Верховный суд Киргизской ССР кассационную жалобу. 6 мая 1950 года эта жалоба была рассмотрена судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда. В определении коллегии читаем: «Преступление Соттаева квалифицировано правильно, и мера наказания определена в соответствии с содеянным. Исходя из изложенного и руководствуясь ст.ст. 411—412 УПК РСФСР, определила: приговор судебной коллегии по уголовным делам Фрунзенского областного суда оставить в силе, а кассационную жалобу без удовлетворения».

Адильгери Соттаев был сослан в Верхоянский район Якутской области, в самый северный лагерь ГУЛАГа. Здесь находился один из наиболее холодных пунктов земного шара.

Ссылка в отдаленные районы Якутии в течение XIX — начала XX века была одной из самых суровых мер расправы царизма с представителями революционного движения. В якутской ссылке находились декабристы, Н. Г. Чернышевский, Петр Алексеев, В. Г. Короленко. В советское время край вечной мерзлоты также использовался как место политической ссылки.

Адильгери Соттаев не мог примириться со своим положением. Протестуя против беззакония, он обращался с письмами к Сталину, Берия, Молотову, к Генеральному прокурору СССР, к прокурору Киргизской ССР. Но все было напрасно. Такие,

как Соттаев, были опасны для ведомства Берия. Они несли в себе набиравшую мужество силу, которая поднималась в народе против жестоких репрессий, против террора Берия.

Только через четыре с половиной года после суда, в сентябре 1954 года, прокурор Киргизской ССР внес протест на приговор судебной коллегии по уголовным делам Фрунзенского областного суда. 11 октября 1954 года Президиум Верховного суда Киргизской ССР рассмотрел этот протест и принял постановление. В нем говорится: «С учетом того, что Соттаев с 1941 года по 1945 год участвовал в Великой Отечественной войне, имел ранения и контузии, награжден медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», соглашаясь с протестом прокурора, постановил: приговор Фрунзенского облсуда от 14 апреля 1950 г. и определение Верховного суда Киргизской ССР от 6 мая 1950 г. изменить, снизить Соттаеву меру наказания до 10 лет заключения в ИТЛ».

Но Адильгери Соттаев продолжал бороться за свое освобождение. Из Якутии, далекого края вечной мерзлоты, из жестокого лагерного мрака он ухитрялся пересылать короткие письма родным и друзьям. Ни в одном из этих писем не было и тени подавленности, уныния, безысходности, отчаяния. И там, в лагере, за звенящей от трескучего мороза колючей проволокой, где, как он писал, «за моими плечами стынет солнце в сиянии штыка», он оставался несломленным, твердым и честным, таким же мужественным, каким был на фронте. В письме, адресованном своим самым близким друзьям Ж. Залиханову, У Алиеву, С. Шахмурзаеву, К. Кулиеву, К. Отарову, он писал: «Единственное, чего я жажду — это свободы. С помощью мужества, терпения и упорства я в конце концов до-

бьюсь ее. Когда возвращусь, я не знаю,— писал Соттаев.— На грани между жизнью и смертью я всегда сохраняю ясность рассудка и твердую уверенность в то, что все кончится благополучно».

Да, он верил в то, что настанет день, когда «оковы тяжкие падут», когда он обретет свободу, а народ его, оклеветанный и ссыльный, вновь возвратится в родную Балкарию.

В мае 1956 года Генеральный прокурор Союза ССР внес протест на приговор Фрунзенского областного суда от 14 апреля 1950 года. По этому протесту Верховный суд СССР 30 мая того же года вынес определение. Этот документ мог появиться только после смерти Сталина и разоблачения Берия. Он свидетельствует о начавшихся в советском обществе демократических преобразованиях, и что они коснулись и правоохранительных органов. Определение Верховного суда СССР камня на камне не оставило от обвинений, которые были предъявлены Адильгери Соттаеву Фрунзенским областным судом.

К сожалению, рукописи Соттаева, изъятые при обыске и использовавшиеся в качестве вещественных доказательств, не сохранились. Определение Верховного суда—единственный источник, из которого мы узнаем о содержании некоторых произведений Адильгери Хаджимуссаевича.

Вот что говорится в этом определении.

«Соттаев Адильгери Хаджимуссаевич, 1910 года рождения, уроженец с. Лашкута Эльбрусского района Кабардинской АССР, балкарец, беспартийный, семейный, не судимый, с высшим образованием, участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., гвардии капитан запаса, работавший до ареста педагогом Ново-Покровской средней школы Фрунзенской области...

Протест внесен на предмет отмены приговора и последующих решений судебных органов.

Заслушав доклад члена Верховного суда Союза ССР тов. Супатаева А. и заключение пом. Генерального прокурора СССР тов. Васильева Г. А., полагавшего протест удовлетворить, судебная коллегия по уголовным делам установила:

Соттаев признан виновным в том, что он в 1935 году, работая преподавателем Педагогического института в гор. Пятигорске, рассказывал своим сослуживцам анекдоты антисоветского содержания.

В декабре 1944 года и начале 1945 года в период нахождения его на курсах усовершенствования офицеров пехоты Советской Армии в гор. Уфе изготовил антисоветское воззвание «Прощай, родная Балкария». Кроме того, в 1945—1949 годах написал ряд очерков, рассказов и стихов, в которых возводил клевету на советскую действительность.

Приговор и последующие судебные решения подлежат отмене, а дело прекращено производством по следующим основаниям:

Обвинение Соттаева в том, что он в 1935 году в Педагогическом институте в Пятигорске рассказал антисоветский анекдот, основано на его показаниях и показании свидетеля Холаева. Однако ни на предварительном следствии, ни в суде точно содержание анекдота не выяснено. Установлено только то, что он касался хлебных карточек. При этих обстоятельствах у суда не было достаточных оснований считать, что анекдот носил антисоветский характер.

Утверждение органов предварительного следствия и суда о том, что рукопись Соттаева «Прощай, родная Балкария!» является антисоветским произведением, идущим против линии партии и советской

власти, основано на заключении кандидата филологических наук Георгия Самарина, данном им 11 марта 1950 года.

Однако такая оценка характера рукописи «Прощай, родная Балкария!» является неправильной, так как подобный вывод не вытекает из ее содержания.

В своей рукописи Соттаев идеализирует прошлое балкарского народа, восхваляет его мужество, отвагу, любовь к свободе, восторгается красотой Балкарии, ее природой и народом. И одновременно с этим Соттаев высказывает мысль о том, что весь народ Балкарии постигло большое горе — переселение из родных мест в районы Средней Азии, где балкарцы распылены и перестали существовать как самостоятельная нация.

Далее Соттаев пишет о желании посвятить свою жизнь счастью народа, помочь балкарскому народу вновь обрести утраченные права в связи с переселением.

Соттаев не оспаривает того, что среди балкарцев были отдельные враги народа, помогавшие немецким фашистам, но считает несправедливым переселение целой народности за преступления отдельных лиц. Так, на стр. 27 рукописи он пишет: «Нашлись отдельные выродки, которые подвели нас и вас. Не хочется, чтобы вы окончательно заблудились и погибли. Я хочу найти и ищу правду...»

В рукописи Соттаева имеются и отдельные ошибочные положения, однако в целом ее никак нельзя признать антисоветским произведением.

Вывод об антисоветском характере литературных произведений Соттаева (стихи, рассказы, воспоминания) также основан на заключении Георгия Самарина, с которым нельзя согласиться...

Однако стихотворения, рассказы и другие рукописи Соттаева при всех их недостатках по своему содержанию не носят антисоветского характера.

При этих обстоятельствах дела следует считать, что Соттаев по данному делу был осужден без достаточных к тому оснований.

Ввиду изложенного судебная коллегия определила:

Приговор Фрунзенского областного суда от 14 апреля 1950 года, определение Верховного суда Киргизской ССР от 6 мая 1950 года и постановление Президиума Верховного суда той же республики от 11 октября 1954 года в отношении Соттаева Адильгери Хаджимуссаевича отменить и дело производством прекратить за необоснованностью обвинения. Соттаева А. Х. из-под стражи освободить.

Председательствующий

И. Аксенов

Члены суда

А. Супатаев
М. Ахджабеков.

Шесть долгих лагерных лет пробыл Адильгери Соттаев на далекой холодной якутской земле. Не согнулся, сердце его не остыло, вера в справедливость не погасла, как солнечный луч жила в нем надежда вновь увидеть родную Балкарию.

После освобождения из лагеря он вернулся в Киргизию, где находилась его семья. Из «лагерного» он превратился в «спецпоселенца». А через несколько месяцев одним из первых среди своих земляков возвратился на родину.

Адильгери Соттаев любил молодежь, хотел видеть ее образованной, культурной, верной национальным обычаям и традиционной дружбе с другими народами. Работая заместителем министра

культуры Кабардино-Балкарской АССР, много лет возглавляя сектор балкарского языка в Кабардино-Балкарском институте истории, экономики и филологии, он большое внимание уделял развитию национальной культуры, работал над учебниками, в которых нуждались балкарские школьники.

Еще в 1940 году А. Соттаев издал учебное пособие «Методика балкарского языка в начальной школе». Через три года после возвращения из ссылки на родину опубликовал книгу «К вопросу преподавания русского языка в балкарской школе». Позже издал ряд других работ, в том числе учебник для первого класса балкарских школ «Балкарский язык», участвовал в составлении «Русско-кабардино-балкарского разговорника», занимался научными проблемами.

Жизнь, отданная народу,— так можно сказать о жизни Адильгери Хаджимуссаевича Соттаева, человека суровой судьбы, первого балкарца — кандидата педагогических наук, офицера, участника Великой Отечественной войны, спецпереселенца, «лагерника», ученого, просветителя своего народа.

Отдельные спецпереселенцы обращались с письмами к Берия. В ноябре 1945 г. в адрес Берия направил заявление спецпереселенец Магомет Нурадинович Исламов, по национальности чеченец, проживавший в городе Фрунзе.

«Маршалу Советского Союза товарищу Л. П. Берия». Так начинается его заявление. «После шестилетней службы в рядах нашей славной Красной Армии,— пишет Исламов,— в октябре 1945 года по состоянию здоровья я уволен в запас. В Красную Армию я пришел рядовым солдатом и уволился гвардии старшим лейтенантом. Хочу коротко познакомить Вас со своим происхождением и

деятельностью. Я, Исламов Магомет Нурадинович, родился в сентябре 1917 года в семье батрака — красного партизана Исламова Нурадина Джемалдиновича, который работал с 1923 г. по май 1943 года в лесничестве старшим лесным объездчиком, умер при исполнении служебных обязанностей. Мать моя — Исламова Б. У. умерла по болезни в 1934 г., брат мой Исламов Д. Н., исполняя работу председателя райисполкома, погиб в 1942 году. Другой мой брат Исламов А., призванный со мною вместе в Красную Армию, в боях за нашу Социалистическую Родину в 1941 году погиб под городом Петрозаводском. Я воспитывался с 1927 г. по 1935 г. в советской школе на государственном иждивении в городе среди русских».

В сентябре 1941 года на фронте Исламов вступил в члены Коммунистической партии. «В самый разгар боя с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к городу Петрозаводску и Медвежьегорску,— писал Исламов,— когда, выполняя приказ тов. Сталина, наши освобождали указанные города, из письма, полученного от своего брата, честно работавшего в системе Центроспецстроя в гор. Грозном, мне стало известно о выселении моей семьи вместе с чечено-ингушским народом. Получив это, откровенно говоря, печальное известие, я почти что не обратил на него внимания, т. к. в тот момент мысли мои были сосредоточены на разгроме врага, тем более, я был уверен в том, что ни брат мой, ни несовершеннолетние сестры не запятнали себя, выступая против мероприятий, проводимых партией и Советской властью.

Теперь, когда война советским народом и Красной Армией победоносно завершена на западе и на востоке, когда мы живем мирным трудом, я решил заняться разрешением своего личного вопроса.

Мне неизвестно, чем я заслужил недоверие? Ведь я в 1940 году по первому зову, зная свой долг перед Родиной, зная, что служба в Красной Армии есть почетная обязанность каждого гражданина СССР, вместе со своим братом ушел на службу в Красную Армию и воевал на Волховском, Ленинградском и Карельском фронтах. Защищал город Ленина со дня блокады по день полной ее ликвидации, где получил тяжелое ранение.

Уважаемый тов. Берия! Человек, совершивший преступление перед Родиной, безусловно, заслуживает наказания. Могу ли я узнать, когда и что именно преступного сделал я?

Не сомневаюсь в том, что, проживая в любом крае или республике Советского Союза, мы также честно будем трудиться, но волнует то, что я со своей семьей ограничен в правах, которыми пользуется каждый честный гражданин Советского Союза. Наконец, волнует и то, что я, вернувшись после войны, лишился всего имущества, приобретенного до ухода в Красную Армию, а также оставшегося после смерти родителей.

Надеюсь, мое заявление Вами будет рассмотрено и я вместе со своей семьей буду реабилитирован и буду пользоваться всеми теми правами, которые имеет каждый честный гражданин Советского Союза».

Нет, не получил спецпереселенец Магомет Исламов прав, которыми пользовался «каждый честный гражданин Советского Союза».

Нажмудин Чочаев в марте 1950 г. обратился с письмом к министру внутренних дел СССР Круглову и министру Вооруженных Сил СССР Василевскому. Чочаев писал: «Родился я в 1920 году в селении Гунделен Эльбрусского района бывшей Кабардино-Балкарской АССР, в семье бедняка, по

национальности балкарец. В 1939 году со школьной скамьи я добровольно поступил в ряды Красной Армии и служил до 1946 года. Участвовал в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских оккупантов до 5 мая 1945 года, где получил три ранения. Демобилизовался в 1946 году. Имею пять правительственных наград:

1. Орден Отечественной войны II степени.
2. Два ордена Красной Звезды.
3. Медаль «За взятие города Будапешта».
4. Медаль «За победу над Германией».

Имею шесть благодарностей от товарища Сталина за участие в уничтожении немецких войск и за освобождение городов». Далее Чочаев сообщает, что в то время, когда он находился на фронте, балкарцы были выселены в Среднюю Азию, а семья его — мать, две сестры, жена и сын — в Сузакский район Джалал-Абадской области Киргизской ССР. Далее он пишет: «Для меня, молодого советского офицера, имеющего столько заслуг перед Советской Родиной, очень обидно носить пятно, имя спецпереселенца, в то время, когда меня никто не выселял ниоткуда. Я выполнял свой долг перед Родиной и вдруг после демобилизации из Советской Армии оказался спецпереселенцем. Поэтому прошу Вас, учитывая вышеизложенное, освободить меня от звания «спецпереселенец», чтобы я мог гордиться за свою социалистическую Родину наравне с другими демобилизованными офицерами и быть таким же, как они, гражданином нашего Великого Советского Союза.

Прошу Вас удовлетворить мою просьбу».

Письмо Нажмудина Чочаева, пройдя через цензуру спецкомендатуры и органы МВД, спустя три недели, а точнее 5 апреля 1950 года оказалось в приемной Военного министра СССР Александра Михайловича Василевского. Но даже он, маршал Советского Союза, известный советский полководец, не в состоянии был облегчить участь демобилизованного офицера Советской Армии, по злой воле оказавшегося в ссылке. Так и остался старший лейтенант запаса Чочаев, герой Великой Отечественной войны, с клеймом спецпереселенца.

Султан Кайтмурзаевич Бабаев работал в Управлении МВД по Алта-Атинской области Казахской ССР старшим оперуполномоченным. В 1947 году по ходатайству МВД ему удалось поступить на заочное отделение исторического факультета Казахского государственного педагогического института имени Абая.

На всю жизнь запомнил Бабаев офицерское совещание работников МГБ и МВД Казахской ССР, проходившее в 1948 году в актовом зале Министерства внутренних дел. В президиуме — руководящие работники МВД и МГБ республики во главе с министрами. В зале, рядом с лейтенантом Бабаевым, находились старший лейтенант Мадалов (чеченец), капитан Шадиев (ингуш), младший лейтенант Ласкаев (чеченец). Их было всего несколько человек, офицеров, принадлежавших к ссыльным народам.

Слово было предоставлено генерал-лейтенанту Шарарову из аппарата МВД СССР. Говоря о спецпереселенцах, генерал сказал, что не нужно было везти их в Казахстан, а надо было везти их дальше, на восток, к Тихому океану и там утопить.

Как хлыстом, полоснули эти слова по находившимся в зале чеченцам, ингушам, балкарцам. Они сидели, сжав зубы, силой воли сдерживая в себе

неистовое желание бросить в бериевского генерала гневные слова в защиту своих униженных и оскорбленных народов.

В том же 1948 году вышел приказ МВД СССР об увольнении из органов всех чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков, крымских татар. К представителям репрессированных народов у Берия доверия не было, хотя работали они честно и добросовестно и состояли в той же партии, что и всемогущий Лаврентий Павлович.

На увольняемых из органов МВД составлялись заключения. Вот что было записано в заключении на С. К. Бабаева: «За время работы в органах МВД Казахской ССР характеризуется положительно». И в то же время в этом же заключении читаем: «Старшего оперуполномоченного 1-го отделения ОББ Алма-Атинской области лейтенанта Бабаева Султана Кайтмурзаевича из органов МВД уволить за невозможностью дальнейшего использования, о чем возбудить ходатайство перед Управлением кадров МВД СССР».

Заключение было подписано тремя руководящими работниками МВД Казахской ССР и утверждено министром внутренних дел генерал-майором А. Пчелкиным. Где же здесь логика? Султан Бабаев руководством МВД Казахской ССР характеризуется положительно. В то же время это же руководство ходатайствует об его увольнении. За что? В чем провинился старший оперуполномоченный С. К. Бабаев? Да ни в чем. Причина увольнения была одна: Бабаев по национальности балкарец. Этого было достаточно, чтобы согласно приказу Берия с лейтенанта сняли офицерские погоны и с клеймом спецпереселенца бросили за шлагбаум спецкомендатур. Султан Бабаев считал для себя — фронтовика-офицера, вчерашнего сотрудника Министерства внутрен-

них дел эту процедуру унижительной, оскорбляющей его человеческое достоинство и звание коммуниста. Он обратился с письмом к В. М. Молотову.

«Отец мой умер, когда мне исполнилось шесть лет,— писал Бабаев.— С этого возраста и до совершеннолетия я воспитывался нашим государством. В 1937 году вступил в ряды Ленинского комсомола, а с 1940 г. по сентябрь 1941 г. работал преподавателем 5—7-х классов Белореченской средней школы. В сентябре 1941 г. был мобилизован в ряды Советской Армии и на военной службе находился до мая 1949 г. Большую часть военной службы провел в войсках и органах МВД. Участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками, имею награды». Далее Бабаев сообщал о своей работе в Управлении МВД по Алма-Атинской области и об увольнении из органов. «На шестом году после переселения балкарцев, т. е. в конце 1949 года,— писал Бабаев,— я взят на учет как спецпереселенец, и на меня распространены все ограничения. Чем я заслужил эти ограничения? Суровые испытания Великой Отечественной войны я выдержал с честью, так же, как и миллионы советских людей, служил и боролся с врагами после окончания войны. Я не знаю, за что несу не заслуженное мной наказание.

Дорогой Вячеслав Михайлович! Я не заслуживаю этих ограничений, не завоевывал их, а поэтому мучительно только и никак не могу ужиться с ними.

Мои товарищи, оканчивающие институт, с радостью пойдут на работу, а меня, коммуниста, офицера запаса будут конвоировать к месту работы.

Мои родители в условиях царского самодержавия были темные и бесправные люди, а я в условиях нашей советской действительности получаю выс-

шее образование. Этим я обязан нашей партии, нашему родному правительству и великому вождю всех угнетенных народов Ленину.

Дорогой Вячеслав Михайлович! Прошу Вас оказать мне доверие, снять с меня указанные ограничения, ибо какой же я учитель с такими ограничениями.

Доверие нашей партии и нашего народа оправдаю с честью. 22 апреля 1952 г.».

Это письмо до Москвы не дошло. Оно оказалось в Министерстве государственной безопасности Казахской ССР. На письме офицер МГБ Лукин сделал запись: «Заявление Бабаева Султана МГБ Каз. ССР рассмотрено, в ходатайстве об освобождении из спецпоселения отказано. 3 мая 1952 г.».

В Алма-Ате Султан Бабаев успешно окончил Педагогический институт, стал учителем истории.

Неисповедимы судьбы людские. Когда балкарцы возвратились на родину, Бабаев был назначен заместителем министра, а в 1961 году — министром внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР. Семнадцать лет проработал он в этой должности и ушел в отставку в звании генерал-майора.

Жанакант Жунусович Залиханов до выселения балкарцев работал в должности первого секретаря Черекского райкома партии. В городе Фрунзе, занимая должность заместителя директора Киргизского государственного издательства, являясь членом Союза писателей СССР, он, как и все спецпереселенцы, обязан был выполнять унижительную процедуру: ежемесячно посещать спецкомендатуру и отмечаться в ней. 28 октября 1949 года Ж. Залиханов направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова письмо.

«Обращаюсь к Вам, товарищ Маленков, с вопросом, решение которого является для меня вопро-

сом жизни и смерти,— писал Залиханов. — Я сын крестьянина-бедняка, балкарец, родился в 1917 году. В 1936 году меня оторвали от учебы и направили на работу в редакцию газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария»; с этого дня началась моя трудовая жизнь. В 1937 году Кабардино-Балкарский обком ВКП (б) послал меня в Москву на центральные курсы редакторов-переводчиков при ЦК ВКП(б). С 1938 по 1941 год я работал главным редактором Каббалкгосиздательства, а с 1941 г. до дня оккупации города Нальчика немцами — секретарем Нальчикского горкома ВКП(б). Эвакуировался в Тбилиси вместе с руководством КБАССР. Прибыв в Нальчик с передовыми частями Советской Армии, решением бюро обкома ВКП(б) был утвержден первым секретарем Черекского райкома ВКП(б), где проработал до дня переселения балкарцев, т. е. до 8 марта 1944 года.

На какие бы посты ни ставила меня партия, я везде честно выполнял свои обязанности, ни партийных, ни административных взысканий не имел. Меня воспитали ленинский комсомол, большевистская партия и советская власть, и поэтому для меня не было и нет другой цели, как жить и работать для партии, родины и народа.

Несмотря на все это, я числюсь переселенцем, состою на спецучете в МВД и без письменного разрешения коменданта не имею права выехать куда бы то ни было. Это меня угнетает морально. Если я, член ВКП(б), все поручения партии, ее Устав и Программу, решения партии и правительства выполняю добросовестно, если я ношу в кармане партийный билет, если партия оставляет меня в своих рядах, следовательно, она доверяет мне, а спецкомендатура МВД, руководствуясь указаниями по своей линии, которые идут вразрез с генераль-

ной линией ВКП(б), считает меня каким-то преступником, отщепенцем, не разрешает без ее ведома и шагу ступить.

Я полагал, что в период переселения не было возможности разобраться в каждом переселенце в отдельности. Ведь когда лес рубят, щепки летят. Но со времени переселения прошло уже более пяти лет. Почему же я, оставаясь членом ВКП(б) и честным гражданином своей страны, до сих пор остаюсь на подозрении, как и те преступные элементы, против которых я воевал?

Уважаемый товарищ Маленков! Неужели в нашей стране социализма я должен страдать только потому, что являюсь балкарцем?

Почему меня, секретаря партийной организации Киргосиздата, многие товарищи попрекают кличкой «переселенца», не верят, что я член ВКП(б), считают меня «условным» коммунистом. Разве в большевистской партии, в партии Ленина — Сталина существует разделение на настоящих и условных членов ВКП(б)?

Убедительно прошу Вас, товарищ Маленков, дать указание МВД СССР смыть с меня позорное пятно, снять с учета спецкомендатуры, как честного, преданного коммуниста и гражданина.

Глубоко уверен, Георгий Максимилианович, что Вы положительно решите мой вопрос, от которого зависит моя дальнейшая судьба».

На это письмо ответа не последовало. Вероятно, оно осело в архиве Министерства внутренних дел Киргизской ССР, как и многие письма других спецпереселенцев, адресованные в высшие инстанции страны, а могло по счастливой случайности оказаться и в Москве, в ЦК. Но коммунист Залиханов был твердо уверен, что его письмо дошло до адресата и что он должен получить ответ от секретаря

ЦК ВКП(б). Наивный человек! Униженный тоталитарным режимом, урезанный в правах, находясь на положении ссыльного, он еще верил, что секретарь ЦК ВКП(б) ответит бывшему секретарю райкома партии. Но этого не случилось. Секретарь Центрального Комитета Георгий Максимилианович Маленков был занят более важными делами, чем судьбой вышвырнутых из общества людей, но оставленных в рядах партии.

Высший партийный аппарат оставил у ссыльных коммунистов партийные билеты. Казалось, доверие к ним не потеряно. Но в то же время высший партаппарат держал их за шлагбаумом спецкомендатур и требовал дважды в месяц регистрироваться у коменданта. Где логика? Возникает вопрос: в каком же случае высший партаппарат согласовывал свои действия со своей совестью: когда разрешал коммунистам-спецпереселенцам носить партийные билеты и выполнять уставные требования или когда запрещал им выходить за шлагбаум спецкомендатур и терпеливо нести позорное клеймо спецпереселенца?

Несколько писем отправил из ссылки И. В. Сталину, М. И. Калинину и Л. П. Берия Керим Отаров, известный балкарский поэт, коммунист, инвалид Великой Отечественной войны, проживавший в г. Фрунзе. В письмах он просил разрешить балкарцам возвратиться на родную землю, в Балкарию. Ответа на письма он не получил.

15 декабря 1955 года Отаров обратился с письмом на имя первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова. Он писал:

«Я, как коммунист, решил обратиться к вам по одному важному вопросу, который меня волнует, и моя совесть, совесть коммуниста, требует от меня обратиться к моей партии, к вам, ее руководителям, и руководителям Советского государства, рассказать о том, что я думаю о судьбе моего народа. Этот вопрос — вопрос о судьбе маленького балкарского народа, из среды которого я вышел.

Я глубоко уверен в том, что мой несчастный народ был выселен по вине врага советского народа Берия и его приспешников. Известно, что этим делом занимался Берия сам лично. Балкарцы были отторгнуты от братской Кабарды и переселены из родных гор по распоряжению Берия. Обосновывая свое решение необъективными данными, Берия злоумышленно и лживо информировал правительство о Балкарии. Он оклеветал горских тружеников, оскорбил, унизил и лишил их родных гнезд. Он выставил балкарцев как разбойников и бандитов, врагов Советской власти. Этим самым балкарцы были обречены на тяжелые лишения материально и морально. Но в данном случае главное не это. Умерших от голода детей, женщин и стариков невозможно воскресить. Речь о судьбе живых».

Далее Керим Отаров пишет о том, как зажиточно жили балкарцы в предвоенные годы, об их участии в Великой Отечественной войне.

«Крошечный балкарский народ,— продолжает он,— был и остается одним из самых трудолюбивых народов, каких только знает мир. Это он показал в достаточной мере и в Средней Азии, хотя он находился в самых тяжелых условиях и в материальном и в моральном отношении. На Кавказе балкарцы веками растили зерно, можно сказать, прямо на скалах, косили сено над пропастями, dna которых не видно, действительно, трудились, как му-

равьи. Мой маленький народ считался не только одним из самых трудолюбивых, но и одним из самых талантливых на Северном Кавказе. Он, как и всякий народ, независимо от численности, в течение веков создал золотые россыпи поэзии, чудесный самобытный мир заключен в его сказках, нестареющая мудрость — в его пословицах, неувядающая поэтическая сила — в его песнях и эпических поэмах. Наш народ, как и любой другой, имеет свой прекрасный язык, самобытную культуру. Все это он берег отважно, сохранил в течение веков под ударами жестоких завоевателей, когда воин был нужен в горах не меньше пахаря, когда могил павших в горах за свободу было больше, чем живых. Крупнейшими русскими учеными давно было установлено, что балкарцы жили в своих горах начиная с девятого века. За долгие столетия у народа сложился свой национальный характер. Ныне речь идет о существовании самого дорогого для народа — родной земли, языка и созданной веками культуры. И я, сын своего маленького народа, люблю свой родной язык, свою родную землю, свою национальную советскую культуру так же горячо, как и сын любого другого народа. Поэтому прошу понять мои чувства.

Я глубоко убежден в том, что мой народ не виноват перед родным Советским государством. Были виноваты отдельные, чуждые народу элементы, выходцы из Балкарии, враги балкарских трудящихся, предатели Родины, жалкие трусы, притом их было ничтожно малое количество. Основные же массы балкарского народа всегда были на стороне родной Советской власти, такими остаются по сей день и останутся навсегда. Это тоже достаточно хорошо доказали балкарцы и за одиннадцать лет жизни в Средней Азии своим честным трудом. Весь

мой народ считает, что он был оклеветан врагами советского народа, унижен и переселен. Роль Берия в этом деле общеизвестна. Несмотря на то, что я, как и все представители моего народа, в том числе и коммунисты, в течение 11 лет не имел права, имея партийный билет в кармане, выехать за пределы города, в котором проживал, без особого на то разрешения специальной комендатуры, я никогда за эти годы не путал действия таких проходимцев и авантюристов, как Берия, с делами Советской власти, за которую я не жалел ни крови, ни жизни на фронтах Отечественной войны и, если потребуется, не пожалею и впредь. Мы все понимали, кто был виноват в трагической судьбе балкарского народа.

В течение 11 лет пребывания в местах поселения моего народа я не переставал думать о его судьбе. Чувство ответственности перед семьями, детьми моих погибших за Родину товарищей не дает мне покоя и заставляет с этой великой просьбой обратиться к вам. Просьба моя о том, чтобы наше родное Советское правительство разрешило балкарцам вернуться на свою родную древнюю землю, политую их потом и кровью.

Не считаясь с тем, что я, прикованный на всю жизнь к костылям, инвалид без ноги, летом этого года объездил всю территорию Балкарии. Видел сам, что территория Балкарии в основном пустует. Замечательные высокогорные пастбища в районах Чегема, Черека, Безенги, Хулама, Баксана, Гунделена, Кашкатау не используются. Все эти годы земли там остаются заброшенными, там никто не может заниматься скотоводством так, как это делали балкарцы, всегда считавшиеся лучшими скотоводами Кавказа. Самое главное, что благоприятствует

положительному разрешению этого вопроса, заключается в том, что при возвращении балкарцев на прежние земли, переселять оттуда никого не будет надобности. Возвращение же балкарцев снова поднимет экономику Кабарды и принесет стране только пользу. Я уверен, что никакой национальной розни и вражды со стороны балкарцев не будет проявлено никогда. Я это утверждаю, зная и учитывая национальный характер балкарцев. Это также подтверждается всей историей жизни моего народа, у балкарцев никогда не было националистического отношения ни к русским, ни к кабардинцам, ни к другим соседним народам. Вернувшись на родную землю, балкарцы снова будут трудиться с удвоенной энергией. Я знаю свой народ и за него ручаюсь головой. То же самое несомненно скажут все или почти все коммунисты-балкарцы. Мы уверены в том, что кабардинский народ не будет возражать против возвращения балкарцев, наоборот, будет рад.

В 1957 году исполняется 400 лет со дня присоединения Кабарды и Балкарии к России. Все балкарцы горячо желают эту знаменательную дату в жизни народа отмечать на своей родной земле вместе с братской Кабардой. За 11 лет пребывания на местах поселения мне приходилось встречаться с сотнями балкарцев. Клянусь своей совестью коммуниста, я не встречал ни одного балкарца, который не лелеял бы мечту о возвращении на Кавказ. Не преувеличиваю. **И это горячее желание народа** вернуться на землю отцов заставило меня обратиться с этим письмом к вам.

Если бы я не был глубоко убежден в том, что возвращение балкарцев принесет не вред нашей Родине, делу нашей партии, а пользу, я не стал

бы просить вас, ибо я прежде всего коммунист и в первую очередь дороги мне интересы нашей Великой Советской Родины. Я, коммунист-интернационалист, люблю и глубоко уважаю все народы и их культуру, горячо люблю великий русский народ, на культуре которого воспитывалось не только одно мое поколение горцев, который помог моему маленькому народу освободиться от векового гнета, но я также горячо люблю и свой несчастный народ и всей душой хочу, чтобы он был возвращен в ряды других счастливых народов нашей Советской Родины. Всей душой хочу, чтобы слова «переселенец», «бандит», «фашистский пособник», какими нас щедро наделяли всегда в течение 11 лет пребывания в местах поселения, наконец перестали преследовать, как проклятье, нас. Я был и остаюсь сыном партии и народа, я был вашим солдатом, верным солдатом; отдавшим полжизни и здоровья за дело руководимой вами партии. И вот я хочу, чтобы вы услышали мой голос, голос коммуниста, хочу оставшуюся жизнь свою прожить как человек, хочу, чтобы мои дети не проклинали меня после моей смерти за то, что они балкарцы. А ведь таких, как я, защитников Родины — живых и мертвых, не одна тысяча, сынов Балкарии. Ни одно племя нашей страны в настоящее время не нуждается так в заботе о нем, справедливости и великодушии, как балкарский народ.

Я уверен, что возвращение балкарцев в родные горы сделает только честь нашей мудрой партии и нашему правительству, это вновь вернет балкарцев в ряды других счастливых народов и нашего Великого Союза, даст балкарцам возможность поднять свою национальную культуру, это даст балкарскому народу самую величайшую радость, какую

только люди знали на земле, и мой народ останется вечно благодарным Коммунистической партии и Советскому правительству.

В 1917 году балкарцы были спасены партией и Советской властью от угрозы вымирания, и ныне я прошу мудрую партию, созданную самым великим гуманистом человечества и лучшим другом малых народов — Лениным, прошу вас вернуть балкарцев на прежние их земли.

Великая надежда, что ленинское великодушие ЦК КПСС и Советского правительства вернет балкарцев к их родным очагам, теплится в моем сердце».

Это письмо до адресата не дошло. На нем имеется резолюция: «По аналогичному заявлению с т. Отаровым я лично беседовал и ему разъяснил по существу заявления». Подпись под резолюцией неразборчива. Обычно такого рода письма, направлявшиеся из Киргизии в ЦК КПСС, оседали в МВД Киргизской ССР, где, если находили нужным, давали заявителям разъяснения. Какое разъяснение было дано Кериму Отарову, нам неизвестно. Да и какое разъяснение можно было дать? Оправдывать противозаконные действия в отношении северокавказских народов Лаврентия Берия, осужденного в 1953 году и расстрелянного как государственного преступника, навряд ли кто из работников МВД осмелился. Так в чем заключалось разъяснение? Конечно, оно не могло удовлетворить патриота и коммуниста Керима Отарова.

Письма ссыльных — это письма мужественных людей, поднявших голос протеста против незаконной тоталитарной системы сталинского государства, лишивших их родины и гражданских прав. Эти письма — свидетельства высокого духа ссыльных,

не смирившихся с участью заклеянных людей, свидетельства трагических изломов в истории Северного Кавказа середины XIX столетия.

ИЗМЫШЛЕНИЯ «УЧЕНЫХ МУЖЕЙ»

Советская историческая наука не уделяла внимания прошлому выселенных народов. Кого могла интересовать история репрессированных? Но находились отдельные «ученые мужи», которые в своих публикациях затрагивали историю народов Северного Кавказа. Затрагивали лишь для того, чтобы извратить ее, зная наперед, что никто не станет и не посмеет выступить против их «научных» изысканий, а точнее измышлений.

Кандидат исторических наук П. Г. Акритас в статье «Древнейшее название горы Бештау», опубликованной в сборнике статей по истории Кабарды (Нальчик, 1954 г.), касаясь вопроса о происхождении балкарцев, пытался доказать, что они являются крымскими татарами и были якобы переселены на Северный Кавказ турецким султаном и крымскими ханами для осуществления их захватнических планов. Автор писал: «...Стамбул и Крым, как показали последующие события, выработали план совместных действий против кабардинцев». В чем же заключался, по мнению П. Г. Акритаса, этот план? Надо было, отмечал автор, «внести раздор в среду черкесов и тем ослабить их сопротивление... разбить черкесов территориально на обособленные группы». Действительно, султанская Турция немало сделала для того, чтобы создать в среде черкесов враждующие группировки, что, безусловно, облегчало турецким янычарам и крымским ханам совершать опустошительные набеги на

земли адыгов и вселяло надежду у Стамбула, что рано или поздно Кабарда будет завоевана.

Вторая задача по этому агрессивному плану, отмечал П. Г. Акритас, заключалась в следующем: «Занять их (черкесов. — Д. Ш.) неприступный тыл (Верховья Кубани, Малки, Баксана, Чегема и Черек) татарскими племенами, тем самым лишить черкесов надежного недоступного тыла и постоянно угрожать им оттуда, отвлекая их внимание». Как же, по мнению П. Г. Акритаса, Турция и Крым осуществляли эту задачу? «Для этой цели,— утверждал он,— в XVI веке было переселено из Крыма на Кавказ достаточное количество татарских семей, которых поселили в верховьях перечисленных выше рек, лишив черкесов возможности отступления в критические моменты их жизни к неприступным горам и всегда угрожая им с тыла». Возникает законный вопрос: на основании каких источников советский историк П. Г. Акритас утверждал, что балкарцы — диверсионная группа крымских татар, заброшенная в XVI веке в тыл кабардинского народа? Есть ли источники, подтверждающие это утверждение? Нет, таких источников не существует. Ни результаты археологических раскопок, о которых хорошо было известно заведующему сектором археологии Кабардинского научно-исследовательского института П. Г. Акритасу, ни документальные материалы государственных архивов не могут подтвердить это антинаучное и антинародное утверждение. Если верить П. Г. Акритасу, балкарцы являлись выходцами из Крыма и вели свое происхождение от крымских татар. Такое утверждение не выдерживает никакой критики. Балкарцы, как народность, известны были историкам еще задолго до XVI века, к которому П. Г. Акритас пытался отнести появление балкарцев на Сезерном Кавка-

зе. Не имеет под собой научной почвы и утверждение П. Г. Акритаса о том, что появление балкарцев на Северном Кавказе являлось результатом агрессивной политики турецко-крымских захватчиков. В своей статье П. Г. Акритас писал: «После разрешения и второй задачи уже не трудно было туркам и татарам вбить клин между черкесами, чтобы разбить их на части». Турки действительно вбивали клин между черкесами. Это понятно. Они преследовали определенные политические и военные цели. Но непонятно, почему П. Г. Акритас вопреки исторической правде, вопреки историческим фактам пытался извращать историю балкарского народа, клеветать на балкарский народ, голословно обвиняя его в участии в турецко-крымском заговоре против кабардинского народа? Зачем понадобилось советскому историку доказывать недоказуемое, утверждать, что балкарцы являлись орудием борьбы султанской Турции и крымских ханов за захват черкесских земель, за порабощение адыгских племен?

Документальные источники свидетельствуют, что кабардинский и балкарский народы на протяжении многих веков, являясь соседями, жили в братской дружбе и оказывали друг другу поддержку в годину горьких испытаний. История не знает, чтобы балкарцы когда-нибудь находились на службе у турецкого султана или крымских ханов.

Антинаучные утверждения П. Г. Акритаса о происхождении балкарцев наносили вред делу изучения истории балкарского народа и его многовековой дружбы с кабардинским народом.

У историков Грузии, да и не только Грузии, не вызывало сомнения то, что крайней северной границей распространения картвельских племен являлся Кавказский хребет. Однако в 1952 году ле-

нинградский историк Л. И. Лавров в своей статье «Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века», опубликованной в сборнике «Вопросы этнографии Кавказа» (г. Тбилиси), писал, что «в настоящее время эту точку зрения нельзя считать правильной».

Кандидат исторических наук Л. И. Лавров не был новичком в деле изучения истории народов Кавказа, в частности балкарского народа. Еще накануне Великой Отечественной войны у него имелись публикации по истории балкарцев. Тогда у Л. И. Лаврова не возникало сомнения в том, что южной границей балкарцев являлся Кавказский хребет, и то, что для сванов этот же хребет являлся северным рубежом. Но в 1952 г. Л. И. Лавров вопреки исторической правде пытался доказать, «что в некую,— как он писал,— историческую эпоху часть Северного Кавказа, в первую очередь верховья р. Кубани и р. Баксана, были населены сванами». Л. И. Лавров приводил ряд отрывочных данных, которые никак нельзя считать серьезными для научного обоснования выдвинутого им положения. Вот один из доводов: «При слиянии реки Джилги с рекой Чегемом,— писал Л. И. Лавров,— стоит старинная боевая башня, построенная в стиле, который неизвестен на Северном Кавказе. Она увенчана парапетом, в точности воспроизводящем форму парапетов многочисленных башен Сванетии». Дозволительно было бы спросить автора: а разве балкарцы не могли перенять у сванов форму парапета или пригласить для строительства сванских мастеров? Конечно, могли. Такие случаи истории известны.

Указанная Л. И. Лавровым башня действительно была построена сванскими мастерами, но они были приглашены балкарскими князьями Балка-

руковыми, о чем хорошо известно в балкарском народе и о чем свидетельствует русский историк академик В. Е. Миллер.

На страницах своей работы Л. И. Лавров, говоря о балкарцах, совершенно не употреблял термин «балкарцы», а именовал их тюркоязычными племенами или тюркоязычным населением. В работах, опубликованных до выселения народов Северного Кавказа, в частности в статье «Из поездки в Балкарию» (1940 г.), терминология у Л. И. Лаврова другая: нет «тюркоязычных племен», есть — «балкарцы».

Статья «Расселение сванов на Северном Кавказе» была написана Л. И. Лавровым с определенной целью: исторически обосновать принадлежность Грузии той части территории Балкарии, которая была от нее отторгнута по Указу Калинина. Кто мог в 1952 году опровергнуть такое, с позволения сказать, «научное» обоснование ученого Л. И. Лаврова? Никто — балкарцы находились в ссылке.

Статья Л. И. Лаврова вносила путаницу в изучение вопроса о расселении сванов, не служила интересам укрепления дружбы народов Кавказа.

В тоталитарном государстве, где была ликвидирована традиционная общечеловеческая мораль, балкарский народ был лишен не только родины, не только гражданских прав и возможности развивать национальную культуру, но и предпринимались попытки извратить его историю, о чем говорят приведенные факты.

ОТТЕПЕЛЬ

Шли годы. Трудолюбие спецпереселенцев, их стойкость к превратностям судьбы, терпение и выносливость показали местному населению, что лю-

ди, которых окрестили «спецпереселенцами» — это такие же, как и они, простые советские люди, а не бандиты и изменники Родины. В отношениях между ними постепенно наметилось потепление, переросшее в дружбу. В подтверждение того могут служить смешанные браки. Можно привести немало примеров, когда балкарки выходили замуж за казахов и киргизов или когда балкарцы брали в жены киргизок и казашек.

В 1950 году балкарка Маржан Газаева вышла замуж за казаха Соткабая Каибжанова. Вырастили четырех детей, имеют внуков и по сегодняшний день живут в Джамбульской области в селении Кызылту.

Жансурат Гижгиева тоже вышла замуж за казаха. Приняла фамилию мужа, стала Шалгинбаевой. Когда балкарцы стали возвращаться на родину, уговорила мужа уехать в Балкарию. Вот уже много лет живут они в селении Яникой Чегемского района. Дети их работают в совхозе имени Байсултанова. Балкарец Даулет Гулиев женился на киргизской девушке Айше. Привез ее в селение Былым, где живут и поныне. На севере Казахстана, в Павлодарской области, живет со своей семьей балкарка Лима Джунусова. Девичья фамилия ее — Шаваева. Вышла замуж за казаха и осталась со своими детьми, а их у нее семеро, на родине мужа. Таких примеров можно привести немало, и все они говорят о крепнувшей из года в год дружбе северокавказских народов с казахами и киргизами, дружбе, имевшей важное значение для ссыльных в их борьбе за выживание в условиях жестокого режима тоталитарной системы.

В марте 1953 года умер И. В. Сталин. А через четыре месяца, в летний июльский день, радио разносило по всей стране потрясающую новость: Лав-

рентий Берия — заклятый враг народа, шпион международного империализма. И все в это поверили. Поверили потому, что более страшной, омерзительной, ненавистой фигуры в истории советского общества не было. Газета «Правда» информировала: «Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев сообщение Совета Министров СССР о преступных действиях Л. П. Берия как агента иностранного капитала, направленных на подрыв Советского государства, постановил: снять Л. П. Берия с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и с поста министра внутренних дел СССР и привлечь Берия к судебной ответственности»¹

Зловещий сталинский сатрап, Малюта Скуратов XX века, жаждавший единоличной власти в стране и рвавший к ней, не считаясь ни с чем и не щадя никого, Лаврентий Берия был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян за измену Родине, за организацию антисоветского заговора, за совершение террористических актов. Спустя десятилетия нам стали известны некоторые подробности «дела Берия», и навряд ли сегодня кто-то считает, что Берия был шпионом международного империализма. Сейчас мы знаем то, чего не могло знать большинство наших сограждан, живших в июле 1953 года. Время и гласность делают свое дело, и нам сегодня известно о многих вопиющих преступлениях Берия против народов СССР. Его надо было казнить не как шпиона международного империализма, а как руководителя массовых репрессий, за превращение сотен тысяч советских граждан в лагерную пыль, за выселение целых народов, за их страдания и унижения, за их муче-

¹ Правда, 1953, 10 июля.

лическую жизнь за шлагбаумом спецкомендатур НКВД.

Приходится сожалеть, что об этих преступлениях Берия на суде ничего не было сказано. Как будто и не существовало архипелага ГУЛАГ не было изуверских пыток и глумления над человеческой личностью бериевских энкавэдэшников, не было ни черных «воронков», ни ночных расстрелов безвинных жертв, не было холодных и смрадных поездов с эшелонами карачаевцев, калмыков, чеченцев ингушей, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев, увозимых под дулами автоматов с родных мест в ссылку, и безысходного горя этих народов, медленно умиравших на чужбине от голода и эпидемий.

Нет, Берия надо было судить не как агента международного капитала, каковым он никогда не был, а как обер-палача, возвращенного тоталитарным сталинским режимом.

После смерти Сталина и разоблачения Берия, казалось, все противоправные акты против выселенных народов должны были бы быть осуждены и отменены как несовместимые с принципами цивилизованного государства. Однако этого не произошло. Но надежда, что справедливость восторжествует, жила в сердцах репрессированных народов.

Первым правительственным актом, направленным на смягчение правого режима спецпереселенцев, явилось постановление Совета Министров Союза ССР от 5 июля 1954 года «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Но это постановление не снимало с народов Северного Кавказа, калмыков и крымских татар позорных обвинений. Для того чтобы снять эти обвинения, надо было разоблачить и осудить ста-

линщину — порождение тоталитарного государства, и только тогда можно было бы говорить о бесчисленных жертвах репрессий, в том числе и целых народов.

По постановлению Совета Министров СССР спецпереселенцы отныне именовались спецпоселенцами. Им разрешалось перемещаться в пределах той области или республики, в которой они проживали, не спрашивая для этого разрешения спецкомендатур. Если раньше каждый спецпереселенец обязан был являться в спецкомендатуру для регистрации один раз в месяц, то теперь достаточно было одной явки в год. С учета спецкомендатур снимались дети до 16 лет, а также лица старше 16, принятые в учебные заведения в любом пункте страны. Этим и ограничивалось послабление режима. Сотни тысяч спецпоселенцев, как и раньше, являлись людьми «второго сорта», они по-прежнему оставались во власти спецкомендатур, не имея права посещать даже родные могилы на родной земле. Вот полный текст этого постановления.

«В результате дальнейшего упрочения советского общественного и государственного строя и учитывая, что в настоящее время основная масса спецпоселенцев, выселенных в районы Казахской, Узбекской, Киргизской и Таджикской ССР, Коми, Башкирской и Якутской АССР, Алтайского, Красноярского и Хабаровского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Свердловской и других областей, будучи трудоустроена в сельском хозяйстве и промышленности, включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обосновалась в новых местах жительства, и, считая, что в связи с этим применение к ним ныне существующих ограничений в пра-

вовом положении не вызывается необходимостью, Совет Министров Союза ССР **постановляет:**

1. Предоставить лицам, состоящим на учете спецпоселений, занимающихся общественно полезным трудом, право проживания в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам — право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях.

Не распространять этого права на лиц из числа спецпоселенцев, которые не занимаются общественно полезным трудом, нарушают режим и общественный порядок в местах поселения.

2. Во изменение существующего порядка установить для спецпоселенцев личную явку на регистрацию в органы Министерства внутренних дел СССР один раз в год. Лица, меняющие постоянное место жительства, обязаны сняться с учета в спецкомендатурах и встать на учет по новому месту жительства в органах Министерства внутренних дел СССР.

3. Снять с учета в органах Министерства внутренних дел СССР детей спецпоселенцев до 16-летнего возраста включительно, освободить их из-под административного надзора и не применять к ним в дальнейшем ограничений, установленных для спецпоселенцев.

4. Снять с учета спецпоселений детей старше 16 лет, принятых и направленных в учебные заведения, разрешить им выезд к месту учебы в любой пункт страны.

5. Отменить применение штрафа и ареста, как административных мер наказания к спецпоселенцам, за нарушение режима в местах поселения.

6. Обязать Советы Министров союзных и автономных республик, исполкомы краевых и област-

ных Советов депутатов трудящихся усилить политическую работу среди спецпоселенцев, вовлекая их в активную общественно-политическую жизнь. Спецпоселенцы, как и другие трудящиеся, должны вовлекаться в профсоюзные, комсомольские организации, а также поощряться и награждаться за трудовые успехи и использоваться на работе в соответствии с их образованием и специальностью.

7 Настоящее постановление не распространяется на лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления и направленных в ссылку на поселение после отбытия наказания, а также на категории спецпоселенцев, указанные в Приложении.

**Председатель Совета Министров
Союза ССР**

Г. Маленков

**Управляющий Делами Совета
Министров СССР**

А. Коробов²

Это было, как сказано выше, первое постановление Советского правительства, обратившее внимание на горестную судьбу спецпоселенцев, в чьих сердцах не заживала рана, нанесенная Указами М. И. Калинина в 1943—1944 годах, и питавших надежду на дальнейшее смягчение режима ссыльных.

Но дискриминация спецпоселенцев продолжалась. Их по-прежнему считали людьми второго сорта, хотя трудились они не хуже местного населения на колхозных и совхозных полях, в шахтах, на промышленных предприятиях и рудниках.

Эпизод, о котором я хочу рассказать,— красноречивое свидетельство отношения официальных

² ЦГА КБР, ф. 774, оп. 1, д. 19, л. 3, 4.

властей к спецпоселенцам даже спустя более десятилетнего пребывания их в ссылке

Осенью 1954 года в Алма-Ате проходило совещание партийно-хозяйственного актива Казахстана. Оно было посвящено освоению целинных и залежных земель. На совещание прибыли руководящие: партийные, советские и хозяйственные работники, активисты-целинники из всех областей республики. Среди целинников находилась небольшая группа балкарцев, чеченцев, ингушей и карачаевцев — передовиков сельскохозяйственного производства. Был среди них и бригадир из Акмолинской области Ибрагим Малкаров, балкарец по национальности, участник Великой Отечественной войны, награжденный многими боевыми орденами и медалями.

В работе совещания принимал участие первый секретарь ЦК КП Казахстана Л. И. Брежнев. Он выступил с большой речью. В начале своего выступления Брежнев, обращаясь к залу, сказал: «Как мне сообщили, здесь, на совещании, находятся представители репрессированных народов. Прошу их покинуть зал».

Для всех присутствующих это обращение явилось неожиданностью: В зале повисла тягостная тишина. Через минуту в задних рядах произошло движение: балкарцы, чеченцы, ингуши и карачаевцы, недоуменно переглядываясь, оскорбленные и униженные, покидали зал. Ибрагим Малкаров громко крикнул:

— Зачем же приглашали? — Но ответа на эту реплику не последовало.

23 марта 1955 года Совет Министров СССР издал распоряжение, по которому спецпоселенцы призывного возраста снимались с учета спецкомен-

датур и призывались в ряды Советской Армии. Вот его текст:

«1. Принять предложение Министерства внутренних дел СССР и Министерства обороны СССР:

а) о призыве, начиная с 1955 года, на действительную военную службу в соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности граждан СССР из числа спецпоселенцев, родившихся в 1936 году, и о призыве в дальнейшем на общих основаниях лиц, родившихся после 1936 года, с которых согласно Постановлению Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. № 1439—649 сняты некоторые ограничения в правовом положении;

б) о снятии с учета спецпоселения призванных на действительную военную службу и направлении их для прохождения службы в воинские части по указанию Генерального штаба.

2. Обязать Министерство обороны СССР и Министерство внутренних дел СССР провести необходимую разъяснительную работу среди молодежи из числа спецпоселенцев, призываемой в Советскую Армию.

**Председатель Совета
Министров Союза ССР**

Н. Булганин³

24 ноября 1955 года Совет Министров СССР принял постановление «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев». Вот его текст. «Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Снять с учета и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР:

— участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями Совет-

³ ЦГА КБР, ф. 774, оп. 1, д. 19, л. 9.

ского Союза, членов семей погибших на фронтах Отечественной войны и преподавателей учебных заведений;

— женщин, вступивших после водворения их на спецпоселение в законный брак с местными жителями, не являющимися спецпоселенцами;

— женщин русской, украинской, белорусской и других национальностей, не подлежащих выселению, но выселенных вместе с немцами, крымскими татарами, чеченцами, ингушами, карачаевцами, балкарцами, калмыками, турками, курдами и хемшилами по признакам их супружеских отношений, которые в настоящее время прекратились;

— одиноких инвалидов и лиц, страдающих неизлечимым недугом, которые не могут самостоятельно обеспечить свое существование и нуждаются в постоянном уходе за ними.

2. Установить, что лица, снятые с учета и освобожденные из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР, могут проживать в любом пункте страны, кроме той области (края, автономной республики), где они проживали до выселения. Жилые дома и другие помещения, принадлежавшие освобождаемым из спецпоселения по-прежнему местожительству до выселения, возвращению не подлежат.

3. Обязать Министерство внутренних дел СССР обеспечить строгое соблюдение паспортного режима лицами, освобождаемыми из спецпоселения.

4. Разрешить Министерству внутренних дел СССР впредь снимать с учета и освобождать из-под административного надзора Министерства внутренних дел СССР лиц, подпадающих под действие пункта первого настоящего постановления.

5. Обязать Советы Министров союзных и автономных республик и исполкомы местных Советов депутатов трудящихся провести среди спецпоселенцев необходимую разъяснительную работу в связи с настоящим постановлением.

Зам. Председателя
Совета Министров СССР

М. С а б у р о в

Управляющий Делами
Совета Министров СССР

А. К о р о б о в⁴.

По этому постановлению Советское правительство через десять лет после окончания Великой Отечественной войны разрешило спецпоселенцам — бывшим воинам, освобождавшим нашу Родину от фашистских захватчиков, свободно передвигаться по стране. Постановление давало участнику войны право переселяться на новое место жительства в другую область или республику, кроме родного для него края, откуда была выселена его семья. Но участник войны не мог воспользоваться этим правом, так как оно не распространялось на членов его семьи. А как он мог покинуть место ссылки без жены и детей? И тысячи бывших фронтовиков вынуждены были оставаться на той земле, к которой были привязаны спецкомендатурами.

В феврале 1956 года состоялся XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. На съезде был разоблачен культ личности Сталина, «распространение которого умаляло роль партии и народных масс, принижало роль коллективного руководства в партии и нередко приводило к серьезным упущениям в работе»⁵, как указывалось в резолю-

⁴ ЦГА КБР, ф. 774, оп. 1, д. 19, л. 6.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. С. 111.

ции съезда по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС. В этой же резолюции было записано, что съезд «поручает Центральному Комитету не ослаблять борьбы против пережитков культа личности, во всей своей деятельности исходить из того, что подлинными творцами новой жизни являются народные массы»⁶. А народные массы в лице балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев еще продолжали именоваться спецпоселенцами, находились в ссылке, лишены права возвратиться на родную землю.

XX съезд КПСС сыграл важную роль в судьбе репрессированных народов. Спецпоселенцы считали — раз осужден культ личности Сталина, значит, должны быть осуждены и его преступные действия против народов. Но все было сложнее. В руководстве страны еще оставались приверженцы сталинской политики, те, кто поддержал инициативу Лаврентия Берия о выселении народов. Но жизнь не стояла на месте. В советском обществе после XX съезда партии происходили глубинные позитивные процессы. Они не могли не отразиться на судьбах выселенных народов.

В высшие советские и партийные органы продолжали поступать жалобы участников войны с требованием разрешить ссыльным народам вернуться в родные края.

Как сказано было выше, постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года, снимая с учета спецкомендатур и освобождая из-под административного надзора органов МВД участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза, не

⁶ Там же.

распространялось на членов их семей. Поэтому Совет Министров СССР, исправляя свою ошибку, 12 марта 1956 года принял постановление «О дополнительном снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев». В этом постановлении говорилось:

«Совет Министров Союза ССР постановляет:

В дополнение к постановлению Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 г. № 1963—1052:

— снять с учета спецпоселения и освободить из под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР членов семей участников Великой Отечественной войны, членов семей, лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза, и членов семей преподавателей учебных заведений, распространив на них пункты 2 и 4 постановления Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года № 1963—1052;

— разрешить освобождаемым из спецпоселения одиноким инвалидам, не могущим обеспечить себя средствами существования, возвращаться к своим родственникам, проживающим в местах жительства до выселения.

**Председатель
Совета Министров СССР**

Н. Булганин

**Управляющий Делами
Совета Министров СССР**

А. Коробов⁷.

Теперь участник войны мог переехать на новое местожительство вместе со своей семьей. Но въезд на родину по-прежнему ему был запрещен.

Советское правительство постановлением от 12 марта 1956 года впервые разрешило некоторым

⁷ ЦГА КБР, ф. 774, оп. 1, д. 19, л. 8.

спецпоселенцам вернуться в родные края. Речь шла об одиноких инвалидах, которые не имели средств к существованию. К кому они могли вернуться? Кто их ждал «в местах жительства до выселения?» Похоронив своих близких на чужбине, они получили право умереть на родной земле. Трогательная забота «первой в мире страны социализма» о своих гражданах-инвалидах!

Через месяц, 28 апреля 1956 года, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов подписал Указ «О снятии ограничения по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны». По этому Указу с перечисленных в нем народов снималось позорное клеймо «спецпоселенцы». Вот текст этого Указа.

«Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в 1943—1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузинской ССР и Крыма, в дальнейшем не вызывается необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселений и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны.

2. Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении,

и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР**

К. Ворошилов

**Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР**

Н. Пегов»⁸.

Клеймо сняли, но права вернуться в родные края народам, перечисленным в Указе, не дали. Почему? Если их уже не считали спецпоселенцами и возвращали им гражданские права, стало быть, уравнивали в правах со всеми советскими людьми. Если это так, то почему же не разрешить им вернуться на родину?

В калининском Указе, в других официальных документах ничего не говорилось об имуществе, оставленном спецпоселенцами в местах их прежнего жительства. В ворошиловском Указе впервые признается, что имущество выселенных народов было конфисковано.

К. Е. Ворошилов в довоенные годы неоднократно бывал в нашей республике, посещал кабардинские и балкарские селения, восторгался успехами кабардино-балкарских тружеников. На Всесоюзных совещаниях ставил Кабардино-Балкарию в пример другим республикам и областям страны, называл себя другом Кабардино-Балкарии.

В октябре 1936 года, в дни празднования 15-летия автономии Кабардино-Балкарии, К. Е. Ворошилов направил в адрес обкома ВКП(б) и облисполкома телеграмму, в которой говорилось: «Поздравляю трудящихся Кабардино-Балкарии с 15-летием автономной области.

⁸ Государственный архив Российской Федерации, ф. 7523, оп. 72, д. 619, л. 3.

15 лет тому назад, работая на Северном Кавказе, я вплотную наблюдал первые шаги молодой Кабардино-Балкарской области. Вспоминаю, с какими трудностями приходилось тогда сталкиваться ее строителям, с каким мужеством и настойчивостью боролись и преодолевали они эти трудности...

Очень жалею, что не могу вместе с вами в эти дни присутствовать на вашем всенародном празднике. Примите мое искреннее пожелание народам Кабарды и Балкарии еще более славных побед.

Да здравствует орденоносная советская Кабардино-Балкария!»⁹.

А через семь лет с небольшим, когда Берия поставил перед Государственным Комитетом Обороны СССР вопрос о выселении балкарцев, «друг Кабардино-Балкарии» не произнес ни единого слова в защиту народа, который он хорошо знал. И теперь, став Председателем Президиума Верховного Совета СССР, в условиях, когда ни Сталин, ни Берия не могли повлиять на принимаемое им решение, он остается на бериевских позициях в отношении балкарского и других репрессированных народов. Своим Указом он узаконивает конфискацию имущества спецпоселенцев и пытается погасить в их душах надежду на возвращение в родные места.

В середине 50-х годов, в связи с некоторым смягчением режима спецпоселенцев, в некоторых областях и районах Киргизии и Казахстана, партийные и советские органы стали выдвигать на руководящие должности отдельных представителей репрессированных народов, проводить политико-воспитательную работу среди ссыльных. Заве-

⁹ Социалистическая Кабардино-Балкария, 1936, 30 октября.

дующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии Тургунов в информации о работе среди спецпоселенцев писал: «Партийные и советские организации повседневно вовлекают спецпоселенцев в активную общественно-политическую и производственную жизнь республики»¹⁰. Это было сказано громко. В той же информации Тургунов сообщал, что из огромного числа трудоспособных спецпоселенцев (71 798 человек) лишь 52 работают руководителями учреждений и предприятий, 14—председателями и заместителями председателей колхозов, 284—бригадирами и заведующими фермами колхозов, совхозов»¹¹. Это 0,6 процента от общего числа спецпоселенцев. И это у заведующего отделом ЦК КП Киргизии называлось «повседневным вовлечением спецпоселенцев в активную общественно-политическую и производственную жизнь». В той же информации он писал:

«В республике для спецпоселенцев на их родном языке никакой литературы не издается»¹². Чем же объясняет это ненормальное положение Тургунов? А очень просто: «нет для этого базы»¹³. Прошло более десяти лет со времени переселения народов Северного Кавказа. За это время руководящие партийные и советские органы Киргизии при желании могли осуществить издание хотя бы букваря или книги для чтения на родном языке для детей балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, дабы не умерла письменность этих народов, уж не говоря об издании художественной литературы.

¹⁰ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 86, д. 19, л. 2.

¹¹ Там же, л. 3.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 5.

Уполномоченный ЦК КП Киргизии Нехожина в докладной записке от 24 августа 1955 года после проверки хозяйственно-бытового положения спецпоселенцев в Карасуйском районе Ошской области, где проживало немало чеченцев и балкарцев, писала: «В районе имеется одиннадцать колхозов, две МТС, один совхоз и два завода (хлопкоочистительный и маслоэкстракционный). В районе из состава спецпоселенцев взрослого населения насчитывается 1700 человек, больше ста из них являются активом района. Из числа спецпоселенцев по Карасуйскому району являются депутатами райсовета и сельских Советов 12 человек, народными заседателями — 4 человека. В районе по образованию большинство из балкарцев имеют десятиклассное и среднее специальное образование. Заведующая районной библиотекой тов. Кучмезова З. имеет высшее образование.

В совхозе «Отуз-Адыр» имеется актив из чеченцев, работающих на руководящих постах, всего 26 человек. Одна из чеченских бригад хлопкоробов (бригадир т. Дукалиев) дважды в этом году получила переходящее Красное знамя. В трудовой деятельности совхоза следует отметить женщин-чеченок, которые хорошо работают, но вместе с тем следует отметить, что большинство женщин живут старыми законами, в общественной жизни почти не участвуют»¹⁴. Далее уполномоченный ЦК КП(б) Киргизии Нехожина отмечала, что в колхозе имени Сталина «среди колхозников проводится политико-массовая работа, читаются в бригадах во время перерыва газеты на киргизском языке. На чеченском языке нет необходимости, так как чеченцы

¹⁴ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 86, д. 19, л. 50.

хорошо освоили киргизский язык»¹⁵. «На чеченском языке нет необходимости...» И это утверждал работник ЦК КП(б) Киргизии! Зачем спецпоселенцам знать родной язык? Обойдутся и местным языком, тем более, писала Нехожина, «дети чеченцев-колхозников все учатся на киргизском языке»¹⁶. Далее она отмечала: «Женщин из состава чеченок грамотных и активных в колхозе нет»¹⁷. Откуда же им было взяться, если родной язык был не популярен и на нем чеченских детей не обучали.

В Иссык-Кульской области в основном проживали балкарцы. На 1 сентября 1955 года их числилось 1 889 человек: в Иссык-Кульском районе — 942 человека, Тюпском — 727, Балыкчинском — 220¹⁸.

Бригада ЦК КП(б) Киргизии в своей справке указывала, что среди спецпоселенцев много передовиков производства. «Так, лучшими доярками в области,— отмечалось в ней,— являются комсомолки Бозиевы Елизавета и Зоя из конезавода № 54, чабаны колхоза «Большевик» Тюпского района Ольмезов Зеер и Ахубеков Джанхой, которые добились лучших показателей в выходе молодняка и продукции с закрепленного за ними скота.

В артели «Промышленник» Иссык-Кульского района работает 80 % балкарцев. Артель систематически выполняет производственный план.

Из числа спецпоселенцев на руководящих должностях (зав. МТФ, зоотехниками, агрономам, бухгалтерами и звеньевыми, заведующими зерно складами, учетчиками, заведующими клубами,

¹⁵ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 86, д. 19, л. 52.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 100.

сметными работниками и др.) работает около 100 человек.

Среди женщин-спецпоселенков имеются передовики производства. Колхозницы сельскохозяйственной артели имени Фрунзе Тюбского района Ахубекова, Ольмезова, Аппаева выполняют задания на 150—200 %. Женщины-балкарки, перевыполняющие дневные нормы, имеются и в других колхозах области»¹⁹.

Как было сказано выше, в Иссык-Кульской области на 1 сентября 1955 года проживало 1 889 спецпоселенцев. Из них лишь 6 человек были избраны депутатами местных советов, 4 — народными заседателями, 1 — секретарем партийной организации, 1 — кандидатом в члены райкома партии и 1 — членом бюро райкома комсомола. Это тоже называлось «повседневным вовлечением спецпоселенцев в активную общественно-политическую жизнь».

Начальник УМВД по Джалал-Абадской области полковник Коренченко в докладной записке на имя министра внутренних дел Киргизской ССР 1 октября 1955 года указывал, что на руководящей работе и выборных должностях в области находится 198 спецпоселенцев. Среди них: 4 — заместители председателей колхозов, 3 — председатели ревизионных комиссий, 20 — бригадиры в колхозах, 9 — бригадиры в лесхозах, 3 — инспекторы народного образования, 2 — завучи школ, 1 — врач, 6 — руководители предприятий, 8 — депутаты местных Советов, 19 — народные заседатели и др. 394 человека награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», 14 — Почетной грамотой Президиума

¹⁹ Там же.

Верховного Совета Киргизской ССР, 13 спецпоселенцев стали участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве²⁰.

Уполномоченный ЦК КП Киргизии Уянаев, по национальности балкарец, проверявший состояние политико-массовой работы среди балкарцев-спецпоселенцев в Тюпском и Иссык-Кульском районах Киргизии, в своей справке от 20 октября 1955 года отмечал, «что местные партийные и советские организации неплохо выполняют решения ЦК КПСС по вопросу работы среди спецпоселенцев. Например, в колхозе им. Фрунзе балкарец т. Кучмезов избран секретарем партийной организации, т. Джабаев работает зоотехником Тюпской МТС, т. Ульбашев — веттехником колхоза «Большевик» этого района. Кроме того, ряд товарищей принят в ряды партии. Так, М. Османов (колхоз им. Ворошилова Иссык-Кульского района) недавно принят кандидатом в члены КПСС. Кроме того, в других колхозах и школах некоторые балкарцы готовятся к вступлению в партию. Многие из балкарской молодежи вступают в ряды ВЛКСМ.

При беседе с председателями правлений колхозов и секретарями райкомов партии выяснилось, что основная масса балкарцев активно участвует в хозяйственной деятельности артелей, показывает лучшие примеры в работе.

Следует сказать о некоторых просьбах балкарцев, которые были указаны нам при проведении с ними собраний и бесед.

1. Если имеется возможность, организовать в школах, где учатся дети балкарцев, изучение балкарского языка.

²⁰ Архив МВД Республики Кыргызстан, д. 70/18, л. 30—31.

2. Издавать художественные произведения и отдельные художественно-политические брошюры, организовывать передачи по радио на балкарском языке. Организовать выпуск газеты на балкарско-карачаевском языке.

3. Усилить педагогическую пропаганду среди населения, где проживают балкарцы, Облоно издать приказ по этому вопросу, так как в общественных местах встречаются многочисленные факты оскорбления балкарских детей, вроде ненависти к ним.

Я считаю в дальнейшем, что явка спецпоселенцев на годовую роспись в спецкомендатуры повлияет на моральное настроение переселенцев и создаст мнение и недоверие к проводимой политико-массовой работе и решениям партии и правительства в отношении переселенцев»²¹.

Хотелось бы назвать имена тех, кто в условиях ссылки, под бдительным оком спецкомендатур находил в себе силы участвовать в общественной работе, тем самым помогая своим соплеменникам вдали от родной земли преодолевать тяготы нелегкой жизни, поддерживать в их сердцах искорку веры и надежды на возвращение на родину.

В Государственном архиве политической документации Республики Кыргызстан сохранились списки спецпоселенцев балкарцев и чеченцев, проживавших в Карасуйском районе Ошской области Киргизской ССР и принимавших активное участие в общественной жизни. Вот список депутатов местных органов власти, составленный 20 августа 1955 года.

²¹ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 86, д. 19, л. 116—118.

П/п №	Ф. И. О.	Год рождения	Национальность	Образование	Партийность	Кем работает	Название Совета
	1	2	3	4	5	6	7
«1.	Кульбаев Абдулла	1929	балкарец	п/средн.	ВЛКСМ	ученик механика МТС	райсовет
2.	Кучмезова Хасат	1928	балкарка	4 кл.	б/п	рабочая МЭЗа	поссовет Карасу
3.	Котиев Мухамед	1906	чеченец	5 кл.	б/п	бригадир I отделения совхоза «Отуз-Адыр»	Отуз-Адырский с/с
4.	Токусев Адда	1917	—«—	5 кл.	б/п	агроном-садовод	—«—
5.	Залимханов Мазамлимза	1921	—«—	средн.	б/п	учетчик III отделения	—«—
6.	Кудаев Саткер	1911	черкес	м/грамотный	б/п	колхозник колхоза им. Ма-ленкова	Ювашский с/с
7.	Дакаев Абубакир	1912	чеченец	6 кл.	б/п	завхоз колхоза им. Кирова	Сарайский с/с
8.	Байбасканов Салим	1924	—«—	п/средн.	б/п	завхоз колхоза им. Ленина	Акташский с/с
9.	Чапаева Аруу	1930	балкарка	7 кл.	б/п	колхозница колхоза им. Ворошилова	—«—

1	2	3	4	5	6	7
10. Судинова Авалат	1924	балкарка	4 кл.	б/п	колхозница колхоза «Кы- зыл-Шарк»	Савайский с/с
11. Шаутаев Ако	1928	балкарец	9 кл.	ВЛКСМ	ст. табельщик колхоза «Кы- зыл-Шарк»	—«—
12. Хармурзаев Абдулхажи	1915	чеченец	4 кл.	б/п	бригадир кол- хоза им. Сталина	—«—» ²²

²² Там же, л. 55.

**«Список народных заседателей.
20 августа 1955 г.**

№ п/п	Ф. И. О.	Год рож- де- ния	Националь- ность	Партий- ность	Кем работает
1.	Кульбаев Абдулла	1929	балкарец	ВЛКСМ	ученик механика МТС
2.	Атаев Далхат	1928	—«—	б/п	бригадир трактор- ной бригады
3.	Ильясов Исманл	1923	—«—	б/п	звеньевой колхоза «Кызыл- Шарк»
4.	Алимсултанов Кастарходжа	1925	чеченец	б/п	десятник совхоза «Отуз- Адыр» ²³ .

А этот список спецпоселенцев балкарцев и чеченцев, принимавших активное участие в общественной жизни своих коллективов. Дата составления 20 августа 1955 г.

«Колхоз им. Сталина

1.	Халмурзаев Абдулхажи	чеченец	бригадир
2.	Байсоев Хизир	—«—	бригадир
3.	Атлангиреев Магомед	—«—	бригадир-счетовод Савайского с/совета
4.	Элиханов Саид	—«—	шофер колхоза им. Сталина

²³ Там же, л. 57

Колхоз «Кызыл-Шарк»

1. Шаутаев Аю	балкарец	секретарь комитета
комсомола
2. Уянаев Амаш	—«—	табелъщик
3. Гиляев Исмаил	—«—	—«—
4. Сайдумова Авалит	—«—	—«—
5. Сайдумова Мария	—«—	—«—

Колхоз им. Кирова

1. Анпаев Мухаммед	балкарец	пом. бухгалтера
2. Дакаев Абубакир	чеченец	завхоз
3. Дакаев Хамид	—«—	шофер
4. Хатаев Ваяэт	—«—	—«—

Колхоз им. Жданова

1. Мокаев Махты	балкарец	бригадир
хлопкоробов
2. Теплеев Камал	—«—	секретарь колхоза
3. Холаев Султан	—«—	механик
4. Хатаева Фатя	—«—	учительница школы
«Коммунизм»

Колхоз им. Ленина

1. Хуламханов
Далхат	балкарец	учетчик
2. Таппасханов
Салим	—«—	завхоз
3. Мусукаев Жамал	—«—	учетчик

Колхоз им. Ворошилова

1. Толгуров Зайдин	балкарец	учетчик
2. Тикаев Хабас	—«—	зав. библиотекой
3. Токуев Худай	—«—	бухгалтер
4. Гуппаев Махти	—«—	учетчик
5. Османов Адыл	—«—	бригадир

Колхоз им. Калинина

1. Баймуратов Оран	чеченец	бригадир
хлопкоробов
2. Исраева Нафисат	балкарка	учетчица
3. Займаев Султан	балкарец	учетчик

Колхоз им. Молотова

1.	Дубесв Исмаил	чеченец	завхоз
2.	Кульбаев Орузбек	балкарец	бухгалтер
3.	Кульбаев Чеку	—«—	учетчик
4.	Кульбаев Кечине	—«—	механик

Колхоз им. Андреева и МТС

1.	Судейманов Элихи	чеченец	кузнец
2.	Судейманов	—«—	медник
	Самиходжи		
3.	Касаев Рашидкан	—«—	ст. механик
4.	Аппаев Султан	—«—	механик
5.	Давиев Зайнулабит	—«—	—«—
6.	Кульбаев Абдла	балкарец	ученик механика
7.	Кугушев Александр	немец	токарь
8.	Созаев Борис	балкарец	шофер
9.	Бачиев Тамаша	—«—	заведующий
мастерских
10.	Ботаева Ермике	балкарка	кассир
11.	Гуртуев Алим	балкарец	гл. бухгалтер
12.	Ботаева Тамара	балкарка	телефонистка
13.	Элиханов Саид	чеченец	моторист
14.	Чабдаров Мурат	балкарец	комбайнер
15.	Булатов Махоммед	—«—	—«—
16.	Жабоев		
	(к-з «Кызыл-Шарк»)	—«—	зоотехник

Питомник

1.	Османов	балкарец	зав. складом
	Абулкерим		
2.	Аппаев Малик	—«—	бригадир
3.	Кучмезов Ахмат	—«—	—«—

Пос. Карасу

1.	Чикаев Абдулхажи	чеченец	—
2.	Созаев Мурадин	балкарец	зав. складом
3.	Мокаев Рамазан	—«—	плотник МЭЗа
4.	Мокаев Асланбек	—«—	диспетчер
5.	Бектуров Тебо	—«—	машинист МЭЗа
6.	Башиев Азран	—«—	зав. цехом МЭЗа

7.	Ульбашев Мулкаты	—«—	плотник
8.	Башиев Сахит	—«—	тракторист МЭЗа
9.	Кайгермазов Магомед	—«—	финагент
10.	Мокаев Абай	—«—	шофер автобазы
11.	Кучмезова Зоя	балкарка	зав. бнблиотекой
12.	Темиров Абуазит	чеченец	маслопром, сборщик
13.	Улукаджиев Мавлад	—«—	шофер автоэкспеди- ционной базы
14.	Огурлиев Малнк	балкарец	машинист МЭЗа
15.	Батчаев Хызыр	—«—	бригадир МЖБ
16.	Исаев Шахир	—«—	шофер Минбазы
17.	Урлаева Раиса	балкарка	бухгалтер Минбазы
18.	Созаева Маша	—«—	учительница
19.	Шаваева Миналдан	балкарка	учительница
20.	Кучмезов Далхат	балкарец	бухгалтер фин. отдела
21.	Бектиров Султан	—«—	бухгалтер лесоторго- вого склада
22.	Ахмедов Ахияд	чеченец	шофер Минбазы
23.	Балмурзаев Абдулла	—«—	электромонтер МЭЗа
24.	Гетиев Хусеин	—«—	зав. складом ЦРММ
25.	Аттаев Далхат	балкарец	механик 2-й МТС
26.	Кадилов Бауди	чеченец	заготовитель
27.	Боттаев Муталиб	балкарец	зав. общим отделом
28.	Кучмезов Султан	—«—	шофер 2-й МТС
29.	Созаев Мухамет	—«—	зав. сенобазы
30.	Кучмезов Мухарбек	—«—	судебный исполнитель
31.	Холаев Тутта	—«—	шофер автоэкспеди- ционной базы
32.	Яндуев Хамид	чеченец	зав. складом авторо- ты № 5
33.	Яндуев Рашид	—«—	—«—
34.	Катаев Алудин	—«—	заведующий магазином
35.	Хамаев Жавраил	—«—	лесторг
36.	Аппаев Масут	—«—	шофер автобазы министерства

Совхоз «Отур-Адыр»

1.	Темиргиреев Наржан	чеченец	экспедитор рабкооп
2.	Абдулмуслимов Абдулхамид	—«—	механик

3.	Султанбеков Ахмат	—«—	агент живсырья
4.	Умалатов	—«—	шофер
	Авурвашид		
5.	Алимсултанов	—«—	зав. лесторгом
	Нусахажи		
6.	Дукалаев Жапар	—«—	бригадир хлопковой бригады
7.	Дукалаев Баширак	—«—	завхоз школы № 1
8.	Мажидов Анатолий	—«—	комбайнер
9.	Санд-Ахмед	—«—	монтер
10.	Такиев Адаб	—«—	агроном хлопковод- ства
11.	Худаев Абдулла	—«—	сборщик масдопрома
12.	Канмов Эсмарга	чеченец	зав. складом 3-го отделения
13.	Алибеков	—«—	зав. складом 2-го отделения
	Темирсултан		
14.	Битисултанов	—«—	кузнец
	Эмирсултан		
15.	Саламов Адам	—«—	ст. бухгалтер 3-го отделения
16.	Хусаев Мидкаил	—«—	бригадир хлопковод- ческой бригады
17.	Хафизов Ахмед	—«—	табельщик
18.	Эзирханов Эзит	—«—	зав. хоз. 3-го отде- ления
19.	Хажимуратов Анда	—«—	механик 3-го отде- ления
20.	Эвсенханов Жора	—«—	механик тракторной бригады
21.	Эвсенханов Жунант	—«—	комбайнер
22.	Шамаев Аскар	—«—	зав. хоз. 4-го отде- ления
23.	Матаев Адам	—«—	бригадир хлопковод- ческой бригады 4-го отделения
24.	Гадаев Мухаммед	—«—	гидротехник 1-го от- деления
25.	Хаджиев	—«—	бригадир хлопковод- ческой бригады 1-го отделения
26.	Аппаев Мурат	балкарец	зав. детской библио- текой

1 — МТС

1	Джаватханов	чеченец	тракторист
2.	Мусукаев	балкарец	—«—
3.	Байсеев	чеченец	—«—
4.	Атаев	балкарец	штурвальщик
5.	Адилсултанов	чеченец	слесарь

Хлопкозавод

1	Дадуев Сайдумар	чеченец	слесарь гаража» ²⁴ .
---	-----------------	---------	---------------------------------

КАБАРДА — ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ БАЛКАРЦЕВ. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА

6 июля 1956 года в адрес Кабардинского обкома партии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Кабардинской АССР поступило письмо от группы балкарцев из Киргизской ССР. Вот его текст. «Совершившейся 8 марта 1944 года ужасной несправедливостью была разрушена существовавшая веками дружная и трудолюбивая семья наших народов Кабарды и Балкарии.

Подлый наемник империализма Берия, используя культ личности Сталина, по злему умыслу выселил нас из наших веками обжитых родных мест.

Нас так же, как и все остальные выселенные национальности, постигла катастрофа ликвидации национальной самостоятельности и унижения. Вследствие этой небывалой трагедии, в первые годы выселения умерли от голода и болезней, связан-

²⁴ Государственный архив Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 86, д. 19, л. 56—61.

ных с недоеданием и неблагоприятными климатическими условиями, сотни и тысячи ни в чем не повинных стариков, женщин и детей. Это происходило тогда, когда наши сыновья и братья, отцы и мужья проливали кровь и погибали на фронтах Отечественной войны, защищая нашу Родину от фашистских захватчиков.

Нас по указанию Берия и его шайки называли бандитами, изменниками Родины, фашистами и т. д., создавали национальную вражду между народами, и прежде всего против этих выселенных национальностей.

Нашу веру и любовь к нашей Коммунистической партии, Советскому правительству и нашей Родине не могли сломить никакие козни врага. Мы честно и добросовестно трудились в местах поселения: в колхозах и совхозах, предприятиях и организациях.

В результате этого, многие из нас были награждены орденами и медалями Советского Союза. И тем самым мы еще и еще раз доказали свою горячую любовь и безграничную преданность нашей партии и Советскому правительству и бессмертному делу великого Ленина — делу строительства коммунистического общества в нашей стране.

Наша тяга и стремление вернуться к родным местам, к нашей бывшей дружной семье не только не уменьшилась, наоборот, она все время увеличивается.

У нас есть народная поговорка: «Тойгъан жерден туугъан жер ахшыды», т. е. «Хорошо место, где родился, чем место, где сыт».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года с нас снято ограничение в органах МВД СССР. Но этим Указом не разрешено наше основное чаяние, наше стремление — это

организованное возвращение в Кабардинскую АССР и восстановление нашего политического права — восстановление Кабардино-Балкарской АССР.

Мы, исходя из этого, обращаемся к Вам с просьбой войти с ходатайством в Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и в Советское правительство о возвращении нас на родную территорию и восстановлении нашей прежней автономии — Кабардино-Балкарской АССР.

Мы по-прежнему в братской, единой, трудолюбивой семье будем работать с еще большей энергией и энтузиазмом на благо нашей любимой Советской Родины.

Мы уверены, что кабардинский народ и руководство республики не оставят без внимания нашу просьбу и примут необходимые меры»¹

Письмо было подписано Кайсыном Кулневым, Жанаканитом Залихановым, Исмаилом Ульбашевым, Уммаевым, Ксанаевым, Исмаилом Батчасвым, Чомаем Уянаевым, Маштаем Черкесовым, Нажмудином Чочаевым.

Но руководство Кабардинской АССР еще до получения этого письма, идя навстречу пожеланиям кабардинского народа и чаяниям балкарского народа, находившегося в изгнании, 16 июня 1956 года обратилось с письмом в ЦК КПСС на имя секретаря Центрального Комитета А. Б. Аристова. Письмо было подписано председателем Совета Министров Кабардинской АССР К. Т. Тлостановым и первым секретарем Кабардинского областного комитета партии В. И. Бабицем. Суть письма —

¹ Центр документации новейшей истории КБР, ф. 1. оп. 2, л. 797, л. 4—6.

возвращение балкарцев. «Рассмотрев вопрос о возможном возвращении населения Балкарии в Кабардинскую АССР,—указывалось в письме,—обком КПСС и Совет Министров Кабардинской АССР считают, что в настоящее время имеются условия для возвращения только части бывшего населения Балкарии, что же касается возвращения в течение ближайших двух лет всего населения, то таких условий пока еще нет, потребуются значительные затраты.

Учитывая возможность организации новых колхозов из балкарцев, также подселения части семей балкарцев в существующие колхозы, совхозы и подсобные хозяйства на основе обоюдного согласия, обком КПСС и Совет Министров Кабардинской АССР считают возможным в течение 1956—1957 гг. принять в республику 3 250 семей балкарцев с общим населением 13 000 человек. В том числе из 2 150 семей организовать 11 новых колхозов, 800 семей подселить в существующие колхозы и 300 семей подселить в совхозы и подсобные хозяйства.

Такое обратное переселение 3 250 семей балкарцев обком партии и Совет Министров Кабардинской АССР считают возможным произвести на условиях предоставления вселяемым балкарцам всех льгот, предусмотренных постановлением Совета Министров от 19 февраля 1953 года № 517, кроме того, предоставления вновь организуемым 11 колхозам кредита на приобретение для общественного хозяйства рабочего и продуктивного скота, строительство производственных простроек и обустройство сельхозинвентарем.

Чтобы переселить всех балкарцев, т. е. примерно около 8 000—9 000 семей (27 000—30 000 чело-

век), в тот же срок потребуется значительная помощь со стороны государства по их трудовому и бытовому устройству (примерно 163,5 миллиона рублей), расчеты прилагаются»².

Письмо руководства Кабардинской АССР в Центральном Комитете КПСС было изучено и использовано при рассмотрении вопроса о дальнейшей судьбе выселенных народов.

Слухом земля полнится, как говорится в народной поговорке. О письме обкома партии в ЦК и о письме группы балкарцев в адрес руководства Кабардинской АССР вскоре узнали многие жители республики. На эти письма они отреагировали однозначно: братский балкарский народ должен быть возвращен на родину. Справедливость должна восторжествовать. Наладить хозяйство балкарцам помогут трудящиеся республики, окажет помощь государство. Два братских народа — кабардинский и балкарский — многие столетия жили вместе, оказывали друг другу помощь, с верой в будущее строили новую жизнь. При Советской власти, когда не хватало национальных кадров, кабардинская и балкарская молодежь училась в Ленинском учебном городке в Нальчике, некоторых юношей и девушек направляли учиться в вузы и техникумы Ростова и Москвы, Харькова и Ленинграда. Вместе учились, вместе потом работали. В суровом 1941 году вместе уходили на фронт защищать Родину. В составе 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии вместе громили врага.

«День, когда выселяли балкарцев, был траурным не только для них. Это был день скорби и для

² Центр документации новейшей истории КБР, ф. 1, оп. 2, д. 707, л. 1—3.

кабардинского народа, для всех трудящихся нашей республики,— рассказывал старый кабардинец Закирья Бозиев, десятки лет проработавший вместе с балкарцами. А в 20-е годы он был секретарем партийной ячейки в Ленинском учебном городке.— Помню, как на станции Нальчик (а здание станции лежало в руинах — фашисты взорвали) конвоиры загоняли женщин, стариков, детей в товарные вагоны. Люди плакали. Кабардинцы, русские, горские евреи подходили к вагонам, чтобы попрощаться. Конвоиры ругались и отгоняли их от поезда. Женщинам удавалось передавать в вагоны хлеб, кое-какие продукты. Год-то был военный, голодный. Люди отрывали от себя и отдавали продукты тем, кому было тяжелее; никто не знал, куда их везут. Я увидел в тот день страшную картину все-народного горя».

Трудящиеся Кабардинской АССР были уверены, что Советское правительство вернет из ссылки на родину невинно пострадавший народ.

После объявления Указа от 28 апреля 1956 года, в котором было записано, что лица, снятые с учета спецпоселения и освобожденные из-под административного надзора органов МВД, «не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены», во всех населенных пунктах от бывших спецпоселенцев потребовали подписку о невыезде. Но трудно было сдержать порыв, охвативший тысячи людей, столько лет мечтавших вернуться на родную землю. Некоторые отказывались дать подписку о невыезде, другие давали подписку и упаковывали свои вещи, а были и такие, которые, никого не спрашивая, выезжали.

Секретарь ЦК Киргизии И. Раззаков в информации Центральному Комитету КПСС от 10 октяб-

ря 1956 года сообщал, что «по неполным данным за последние 5—6 месяцев за пределы республики, главным образом на Кавказ, выехало 2 653 человека. Например, из Таласского района Фрунзенской области самовольно выехали на Кавказ 70 семей карачаевцев и чеченцев, из Ворошиловского района этой же области 151 семья балкарцев, чеченцев и карачаевцев. Факты самовольных выездов на Кавказ имеют место и в других областях республики.

При ознакомлении чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, проживающих в Киргизской ССР, с Указом Президиума Верховного Совета СССР о снятии с них ограничений и запрещении выезда на Кавказ, многие из них демонстративно отказывались поставить свою подпись об ознакомлении с этим документом и заявляли, что они все равно уедут на Кавказ. Например, проживающие в г. Кок-Янгак Исмаилов, Болотханов, Юнусов и некоторые другие заявляли: «Мы не откажемся от своей родины и от своих домов. Заключенным и то после их освобождения возвращают дома и родину, а нас, невинных людей, лишают родины»³

В Джалал-Абадской области, как отмечал в информации заведующий отделом парторганов Джалал-Абадского обкома партии, чеченцы, балкарцы, карачаевцы, ингуши, «несмотря на проводимую разъяснительную работу со стороны партийно-советских органов, собираются выехать на прежнее местожительство, большинство — после окончания сельскохозяйственных работ, весной 1957 года. Колхозники из числа чеченцев, балкарцев не выходят на работу, продают дома, скот, имущество и готовятся к отъезду. За период с августа по сен-

³ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 81, д. 131, л. 149, 150.

тябрь из районов и городов области выехали 120 семей, в них 304 человека. В том числе 6 коммунистов снялись с учета (г. Джалал-Абад, г. Кок-Янтак, Сузакский район) и 3 коммуниста выехали в Нальчик, не снявшись с партийного учета»⁴.

В Покровском районе более ста карачаевцев явились в райком партии и потребовали отпустить их на родину.

В правление колхоза имени Чапаева Чуйского района более 20 балкарских семей обратились с просьбой исключить их из колхоза. Из 30 чабанов с такой же просьбой обратились десять чабанов-балкарцев. В связи с тем, что правление колхоза отказывалось исключить балкарцев из колхоза, в сентябре 1956 года 70 балкарцев явились к председателю и потребовали провести собрание колхозников и на нем рассмотреть их заявления. Такие же требования предъявляли балкарцы, чеченцы, ингуши и карачаевцы и в других колхозах области»⁵.

«К 5 октября 1956 года из города Таласа без разрешения выехали на Северный Кавказ более 50 карачаевских семей и 20 — чеченских. Из Ворошиловского района выехали также без разрешения 74 балкарские семьи, свыше 70 чеченских семей, 7 семей карачаевцев; из Ивановского района выехали свыше 50 семей»⁶.

Секретарь Фрунзенского обкома партии М. Скляр в информации ЦК КП Киргизии от 5 октября 1956 года писал: «Создавшаяся обстановка требует немедленного решения их вопроса»⁷.

Действительно, надо было решать вопрос о вос-

⁴ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 81, д. 131, л. 143, 144.

⁵ Там же, л. 202, 203.

⁶ Там же, л. 203.

⁷ Там же, л. 205.

становлении национальных автономий выселенных народов.

24 ноября 1956 года Президиум ЦК КПСС принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». Это постановление явилось важнейшим документом, сыгравшим большую роль в судьбах бывших спецпоселенцев, хотя и не имел правовой основы. Только Президиум Верховного Совета Союза ССР — высший законодательный орган страны имел право отменить Указы о выселении народов и принять Указы о восстановлении их национальных автономий. Но на протяжении многих десятилетий высший партийный орган нередко подменял высший орган государственной власти страны.

В постановлении отмечалось, что «массовое выселение целых народов не вызывалось необходимостью и не диктовалось военными соображениями, было одним из проявлений чуждого марксизму-ленинизму культа личности, грубым нарушением основных принципов национальной политики нашей партии»⁸. Центральный Комитет КПСС считал необходимым исправить допущенную по отношению к калмыцкому, карачаевскому, балкарскому, чеченскому и ингушскому народам несправедливость и восстановить их национальную автономию «Практическое осуществление мероприятий по образованию национальных автономных областей и республик связано с преодолением серьезных трудностей и потребует известного времени для организационной подготовки и создания необходимых производственных и культурно-бытовых условий»⁹. ЦК

⁸ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 95, д. 34, л. 138.

⁹ Там же, л. 139.

КПСС постановил все мероприятия, связанные с образованием автономных областей и республик, возвращением и устройством калмыцкого, карачаевского и балкарского населения, провести в организованном порядке в течение 1957—1958 годов, а чечено-ингушского населения — в течение 1957—1960 годов. ЦК КПСС потребовал от местных партийных и советских органов «принять неотложные меры к прекращению самовольных выездов на прежние места жительства, ибо это создает большие затруднения с размещением и трудоустройством приезжающих»¹⁰. Для руководства и организации всей практической работы, связанной с восстановлением автономных объединений, переселением и хозяйственно-бытовым устройством калмыцкого, чеченского и ингушского народов по постановлению ЦК КПСС создавался оргкомитет по Калмыцкой автономной области и оргкомитет по Чечено-Ингушской АССР в составе представителей Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР, партийных и советских органов областей, краев и республик, на территории которых образовались автономные объединения, а также из представителей калмыцкого, чеченского и ингушского народов. Организационное руководство работой по осуществлению всех мер, связанных с преобразованием Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР и Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область впредь до выборов руководящих органов было возложено соответственно на Совет Министров Кабардинской АССР и Черкесский облисполком с включением в их состав представителей балкарского и карачаевского народов.

¹⁰ ГАПД Республики Кыргызстан, ф. 56, оп. 95, д. 34, л. 139.

ЦК КПСС установил, что «переселение указанных народов должно начаться не ранее весны 1957 года в организованном порядке небольшими группами с разрешения оргкомитетов Совета Министров Кабардинской АССР и Черкесского облисполкома с тем, чтобы не допустить осложнения с трудоустройством и расселением прибывающих граждан, а также не нанести серьезного ущерба экономике тех предприятий, колхозов и совхозов, где они в данное время работают»¹¹

В постановлении было записано: «Образовать на территории бывшей Калмыцкой АССР Калмыцкую автономную область, включив ее в состав Ставропольского края РСФСР; преобразовать Черкесскую автономную область в Карачаево-Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края РСФСР; преобразовать Кабардинскую АССР в Кабардино-Балкарскую АССР в составе РСФСР; восстановить Чечено-Ингушскую АССР в составе РСФСР.

Центральный Комитет КПСС выражает уверенность в том, что восстановление национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чечено-ингушского народов вызовет подъем их политической и производственной активности, будет способствовать развитию экономики и национальной культуры, послужит дальнейшему, еще большему укреплению нерушимой братской дружбы народов Советского Союза»¹².

Постановление Президиума ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингуш-

¹¹ Там же, л. 140.

¹² Там же, л. 141.

ского народов» 11 декабря 1956 года было рассмотрено на заседании бюро Кабардинского обкома КПСС. Все члены бюро (А. Н. Ахохов, Х. М. Бербеков, К. Т. Тлостанов, Т. К. Мальбахов, К. С. Кушхов, Ф. Т. Арсаева, Н. Ф. Мишков, П. А. Иванников) и присутствовавшие члены обкома партии единогласно приняли постановление, в котором говорилось: «Принять к неуклонному руководству и исполнению постановление Президиума ЦК КПСС»¹³. Для разработки мероприятий, связанных с восстановлением автономии балкарцев, была создана республиканская комиссия, которой поручили в месячный срок подготовить и представить предложения бюро обкома КПСС.

В течение месяца эти предложения были подготовлены и обсуждены на заседании бюро обкома партии. За подписью первого секретаря Кабардинского областного Комитета КПСС Т. К. Мальбахова и председателя Совета Министров КБАССР А. Н. Ахохова в ЦК Коммунистической партии Советского Союза был направлен расширенный документ, озаглавленный «Предложения по вопросам, связанным с переселением балкарцев в Кабардинскую АССР». Эти предложения были изложены на 18 страницах с 53 таблицами. Не буду перечислять все предложения, но с некоторыми следует ознакомить читателя для того, чтобы он имел представление о том внимании, которое уделяла Кабарда вопросам возвращения балкарцев.

Руководители республики предлагали осуществить переселение в течение двух лет — 1957—1958 гг.: с преобразованием Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР предлагали

¹³ Центр документации новейшей истории КБР, ф. 1, оп. 2, д. 656, л. 6.

восстановить границы республики, существовавшие до марта 1944 года.

Далее предлагалось организовать 19 новых балкарских животноводческих колхозов, выделив им безвозмездно 17 тыс. голов рогатого скота, 30 тыс. овец, 1,6 тыс. рабочих лошадей, выдать этим колхозам денежную ссуду в размере 11 800 тыс. рублей на приобретение 30 тыс. голов овец и 1,4 тыс. рабочих лошадей, выделить Кабардинской АССР для вновь организуемых балкарских колхозов безвозвратную семенную ссуду, освободить новые колхозы от уплаты подоходного налога, а также от всех видов обязательных поставок государству сельхозпродуктов сроком на 5 лет, выдать единовременное безвозвратное денежное пособие всем балкарским семьям, а также долгосрочный кредит¹⁴. Многие предложения касались вопросов жилищного и культурно-бытового строительства. Для руководства переселением балкарцев предлагалось создать при Совете Министров республики переселенческое управление.

Общая сумма капитальных вложений, связанных с переселением балкарцев, была определена на 1957 год — 117,4 млн рублей, на 1958 год — 128,4 млн рублей и на последующие годы — 64,1 млн рублей¹⁵.

Следует отметить, что впоследствии, когда балкарцы вернулись на родину, республика получила от государства лишь пятую часть этих средств.

Еще до официального разрешения на въезд в Кабардинскую АССР балкарцы стали прибывать на родную землю. Органы милиции препятствовали их

¹⁴ ЦГА КБР, ф. 774, оп. 1, д. 17, л. 1—4.

¹⁵ Там же, л. 18.

расселению, отказывались их прописывать, они не имели возможности трудоустроиться. Но люди, истосковавшиеся по родине, немало горя хлебнувшие на чужбине, всем сердцем тянулись на землю отцов, и никто не имел права обвинять их в том, что они не придерживались формальностей, не соблюдали сроков возвращения.

Учитывая такое положение, вопреки указанию ЦК КПСС о том, что переселение должно начаться не ранее весны 1957 года в организованном порядке, да и то только с разрешения Совета Министров Кабардинской АССР, бюро Кабардинского обкома партии в своем постановлении от 11 декабря 1956 года записало: «Обязать райкомы, горком КПСС и райисполкомы принять немедленно необходимые меры по трудовому и бытовому устройству прибывших в республику балкарцев»¹⁶. А прибывших на 1 января 1957 года уже числились 4 671¹⁷.

9 января 1957 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР». Вот его текст:

«В целях создания необходимых условий для национального развития балкарского народа Президиум Верховного Совета СССР **постановляет:**

1. Признать необходимым восстановить национальную автономию балкарского народа.

2. Рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР.

3. Считать утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года «О

¹⁶ Центр документации новейшей истории КБР, ф. 1, оп. 2, д. 659, л. 7.

¹⁷ ЦГА КБР, ф. 774, оп. 1, д. 16, л. 3.

переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР» и статью 2 Указа от 28 апреля 1956 года в части запрещения балкарцам возвращаться на прежнее местожительство.

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР**

К. Ворошилов

**Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР**

А. Горкин

Москва, Кремль.

9 января 1957 г.»¹⁸.

В соответствии с рекомендацией высшего органа власти страны Президиум Верховного Совета РСФСР в тот же день, 9 января 1957 года, принял Указ «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР».

Прошло лишь девять месяцев между двумя Указами, подписанными К. Е. Ворошиловым: от 28 апреля 1956 года, в котором подчеркивалось, что снятие ограничений со ссыльных не дает им права «возвращаться в места, откуда были выселены», и Указом от 9 января 1957 года, снимавшим с них все ограничения и восстанавливавшим их автономию. Что же побудило К. Е. Ворошилова так круто изменить свое отношение к выселенным народам? Семидесятишестилетний советский президент фактически исполнял лишь волю Президиума ЦК КПСС, принявшего в ноябре 1956 года постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов».

9 января 1957 года Президиум Верховного Со-

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации, ф. 7523, оп. 72, д. 701, л. 70.

вета СССР одновременно с Указом о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР принял Указы «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР», «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР»¹⁹, «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область».

Справедливость восторжествовала. Пусть поздно, пусть через долгих тринадцать лет, но все же восторжествовала: балкарцы, чеченцы, карачаевцы, ингуши, калмыки возвратились на родину.

Но следует сказать, что принятие Указов о восстановлении автономий репрессированных народов еще не означало реабилитации этих народов. Высшие органы государственной власти, признавая насильственное выселение из родных мест балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев незаконным и преступным актом, в течение десятилетий не принимали мер по их реабилитации. Лишь 26 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР принял Закон «О реабилитации репрессированных народов». Этим Законом была восстановлена историческая справедливость: все репрессированные народы РСФСР были реабилитированы в политическом, культурном и социальном планах. По этому Закону репрессированным народам и отдельным гражданам возмещался ущерб, нанесенный государством. «Гражданам, подвергшимся репрессиям,—говорилось в Законе,—время их пребывания в спецпоселениях (местах ссылки) засчитывается в стаж в тройном размере. В связи с этим предусматривает-

¹⁹ В июле 1958 г. преобразована в Калмыцкую АССР

ся также увеличение размера пенсий по возрасту за каждый год работы»²⁰.

* * *

Насильственное переселение народов Северного Кавказа, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев — одно из тяжких преступлений сталинщины против советского общества. Оно привело к мучительной гибели десятков тысяч ни в чем не повинных людей, будучи сопряжено с огромными материальными затратами, нанесло нашей стране немалый экономический ущерб. И это в то время, когда шла война, когда каждый народный рубль был на учете государства и Советская Армия нуждалась в военной технике, обмундировании и продовольствии, а до конца войны оставалось еще четырнадцать долгих месяцев. Средства, истраченные на переселение народов, можно было бы использовать на нужды фронта: построить сотни танков и самолетов, бронетранспортеров и орудий, а из личного состава многочисленных спецкомендатур сформировать сотни маршевых рот. А кто подсчитает, сколько страна недополучила хлеба, мяса, овощей и другой сельскохозяйственной продукции, которую могли дать чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, крымские татары, останься они на родной земле? А чем измерить незатухающую боль искалеченных судеб, душевных травм и потрясений тысяч и тысяч людей? Кто восполнит тот урон, который был нанесен культуре выселенных народов, их национальному и духовному развитию? Выселение нанесло ущерб национальной политике страны, дружбе народов, интернациональ-

²⁰ Российская газета, 1991, 9 мая.

ному воспитанию трудящихся, что и сейчас дает о себе знать в межнациональных отношениях.

Руководство советского государства, отправляя в ссылку сотни тысяч ни в чем не повинных граждан, не в состоянии было обеспечить их элементарными жилищами, оказать им медицинскую помощь в борьбе с эпидемиями, выделить продукты питания, чтобы не умерли они от голода. Первая причина тому — отсутствие ресурсов, о чем руководство страны не могло не знать, соглашаясь с авантюрным планом Берия по переселению народов. Вторая причина — жестокое и преступное равнодушие к судьбам клейменых людей чиновничье-бюрократического аппарата, возвращенного одной партийной тоталитарной системой, в которой жизнь человека была лишена социальной защиты.

В официальных документах балкарцы в период пребывания в Казахстане и Киргизии не именовались народом. В самом Указе от 8 апреля 1944 года не употребляется слово «народ». В Указе говорится «о переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР». Упраздняя автономию балкарского народа, авторы Указа считали, что тем самым они лишают балкарцев права именоваться народом и превращают их в людей без племени и роду. Разметать и разбросать малочисленный балкарский народ по многим районам Киргизии и Казахстана, растворить их среди многочисленных народов — киргизов и казахов, путем обучения детей в киргизских, казахских и русских школах лишить их родного языка и письменности, вытравить из душ молодого поколения национальное самосознание, уничтожить культуру народа — таков был поистине зловещий план расправы Лаврентия Берия с балкарским народом.

Апологеты тоталитарной системы пытались «на-

учно» доказать, что балкарского народа в истории вообще не существовало, что выселенные в Казахстан и Киргизию балкарцы — это тюркоязычное племя, потомки крымских татар, заброшенных в тыл кабардинского народа для усиления борьбы крымских ханов и султанской Турции против адыгов.

Смерть Сталина, разоблачение Берия, XX съезд КПСС явились событиями, взломавшими ледяной панцирь, в течение многих лет сковывавший советское общество, не давая развиваться демократическим основам.

Развенчание и осуждение культа личности Сталина способствовали позитивным сдвигам в жизни страны, привели к восстановлению автономий и национальной государственности выселенных народов Северного Кавказа и калмыков.

Идет к концу XX столетие, принесшее человечеству великие открытия. Вместе с тем это была эпоха революционных бурь, разрушения колониальной системы, самых опустошительных войн и геноцида.

Начало последнего десятилетия века ознаменовалось распадом Союза Советских Социалистических Республик, образованием Содружества Независимых Государств — бывших союзных республик, входивших в состав СССР, двумя антинародными путчами — в августе 1991 года и в октябре 1993-го. Но демократические силы, опираясь на народ, сумели разгромить путчистов и отстоять свободу, честь и достоинство граждан, их конституционные права. Возврата к тоталитаризму быть не может. Это вселяет в людей уверенность, что никогда не повторится трагедия, пережитая народами Северного Кавказа так же, как не повторяются Освенцим и Бабий Яр, Хиросима и Нагасаки.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Прелюдия к выселению	5
Несколько слов о чекистах	12
Кто скрывался в горах?	19
Злодеяния фашистских оккупантов в Балкарии.	36
Встречи с Берия	43
Жестокый март 1944-го	51
Указ о выселении	59
На фронте и в тылу	67
Любопытная «Инструкция»	71
Куда исчезло имущество спецпереселенцев?	79
За шлагбаумом спецкомендатур	101
Чтобы выжить, надо трудиться	124
Отношение к спецпереселенцам	140
Тяготы жизни	153
Судьба ссыльных детей	170
Смертность: цифры и факты.	184
Признания полковника Шияна	198
Письма ссыльных Сталину	206
Измышления «ученых мужей»	236
Оттепель	240
Кабарда — за возвращение балкарцев. Справедли- вость восторжествовала	269

Массово-политическое издание

Шабаев Давид Викторович

ПРАВДА О ВЫСЕЛЕНИИ БАЛКАРЦЕВ

Редактор *А. Т. Куантов*. Художественный редактор *В. Л. Захохов*.
Технический редактор *Н. М. Мокаева*. Корректор *Г. Г. Тырнавская*.
Лицензия № 1 от 30.09.91. Сдано в набор 18.11.93. Подписано к печа-
ти 09.02.94. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,61. Усл. кр.-отт. 11,61.
Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 2000 экз. Заказ № 4802. Издательство «Эль-
брус». Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6. Полиграфкомбинат им. Ре-
волюции 1905 года. Мининформпечати КБР. Нальчик, пр. Ленина, 33

